

57-4
1372

Нелли Шульман
Вельяминовы
Время Бури

Нелли Шульман

**Вельяминовы. Время бури.
Книга вторая. Часть девятая**

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. Время бури. Книга вторая. Часть девятая /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901565-5

Вторая мировая война подходит к концу. Советская армия освобождает концлагерь Освенцим, сражается в Венгрии и начинает осаду Берлина.

ISBN 978-5-44-901565-5

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Будапешт	6
Дебрецен	19
Часть двадцать четвертая	22
Интерлюдия	66
Лагерь для перемещенных лиц СМЕРШ, район Бельско	66
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Вельяминовы. Время бури Книга вторая. Часть девятая

Нелли Шульман

Иллюстратор Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2017

© Анастасия Данилова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1565-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Венгрия, январь 1945

Будапешт

На балконе второго этажа полуразбитого дома, выходящего на угол улицы Ворошмарти, заработал пулемет. Отсюда отлично простреливался бульвар Андрасси, перегороженный баррикадами, загроможденный камнем, с наскоро обложенными мешками с песком дзотами, у бывших станций метро. Здание напротив горело, дверь подъезда с треском распахнулась. На улицу высыпали боснийцы, из добровольческой дивизии СС «Ханджар», с мертвыми головами на фесках. Двое солдат тоже тащили за собой пулемет. Над бульваром завывала граната, эсэсовцы, бросив оружие, кинулись на землю. Бульжник разворотило взрывом, оторванная, окровавленная голова, покатила по бульвару в сторону Дуная, к центру. Серая, испачканная, феска упала в растоптанную грязь.

Войска маршала Малиновского окружили город в декабре, но, следуя распоряжению Гитлера, командир девятого горного корпуса СС обергруппенфюрер Карл Пфеддер-Вильденбрух отдал приказ удержать город любой ценой. Из столицы Венгрии предполагалось устроить крепость. Русские, по слухам, посылали парламентариев, в конце декабря, предлагая СС сдаться, однако уличные бои продолжались, переместившись в тоннель метро и канализационные трубы. Красная Армия медленно выдавливала СС из равнинного Пешта, отгоняя немцев к Дунаю, к холмистой Буде.

Над бульваром висел тяжелый, черный дым, январское небо хмурилось. Среди проваленных крыш зажужжал мотор легкого, двухместного самолета. Волк, было, вскинул гранатомет на плечо. Кузен удержал его:

– Не трать боеприпасы. Граната так высоко не достанет. Из противотанкового ружья можно было бы его сбить, но у нас его нет... – Мишель вытер рукавом куртки потное, разгоряченное лицо. Белокурые волосы, под рваной, вязаной шапкой испачкала копоть.

Самолет шел на восток, в сторону Хосок Тере и парка Варошлигет. Русские заняли аэродром Ферихедь. Немцы пока удерживали парк, используя аллеи для посадки легких самолетов. Командование СС, заседавшее в Буде, передавало приказы для последней линии обороны, проходящей немного восточнее музея изобразительных искусств. Звук мотора затих, на бульваре стало пустынно. Выглянув за перила, Волк посчитал:

– Пятеро эсэсовцев. Значит, музей пока не тронули... – Мишель курил, положив руку на гашетку пулемета. Он, устало, кивнул:

– Двери хорошо забиты, а транспортный самолет в парке не посадить, места нет. Они, конечно, могут вывозить полотна на таких малютках... – он указал пальцем в сумрачное небо, – но все равно, дело подходит к концу. Главное, чтобы русские не стали интересоваться содержимым галерей и запасников... – третьего дня Мишель, рискуя жизнью, пробрался подвалами к музею и парку.

Регента Хорти посадили под домашний арест, в Будапеште всем заправляли немцы и местная фашистская партия, «Скрещенные стрелы». Музей закрыли осенью, но, насколько знал Мишель, картины не эвакуировали. Появившись с Волком в Будапеште, он, с поддельными документами, несколько раз ходил в галерею. Швейцарский коммерсант, уроженец Женевы, объяснялся с кассирами и зрителями на французском языке. Он интересовался искусством, и отмечал на плане расположение картин в залах музея. У швейцарца при себе имелся даже маленький фотоаппарат, которым он часто щелкал. Камеру принес Волк:

– На черном рынке чего только не найдешь, а золото у нас пока есть... – ватиканские средства они тратили на документы для местных евреев и аренду домов, под видом шведской собственности. Мишель работал бесплатно, но остальные мастера фальшивых бумаг требовали золота. Валленберг давал взятки местным фашистам, которые, в свою очередь, делились полученным с СС. По подсчетам Рауля, с лета им удалось спасти почти пятьдесят тысяч человек. Многих отправили на безопасные квартиры, фермы и монастыри, в провинцию, но в городе еще оставалось много людей, рассованных по снятым на имя шведского консульства домам.

С началом уличных боев Валленберг, тоже рискуя жизнью, каждую ночь пробирался по улицам Будапешта, принося, с помощниками, провизию и воду, для еврейских семей. Водопровод в городе прекратил работу в декабре, с началом осады. Воду брали из Дуная, под артиллерийскими обстрелами, и из немногих сохранившихся колодцев. Все лавки города давно закрылись, но Волк только повел рукой: «Пусть тебя это не беспокоит».

Пользуясь знакомствами Блау, Максим сколотил группу надежных ребят. Они обворовывали склады вермахта и магазины, брошенные бежавшими на запад хозяевами. Гражданское население, боясь приближения русских, тоже покинуло Будапешт.

Волк забрал у кузена окурки:

– Пожалуй, кроме моих парней, Мишеля с Валленбергом, и евреев, в городе и не осталось никого... – ему не нравилось тоскливое выражение в голубых глазах кузена. Мишель смотрел в сторону музея. Со вчерашнего дня, когда по расчищенному центру бульвара Анд-расси прокатились грузовики с эсэсовцами из «Принца Ойгена», на улице больше никто не появлялся. На востоке, за парком, гремела артиллерия, сеял мелкий снежок.

– Боснийцы разведчики... – сплунув вниз, на окровавленный тротуар, Волк щелчком отправил туда окурки, – они боятся, что русские сюда авангард отправили, по канализации... – пока русских видно не было. Мишель стянул шапку, промозглый ветерок охлаждал голову:

– А если это фон Рабе... – он махнул в сторону пропавшего в тучах самолета, – если он за картинами явился, Волк? И вообще... – кузен не закончил. Максим знал о чем идет речь. С осени бригадефюрер, по слухам, принесенным Раулем, сидел в укрепленной Буде. На улицах его машины видно не было. Они даже не знали, остался ли фон Рабе в городе:

– И вообще, надо, чтобы он попал к нам в руки... – Волк, невольно, повертел в кармане куртки офицерский вальтер, – надо, чтобы он сказал, где жена Мишеля, чтобы ответил за свои преступления. И Петр Арсеньевич... – Волк поморщился, – наверняка при фон Рабе состоит. Власовцы здесь тоже подвизались, с осени... – они постоянно меняли брошенные квартиры, перетаскивая за собой пулемет с патронами, гранаты и несколько трофейных, немецких автоматов.

Достав бинокль, Волк, внимательно, осмотрел мостовую и тротуары:

– Самолет, наверное, в парк отправился, к Гунделю, – вспомнив о бывшем ресторане, а ныне бункере СС, он подумал о подельнике и Ционе:

– Блау ее любит, никогда не оставит. Надеюсь, они добрались до Польши. Только мы не знаем, что в Польше происходит... – с началом осады газеты в городе не выходили, а в немецких листовках писали только о железном щите СС:

– Впрочем, и в газетах бы правды не сказали... – Максим молчал.

Мишель, умоляюще, посмотрел на него:

– Здесь четверть часа до музея. Я туда и обратно... – он коснулся руки Волка, – я туда ходил, и возьму оружие, конечно... – Максим вздохнул:

– Без оружия я бы тебя и не отпустил. Ладно, – он посмотрел на часы, – вряд ли это фон Рабе летел, но проверь, на всякий случай. Русские от парка пока далеко... – Мишель похлопал себя по карману куртки:

– Они не тронут швейцарца, гражданина нейтрального государства. И шведа не тронут... – он кивнул в сторону выбитых окон квартиры.

Валленберг, вернувшись на рассвете, сразу провалился в сон. Они успели выпить дымного, горького кофе, пристроив трофейный чайник вермахта, над костром, в неработающем камине. Рауль широко зевнул:

– Провизия во всех домах есть, и я связался со Стокгольмом, по рации... – передатчик в шведском посольстве работал исправно, – дал им наш адрес... – Волк, недовольно, поинтересовался: «Зачем?». Валленберг удивился:

– На всякий случай, чтобы знали, где нас искать. Немцам он не уйдет, не беспокойся... – Волк разлил по трофейным чашкам кофе:

– Он может уйти русским, Рауль.

Валленберг, непонимающе, пожал плечами:

– Его некому передавать русским, но даже если так, то русские нас не тронут... – Максим хмыкнул:

– Будем надеяться. В любом случае, мы с Мишелем здесь оставаться не собираемся. Пойдем дальше, в Германию... – еще раз оглядев бульвар, Волк убрал бинокль:

– Что с тобой делать? Я бы тебя проводил, но нельзя Рауля одного оставлять, даже при оружии... – балконную дверь они загородили рваным, со следами от выстрелов матрацем. Привстав, Мишель прислушался к артиллерии, на востоке:

– Бои на границе парка идут, у музея войск нет. Я туда и обратно, подвалами. То есть обратно, я могу не один вернуться... – Волк проверил автомат кузена:

– Власовца пристрелили на месте, Петр Арсеньевич... – Волк скривился, – отгулял свое на земле. Хватит и того, что он летом маршами смерти командовал... – в конце лета будапештских евреев гнали на север, к Польше, пешком. Рауль, с Волком и Мишелем, изображавшими консульских шоферов, нагонял марши, с пачками поддельных удостоверений, с печатями шведского консульства. Петра Арсеньевича они не видели, но Валленберг слышал, что русский приложил руку к организации вывоза евреев из города.

– Насчет твоего швейцарского паспорта, – мрачно сказал Волк, когда они, отогнув матрац, нырнули в задымленную, голую комнату, с полуразбитым камином, и покосившимся диваном, где спал Рауль, – ты его русским не показывай, буде их встретишь. А лучше бы не встретил... – разложив по карманам пистолет, десантный нож СС, со сбитой мертвой головой, и гранаты, Мишель подхватил автомат:

– Не встречу, им рядом с музеем делать нечего. Туда и обратно, – повторил он, выходя на темную, пахнущую старой кровью, промерзшую лестницу. Шаги стихли внизу.

Разломав ножку стула, Волк подбросил дров в огонь, в камне. Накрыв Валленберга старым, потрепанным одеялом, Максим налил себе остывшего кофе:

– Фон Рабе давно в Берлин сбежал. Но мы его и там найдем, обещаю. Ладно, пусть Мишель проверит. Ему так спокойнее... – он стал ждать, покуривая шведскую сигарету, из запасов Рауля.

Мишель курил, спрятавшись в подворотне, с разбитой, вывороченной из камня чугунной оградой. Над головой скрипела испещренная следами от пуль жестяная вывеска кафе, на террасе вповалку лежали засыпанные снегом стулья. Здесь, напротив классической колоннады и широких ступеней музея, он пил кофе, осенью. Серые камни устилали переливающиеся на солнце листья, небо над Будапештом сверкало ясным, чистым голубым цветом.

Мишель навещал музей в дорогом, хорошем костюме, при швейцарских часах. За кофе он, незаметно, доставал из портфеля итальянской кожи маленький альбом, со снимками. Он смотрел на Рафаэля, Джорджоне и Тициана, на Рубенса и Брейгеля. Любая из будапештских картин старых мастеров стоила миллионы долларов:

– Если фон Рабе здесь, он не преминет навестить галерею, – подумал Мишель, – постарается что-то украсть, для рейха и лично для себя. Как он украл рисунок Ван Эйка. Но кто была та женщина, с эскиза в галерее Уффици... – перед тем, как покинуть Флоренцию, Мишель переснял фотографию предполагаемого наброска Дюрера, в архивах музея. Он вспоминал редкие снимки кухни Констанцы, подростка:

– Потом она не фотографировалась, из соображений безопасности. Но она будет так выглядеть, на восьмом десятке. Если доживет, конечно. Если она вообще жива... – рисунок Ван Эйка Мишель мог бы скопировать с закрытыми глазами. Модель осталась одной и той же, только постарев, на сорок лет. Не существовало никакой возможности выяснить ее имя:

– Сова, символ мудрости, шифр, на раме зеркала, у Ван Эйка. У Дюрера, если это Дюрер, шифра нет... – он считал, что узоры на зеркале являются ключом:

– Может быть, она была ученым. Хотя женщина не могла стать ученым в пятнадцатом веке. Леди Констанца Холланд жила в начале семнадцатого, и то, никогда не публиковалась под своим именем. Ее архив пропал, во время гражданской войны в Англии... – по преданию, леди Холланд, отправляясь в мужем в экспедицию, в южные моря, оставила свои бумаги в усадьбе Кроу, в Мейденхеде:

– Ее дочь, Софи, вышла замуж за Майкла, старшего сына Питера Кроу... – Мишель пристально следил за зданием музея, – старший ее сын в Академии жил, а младший в Германии работал, на шахтах. Потом архив то ли сожгли, то ли граф Ноттингем его в Рим увез. Понятно, что мы ее документов больше никогда не увидим... – Мишель напомнил себе, что может и не существовать никакой связи между изображенной Ван Эйком женщиной, и его собственной семьей:

– Портретов леди Холланд не сохранилось, если они вообще были, а то, что модель похожа на кухню Констанцу, чистая случайность. Я тоже себя пару раз в Лувре находил, на многофигурных композициях, времен Марии Медичи. Интересно было бы на первого де Лу посмотреть, москвича. Мне кажется, Волк на него похож... – никаких следов самолета на пустынной, разбитой артиллерийским огнем площади, Мишель не увидел.

Он, действительно, добрался сюда быстро, за четверть часа, проторенной в подвалах дорогой. Вынырнув на бульвар Андрасси, в паре сотен метров от площади и парка, Мишель огляделся. Артиллерия продолжала стрелять, но вблизи от музея никого видно не было. Среди голых, черных ветвей деревьев, в парке, на защищенном мешками с песком бывшем ресторане Гунделя развевался нацистский флаг. В бункере сидело командование подразделений СС, пока удерживающихся на восточной границе Пешта.

Мишель, невольно, посмотрел себе за спину:

– Вчера «Принц Ойген» к реке проследовал, сегодня боснийские отряды разведчиков на запад послали. Понятно, что русские нажимают, понятно, что СС в Пеште долго не удержится... – они решили, что немцы, переправившись через Дунай, окопавшись на холмах противоположного берега, взорвут все пять мостов через реку.

– Как во Флоренции они хотели сделать, – невесело сказал Волк, – только Арно техника минует, и не заметит, что река позади осталась, а здесь надо понтонные переправы наводить, под огнем немецких пушек... – на острове Маргит, несмотря на артиллерийские обстрелы, продолжали работу оружейные фабрики. Диверсий они с Волком не устраивали:

– Здесь и подполья нет, – довольно презрительно сказал Максим, – они до прошлого года жили припеваючи, под началом адмирала Хорти. Коммунисты почти все арестованы и расстреляны, это не Франция, не Италия. Только все равно... – Волк вытянул длинные ноги к огню, – товарищ Сталин Венгрию в покое не оставит, сделает ее социалистической... – он покосился в сторону. Мишель махнул рукой:

– К Сталину я никакой любви не испытываю, я его критиковал, до войны, и буду критиковать... – кузен хмыкнул:

– Под своим именем. В газетах, я имею в виду... – Мишель поднял бровь:

– Франция, демократическое государство. В Лувре все знали, что я коммунист. Ни у кого, никогда не возникало вопросов... – Волк бросил окурок в камин:

– А у НКВД, – это слово он сказал по-русски, – возникнет. Несмотря на твои партизанские заслуги, и ордена, дорогой товарищ барон... – Мишель понимал, почему он думает о русских и рисунке Ван Эйка.

– Осенью, мне листья о Лауре напомнили... – сердце, тоскливо, заныло, – в Бретани она плела венки из листьев. Я ее рисовал, у ручья. Смеялся, что она будто фея, из легенд о Мерлине... – пахло влажным мхом, журчала чистая вода. Лаура сидела, распустив темные, мягкие волосы. В немного раскосых глазах отражалось вечернее, заходящее солнце, в листьях деревьев перекликались птицы, над лесом, высоко, плыли журавли:

– Мы часто из лагеря уходили... – Мишель даже закрыл глаза, – разводили костер, ночевали под соснами. Лаура, Лаура... – он не думал о Момо, забыв ее. Каждую ночь к нему приходила жена:

– Даже тогда, на дороге... – Мишель вздохнул.

Осенью, нагнав один из маршей, развернув колонну из трех сотен будапештских евреев, заставив СС принять шведские бумаги, они устроили людей на ночлег в каких-то заброшенных амбарах:

– Волк и Рауль в машине спали, а я прогуляться пошел. Еще тепло было... – Мишель помнил темноту, в дворе амбара, огонек своей сигареты, женский шепот:

– Я просто хочу вас отблагодарить. У меня больше ничего нет, только так. Вы спасли нам жизнь... – Мишель помотал головой:

– Я тогда сказал ей, что женат. Я венчался, перед алтарем. Я никогда не изменю Лауре. А она? Она женщина, ей тяжелее на войне. Никогда, ни в чем я ее не обвиню, обещаю. Мне бы только найти ее, найти малыша... – на площади завивался легкий снежок, артиллерия, внезапно, смолкла. Мишель уловил звук мотора, с боковой улочки, ведущей, как он знал, к служебному входу в музей. Что-то прогремело, он сочно выругался:

– Кажется, двери взрывают. Тамошний вход, наверняка, прямо в запасники ведет. Музей закрыли, картины вниз унесли, как мы в Прадо делали... – отчего-то, заболел старый, почти стершийся шрам на груди, времен испанской войны. Вскинув на плечо автомат, поправив шапку, Мишель побежал к музею.

Легкому самолету Fieseler Fi 156 Storch требовалось для разгона требовалось всего шестьдесят метров. Аллею за художественным музеем, ведущую к бывшему ресторану Гунделя, где засело командование СС, давно расчистили от снега и наледи. Сюда приземлялись самолеты с фельдъегерями, привозившие распоряжения из главного штаба корпуса СС, размещенного на высоких холмах Буда. Рядом с замком оборудовали большую взлетно-посадочную полосу, для транспортных самолетов. Метеорологи ясной погоды на сегодня не обещали, но СС хмурые тучи были только на руку.

Ранним утром, за завтраком в своих апартаментах, бригадфюрер фон Рабе остановился у большого, панорамного окна, выходящего на Дунай. Длинные, холеные пальцы держали чашку, тонкого, мейсенского фарфора. Для комнат высшего командования тепла не жалели. Горели дрова в камине прошлого века, на каменный пол бросили тигровую шкуру. Каждый день из Буда на север, в рейх, уходили самолеты с ящиками, полными золота и драгоценностей. Шкуру привезли с обстановкой какой-то еврейской, реквизированной квартиры. Уютно пахло сандалом и бразильским кофе. Его светлость шелкнул перламутровой зажигалкой:

– Готовьте шторм, Петр Арсеньевич... – голубые глаза блеснули холодом, – бомбежек сегодня ждать не стоит. Мы летим на восток... – Воронцов-Вельяминов, сначала, невольно испугался. С востока Будапешт взяли в кольцо войска маршала Малиновского. Петр Арсеньевич на линию обороны не выезжал. Он занимался розысками и ликвидацией еще оставшихся в городе евреев и предполагаемого, коммунистического подполья. Воронцов-Вельяминов слышал, что Красная Армия расстреливает на месте попавших к ним в руки коллаборационистов, и вообще, все войска СС.

Забыв о наставлениях врачей, он сглотнул. Петр сразу ощутил зловоние, поднимающееся от воротника мундира. Резиновый мешочек, куда вывели дренаж гнойного свища в челюсти, и стенонов проток, надо было опорожнять, по наставлениям докторов, каждый час.

– Лучше каждые полчаса, – сказал ему в Берлине, – но, по крайней мере, ночью вы сможете спать спокойно. Конечно, на особой наволочке... – Петр к запаху привык, и не ощущал его, но замечал, как морщатся коллеги. Свищ то воспалялся, то затягивался, а слюна капала в мешочек постоянно. Незаметно прикоснувшись пальцами к воротнику, пробормотав извинение, Воронцов-Вельяминов, поспешно, закурил. Запах табака немного перебил зловоние.

Бригадефюрер усмехнулся:

– Не бойтесь. Мы всего лишь летим к бывшему ресторану Гунделя, то есть к музею... – Максимилиан не хотел рисковать, проезжая на легкой машине через Пешт. В разрушенных зданиях могли сидеть разведчики русских, или местные банды, пользующиеся тем, что город опустел. Почти каждую ночь случались нападения на отряды СС или грабежи с оставшихся в Пеште складов. Петр Арсеньевич, с подразделением РОА, прочесывал дома, в поисках спрятавшихся евреев. Максимилиан знал о шведе Валленберге, который обеспечивал местных жидов якобы настоящими документами, гарантировавшим им защиту, однако мерзавец, казалось, был неуловим. Бригадефюрер жалел, что, по служебной необходимости, ему осенью пришлось отлучиться из Будапешта:

– Если бы я здесь остался, Валленберг бы от меня не ушел. Растяпе, Петру Арсеньевичу, ничего нельзя поручить. Надо сказать спасибо, что он, хотя бы, за музеем наблюдал... – Максимилиан вернулся в Венгрию, когда холсты отправили в запасники, в подвалах галереи. По уверениям Петра Арсеньевича, все картины, отмеченные бригадефюрером, находились в целостности и сохранности. Предстояло, правда, еще их найти, пользуясь только фонариками. Максимилиан договорился с командованием дивизии «Принц Ойген», о выделении особого подразделения саперов. Они взрывали двери запасного входа музея, на аллее бригадефюрера и Воронцова-Вельяминова ждал грузовик. Два десятка холстов не поместились бы в Шторх, Максимилиану пришлось согласиться на машины с вооруженным сопровождением. В Будапеште их забирал транспортный самолет.

– Ладно... – он полюбовался изящными мостами через Дунай, башнями собора Святого Стефана, – надеюсь, мы проедем на этот берег без инцидентов... – Максимилиан отвел глаза от дома, где раньше размещалась его квартира. Он не хотел думать о Цецилии, но все равно, каждую ночь, вспоминал ее рыжие, тяжелые волосы, обнаженные до плеч руки, на клавишах рояля, ее шепот:

– Я люблю тебя, я так тебя люблю... – Максимилиан, упорно, считал на пальцах. Вышло, что ребенок должен родиться сейчас, в феврале. Он не знал, что случилось с Цецилией. Девушка могла быть мертва, она могла потерять дитя:

– Она не избавится от ребенка, – убеждал себя бригадефюрер, – она любила меня. То есть любит... – Максимилиан надеялся найти девушку:

– Я бы ее отправил в Швецию, или Швейцарию. Я бы все сделал, чтобы ее обезопасить... – он, втайне, думал, что Цецилия могла податься в Варшаву, к бандитам. Однако после подавления восстания, никаких следов девушки он в бывшей польской столице не нашел. От Варшавы остались одни руины, под которыми сейчас стояли русские:

– Пусть заходят на выжженную землю, – презрительно думал Макс, – Будапешт мы тоже разрушим, и взорвем Краков... – завтра, согласно приказу командования, СС отходило на запад, в Буду. Пять мостов через Дунай взлетали на воздух. Максимилиан, впрочем, не собирался ждать отступления. Вчера пришла радиogramма, из Берлина, Отто, получившего тяжелое ранение на фронте, перевезли в столицу. Гиммлер вызывал Максимилиана обратно в рейх:

– Нет смысла здесь сидеть, – попыток Макс, допивая кофе, – город обречен. Надо заняться поисками Эммы и Марты. Проклятый Валленберг, он бы мне пригодился... – швед нужен был Максиму не ради поисков спрятавшихся в подвалах и канализации евреев. Местные жида бригадефюрера больше не интересовали:

– Валленберг, наверняка, связан с англичанами, как и предатель Генрих. Может быть, они даже были знакомы. Он бы мог сказать, куда Генрих и отец отправили женщин и малыша... – Цецилия, с будущим ребенком, исчезла. Кроме Адольфа, хоть и сына предателя, у титула не было других наследников.

– Адольфа я воспитаю достойным человеком, – пообещал себе Макс, – я и Отто. Выдам Марту за него замуж, мы заменим малышу отца. В конце концов, Эмма обязана вернуться к законному мужу... – законный муж сестры еще не согнал бледность, с красивого лица. Круглый шрам на правой щеке, след острого каблука бывшей мадам Тетанже, русского почти не портил. Максимилиан задумался:

– У его брата шрама нет, если судить по фото. Хотя мог и появиться, за это время. В нынешней обстановке, невозможно запомнить, у кого какие шрамы... – хотя в Польше он не нашел ни Цецилии, ни доктора Горовиц, ни проклятого Холланда, Максимилиан вернулся из генерал-губернаторства не с пустыми руками.

Присев к большому, дубовому столу, Максимилиан налил себе кофе:

– Ваша беда, дорогой зять... – он покачал носком начищенного сапога, – в том, что вы слишком торопитесь с выводами. Вы утверждали, что ваш брат, доблестный летчик Воронов, утонул в Эресунне. А я вам говорил, что не надо спешить, и преждевременно его хоронить... – Петр Арсеньевич, из-за ранения, не успел навестить лагерь Штутгоф, но туда приехал Макс.

У бригадефюрера на руках имелась папка некоего норвежца, герра Равенсона. По документам выходило, что Равенсона выловило немецкое рыболовное судно, в проливе Эресунн. Рыбаки, верные граждане рейха, сдали нарушителя границ в ближайшее отделение гестапо. Судно базировалось в Данциге, где и сделали первые снимки Равенсона, при аресте. Норвежца отправили в лагерь Штутгоф, однако он бежал, не просидев и двух месяцев. Максимилиан хмыкнул:

– Судя по всему, тоже морем. И где его теперь искать... – тем не менее, брату Петра Арсеньевича успели выколоть лагерьный номер. Максимилиан велел зятю, по возвращению в Берлин, навестить госпиталь:

– Хотя врачи сейчас, наверняка, больше заняты сведением татуировок СС, – Макс от своей наколки избавляться и не думал. Он постучал сигаретой о серебряную пепельницу, работы Фаберже:

– Если ваш брат жив, то мы его найдем. Но вам, в будущем, предстоит его сыграть, если такое понадобится... – Макс еще не знал, зачем ему пригодится советский летчик Воронов, но по нынешним временам, близнецами не разбрасывались:

– Тем более, учитывая найденную при нем вещь... – просматривая папку так называемого Равенсона, Максимилиан, сначала, не поверил своим глазам. Медальон он видел много раз:

– Он был в Норвегии, – бригадефюрер замер, – он знал мою драгоценность. И не только знал, судя по всему. Это ее семейная вещь, реликвия. Если 1103 похитили русские, если все

брат Воронова организовал... – в Штутгофе, согласно инструкции, вещи, найденные при аресте, либо хранились на складе, либо, в случае предметов личного пользования, возвращались заключенному. Максимилиан был уверен, что Равенсон, то есть Воронов, никогда не потеряет медальон:

– Остается только его найти, а потом разыскать мою драгоценность. Ракеты бесполезны, пока они не получают удаленного управления. И нам нужна бомба, на юге. Доктор Кроу нам пригодится... – мальчишка, как называл Макс барона де Лу, тоже был нужен на юге, но следов его Макс пока не нашел.

Петр Арсеньевич, посадив самолет, остановил Шторх в двадцати метрах от грузовиков СС. Саперы копошились у высоких, дубовых дверей, машины прогревали моторы:

– Очень тихо, ваша светлость, – недоуменно сказал Воронцов-Вельяминов, – артиллерия замолкла... – накинув шинель с зимним, меховым воротником, Максимилиан легко выскочил на аллею. Он с осени не пользовался тростью, избавившись от последствий ранения. Светлые волосы шевелил легкий ветерок, бригадефюрер отмахнулся:

– Ваши бывшие соотечественники отправились обедать, Петр Арсеньевич. Как говорится, выпить свои наркомовские сто грамм... – тонкие губы улыбнулись. Максимилиан помахал командиру саперов, штурмбанфюрер крикнул: «Все готово!». Над аллеей прокатился взрыв. Саперы, заранее отскочив, поднимались с земли:

– Еще раз, – велел Макс, – здание на совесть строили... – двери только немного покосились. Петр Арсеньевич уловил на востоке какой-то рев. Приподнявшись, взяв бинокль, он всмотрелся в хмурый горизонт. Рука задрожала, он крикнул:

– Ваша светлость, танки, русские танки... – Петр хорошо знал очертания Т-34:

– Танки, – он едва ни плакал, – русские прорываются через парк... – Максимилиан ничего не слышал. За деревьями, отделяющими улочку от поворота к площади, он увидел знакомую фигуру: – Его я не ожидал здесь встретить... – бригадефюрер потянулся за пистолетом, – но все складывается, как нельзя лучше. Главное, не спугнуть его. Но что он здесь делает, как сюда добрался? Да какая разница... – Максимилиан, раздраженно, бросил через плечо:

– Слышу, что танки. Займитесь делом, вы офицер СС. Организуйте оборону, в конце концов... – Петр Арсеньевич, испуганно, сказал:

– Русские в километре, ваша светлость. Они сейчас будут здесь... – Макс повел оружием:

– Даже если появится товарищ Сталин, не беспокойте меня. Есть дела важнее... – мальчишка внимательно следил за работой саперов, прижавшись к углу здания:

– Жаль, что у меня нет снайперской винтовки... – Макс прикинул расстояние, – но я справлюсь. Самолета он не видит, за грузовиками, а он у меня, как на ладони... – раздался второй взрыв. Максимилиан, прицелившись, выстрелил.

Едва транспортный самолет миновал границу рейха, как тучи рассеялись. Под крылом заблестели снежные вершины Баварских Альп. Моторы, размеренно, гудели, Откинувшись в покойном кресле, закутавшись в кашемировый плед, Максимилиан пил кофе. Бригадефюрер, разумеется, не пользовался обычными рейсами, со стальными лавками вдоль фюзеляжа и греющим под ногами полом. Самолет, из личного парка маршала Геринга, передали рейхсфюреру. Машину оборудовали креслами, итальянской кожи, устройством для варки кофе и пепельницами, балтийского янтаря. Максимилиан смотрел вниз, на голубую, стылую бездну:

– Лучше бы мы вывезли и вещи из Альтаусзее, с Янтарной комнатой и другими сокровищами. Гентский алтарь и Мадонна из Брюгге в шахтах, но не мешает о них позаботиться... – Мадонну успели отправить на восток, перед наступлением союзников в Бельгии:

– Очень хорошо, что бандиты нам не помешали, – солнце заиграло в отполированных ногтях Макса, – и вообще, надеюсь, что пресловутый Монах сдох, не дожидаясь освобождения своих гор. Вкупе с мадам Тетанже... – по приказу рейхсфюрера, СС, в случае отступления, взрывало сталелитейный завод и шахты Мон-Сен-Мартена. Несмотря на отчаянное положение на фронтах, Максимилиан не смог сдержать улыбки:

– Все складывается, как нельзя лучше... – ему было немного жаль, что в самолете, кроме ящиков с золотом, не стояли полотна Рафаэля и Тициана, но шторм поднялся в воздух, когда русские танки вкатывались на аллею, стреляя по ресторану Гунделя. Максимилиан не хотел рисковать жизнью:

– У меня скоро ребенок родится. Малыш должен расти с отцом. Я слишком долго гонялся за мальчишкой, чтобы его сейчас упустить... – бригадефюрер славился хладнокровием и точностью стрельбы. Месье де Лу получил ранение в колено:

– Но это для начала... – Максимилиан обернулся к шторке, отделяющей задний отсек самолета, – он еще уйти пытался, на одной ноге... – оглушив мальчишку рукоятью пистолета, Максимилиан, быстро наложил жгут, выше раны. Месье де Лу требовалось доставить в рейх живым и относительно невредимым.

Подтащив мальчишку к самолету, Макс увидел трясущиеся губы Петра Арсеньевича. Никакую оборону он, конечно, не стал организовывать:

– Оберштурмбанфюрер, – презрительно подумал Макс, – аристократ. Если бы он так меня ни боялся, он бы сбежал отсюда, быстрее ветра... – мальчишку Макс устроил на полу двухместной кабины Шторха:

– Взлетайте... – велел он русскому, – я хочу через два часа оказаться в воздухе, за границами рейха... – Петр Арсеньевич покосился на мертвенно-бледное лицо барона де Лу:

– Что... что он здесь делает, ваша светлость... – шторм начал разгон. Макс, почти весело, отозвался: – Надеюсь, что ваши доблестные танкисты не возьмут противотанковые ружья. Иначе нас собьют... – оберштурмбанфюрер едва ни выпустил штурвал:

– Не возьмут, – успокаивающе добавил Макс, когда самолет взмыл над площадью, направляясь на запад, – а месье де Лу появился в Будапеште, ведомый профессиональным долгом... – Макс посмотрел на закрытые глаза, на промокший от крови шарф, выше левого колена:

– И любовью, – едва ни сказал он.

Оберштурмбанфюрер высунулся из-за шторки:

– Завтрак готов, ваша светлость... – Максимилиан кивнул на овальный стол:

– Накрывайте. Поздний завтрак, бранч, как говорят союзники... – на борту самолета была венгерская салями, и несколько ящиков токайского вина. Максимилиан щелкнул застежками портфеля: «Я сейчас». Доставая конверт, он решил:

– Заберу кольцо из сейфа, на Принц-Альбрехтштрассе. Петр Арсеньевич по дороге в Буду икону поставил, на приборную доску. Даже, кажется, молился. Он с Мадонной не расстаётся, и алмаз пусть при мне будет. Мне так спокойнее... – бригадефюрер понимал, что делает это в надежде найти Цецилию:

– В конце концов... – он повертел конверт, – Берлин бомбят, несмотря на усилия Люфтваффе. На вилле ничего ценного не осталось, не жалко, но министерский квартал тоже могут атаковать... – он поднялся, взяв ключи от закрытого отсека. Среди ящиков с золотом, установили носилки.

В Буда все сделали быстро. Пулю Максимилиана доставать не стали, только остановив кровотечение:

– В Берлине нас ждет санитарная машина. Поеду с ним в госпиталь СС, прослежу за операциями. Пусть оправляется, по соседству с Отто, под надежной охраной... – мальчишке

сделали успокаивающий укол, но, по расчетам Макса, он должен был очнуться. Открывая замок, бригадефюрер вспомнил 1103:

– Мы ее так в рейх вывозили, привязанной к койке. Она пришла в себя, потребовала увидеть Майорану. И увидела... – Макс усмехнулся. Он с нетерпением ждал встречи со своей драгоценностью:

– Я у нее был первым, женщинам такое важно. Петр Арсеньевич сыграет роль своего брата, а дальше дело за мной. Это работа, к Цецилии такие отношения не имеет... – горела одна, тусклая, красная лампочка. Наклонившись над бледным лицом, Максимилиан похлопал по заросшим белокурой щетиной щекам:

– Он молодой человек, тридцать три года. Ровесник Отто. Я позабочусь о том, чтобы он долго прожил, на будущем посту... – месье Маляр едва слышно застонал. У Мишеля сильно болела голова:

– У музея был фон Рабе. Я оказался прав, прав... Кажется, он выстрелил, я побежал... Еще кто-то стрелял, я слышал взрывы... – Мишель постарался открыть глаза. Перед ним была фотография Лауры, такой, какой он ее помнил, в Лионе. Запахло сандалом, на пальце блеснул серебряный перстень, с мертвой головой. Мишель потянулся вверх, колено заныло:

– Поменьше движений, – посоветовал знакомый голос, – вас перевязали, но если откроется кровотечение, вы можете умереть. Мы всего в часе от Берлина, бежать вам некуда... – он устроился на ящике с печатями СС, закинув ногу на ногу. От белоснежной, накрахмаленной рубашки, веяло свежестью, он распустил узел форменного галстука. На булавке, у свастики, раскидывал крылья прусский орел.

– Я очень рад вас видеть, месье Маляр, – почти радушно сказал Макс, – но наши встречи, почему-то, всегда, сопровождаются стрельбой. Надеюсь, больше такого не случится... – мальчишку надежно привязали, снабдив наручниками. Волноваться было не о чем. Максимилиан взглянул в немного туманные, голубые глаза. Месье Маляр облизал губы:

– Где... где моя жена... – бригадефюрер, про себя, хмыкнул:

– Она, конечно, сейчас по-другому выглядит, после Лиона и остального. Если она вообще жива. Надеюсь, что да. Она в Равенсбрюке была. Надо послать туда распоряжение, чтобы ее не отправляли в крематорий, пока что... – Максимилиан закурил:

– От вас, месье барон, зависит ее жизнь. Ведите себя хорошо, и с мадам де Лу ничего не случится... – Мишель опустил веки:

– Тебе надо спасти Лауру. Он будет тебе лгать, они все лгут. Не слушай его, что бы он ни говорил. Он ее арестовывал, пытал... – теплое дыхание защекотало ухо, запахло хорошим табаком:

– Я могу рассказать вам много интересного о вашей супруге, месье Маляр. У нас в Берлине будет время для бесед... – Мишель сжал зубы:

– Не слушай его, не слушай. Просто узнай, где Лаура, и сделай все, чтобы ее спасти... – перед его глазами опять появилось фото:

– Тюремное, – понял Мишель, – но костюм я помню, с Лиона... – темные волосы падали ей на плечи, немного раскосые глаза смотрели прямо в камеру:

– Я найду ее, найду... – снимок фон Рабе ему не оставил:

– Скоро увидимся, месье Маляр... – пообещал он с порога, – к завтраку я вас не приглашаю, вам нельзя... – щелкнул замок, лампочку выключили. В полной темноте, слушая гудение самолета, Мишель прошептал:

– Даже если я пойду долиной смертной тени, я не убоюсь зла...

Опустившись на колени, Волк рассматривал, в свете фонарика, растоптанный, грязный, окровавленный снег. У покосившихся дверей музея валялись брошенные немецкими саперами упаковки взрывчатки. Мешки с песком, раньше защищавшие бывший ресторан

Гунделя, выстрелами танков разметало по всей аллее. В конце дорожки, у замерзшего пруда, чернела сгоревшая тридцатьчетверка. На присыпанном снежком гравии дорожки, застыли окоченевшие трупы. Эсэсовцы и русские лежали вперемешку. Нацистское знамя, над разбитым зданием ресторана, сорвали, но советского флага видно не было.

Бой на западной окраине парка продолжался весь день. По бульвару Андрасси, с запада на восток, шли грузовики с подкреплением:

– Все равно СС обратно откатится, – сказал Волк Раулю, – они не удержат восточные окраины. Будем надеяться, что Мишель сидит в музее и носа на улицу не высовывает... – Максим предполагал, что кузен, добравшись до запасников, не стал покидать подвал:

– Оружие у него при себе, – заметил Волк, – но Мишель человек осторожный. По нынешним временам, это лучше. Он там останется до темноты. Ночью, бой, все равно затихнет... – так оно и случилось. СС отбросило русских от музея, но, судя по всему, не стало восстанавливать линию обороны. Дождавшись, пока придут его ребята, на помощь Раулю, Максим посмотрел на часы:

– Занимайтесь своими делами. Все равно, нашим евреям... – Волк, коротко, улыбнулся, – недолго осталось в подвалах сидеть. Завтра, я думаю, СС в Буду отступит, взорвет за собой мосты... – они с Раулем стояли на балконе, оглядывая пустынный бульвар Андрасси. После хмурого, серого дня, вечер оказался неожиданно ясным и морозным:

– Семнадцатое января, – вздохнул Максим, – а город с осени осаждают. Ладно, скоро все закончится. Рауль уедет в Швецию, а мы с Мишелем отправимся в рейх. Фонарик у него есть. Наверняка, бродит в подвале, изучает местные картины... – над парком, на востоке, в наступившей тишине, слышались птичьи крики. Вороны кружились у голых верхушек деревьев. На темно-синем небе выступили первые, холодные, слабые звезды. Кинув окуроч вниз, Волк проследил за рассыпавшимися искрами:

– Вы будьте осторожней, пожалуйста... – Максим понял, что не видел, как самолет возвращался за Дунай: «Я мог пропустить звук, – успокоил себя Волк, – артиллерия гремела, весь день».

– Будьте осторожней, – повторил он, – особенно, учитывая, что адрес теперь известен не только нам... – за своих ребят Волк ручался, но, несмотря на заверения Рауля, что в Стокгольме адрес передавать русским некому, Максим распорядился:

– Вернешься, я приведу Мишеля, и найдем другое место. Мне так спокойней будет... – город наполняли заброшенные квартиры. Максим не доверял НКВД:

– Вдруг в Москве узнали о Валленберге, – он собирался к музею, – вдруг решили, что Рауль на англичан работает. Сообщили сведения сюда, в военную разведку армии Малиновского. Будапешт еще не освобожден, но с моих соотечественников станется лично явиться за предполагаемым разведчиком британцев... – Максим не мог не пойти к музею. Он чувствовал ответственность за Мишеля:

– Я его перевел за линию фронта, я обещал, что буду за ним присматривать. Он знает об Уильяме, единственный из семьи. Вдруг меня убьют, вдруг что-то случится... – в круге яркого, белого света снег отливал темным оттенком крови. Волк взял к музею двоих парнишек, карманных воров, но не хотел, чтобы ребята рисковали, возясь с брошенной взрывчаткой. На первый взгляд, двери так и не поддались взрывам. Максим попытался крикнуть: «Мишель!», но внутри царило молчание:

– Кажется, двери и не открывали вовсе... – он огляделся:

– Здесь столько натоптали, что следы искать невозможно. И самолет, если он здесь и был, тоже ничего после себя не оставил... – среди трупов они не нашли ни Мишеля, и владовскую мразь, как Максим звал Воронова. На бригадефюрера фон Рабе Максим и не рассчитывал:

– Но, может быть, Мишель был прав... – луч фонарика метался по аллее, – и фон Рабе прилетел сюда за картинами... – Волк свистнул парням:

– Разобьем газоны на сектора и еще раз, все проверим... – медленно двигаясь, наклонившись, ежась от колючего ветерка, он едва ни пропустил то, что искал. Блокнот Мишеля лежал в луже заледеневшей крови. Страницы были непоправимо испорчены, но Максим, все равно, их пролистал:

– Ничего не видно, но обложку я узнал. Здесь было фото наброска, из галереи Уффици, копия эскиза, который фон Рабе в Мадриде забрал... – Максим вспомнил:

– В Мадриде Мишелю блокнот жизнь спас, задержал пулю. А сейчас не удалось... – он остановился, глядя на черные полыньи, во льду, покрывающем пруд. По белому пространству гуляла легкая поземка. Парк затих, с запада тоже не было слышно никаких выстрелов:

– Словно перед бурей, – подумал Волк, – хотя понятно, что дальше случится. Эсэсовцы засядут в Буде, а русские положат еще сотню тысяч солдат, чтобы выбить немцев из города, как в Сталинграде. От Будапешта ничего не останется, одни руины... – если труп кузена сбросили под лед, то найти его сейчас, ночью, было невозможно:

– С другой стороны, – мрачно понял Волк, – зимой с телом ничего не случится. Я должен знать, что произошло. Если Мишель мертв, я должен сообщить семье, но только как... – Волк давно сказал Раулю, что не хочет пользоваться передатчиком, в шведском консульстве:

– Немцы могут его слушать, и ты не знаешь, с кем разговаривают люди в Швеции... – Валленберг кивнул:

– Именно поэтому я и не о чем не распространяюсь, на сеансах. Семье просто говорят, что я жив... – блокнот кузена Волк сунул в карман толстой, трофейной немецкой куртки, со споротыми нашивками:

– Дома сожгу. Ладно, – он опять посмотрел на двери, – если Мишель жив, он выйдет из музея, отыщет нас, а если его убили... – Волк хотел, дождавшись удобного времени, вернуться к пруду:

– Мишель христианин. Если он погиб, я не позволю его телу остаться без погребения... – со стороны бульвара Андрасси донесся звук автомобильного мотора, в темноте пронесся свет фар. Волк помигал фонариком ребятам: «Идите сюда».

Один из парней прислушался:

– Вроде не немецкий автомобиль. К Дунаю идет. Наверное, русские разведчики, Фаркаш... – Волк задумался:

– Может быть, послали пару человек, посмотреть, где немцы в Пеште, и вообще, что происходит. А может быть... – он распорядился: «Пошли».

Тропинку в подвалах, ведущую на запад, Максим знал назубок. Подсвечивая себе фонариками, они добрались до угла улицы Ворошмарти. Заваленная камнем лестница вела наверх, в двор их дома. Волк, первым, осторожно толкнул косую подвальную дверь, в лицо ударил морозный воздух. Звука машины он не услышал, света фар тоже не было видно. Оставив ребят в арке, ведущей на бульвар Андрасси, он велел:

– В случае чего, сразу ныряйте в подвал. Русские сейчас будут стрелять по всему, что движется. Впрочем, немцы тоже... – поднимаясь на второй этаж, по стылым каменным ступеням, Волк надеялся, что сейчас увидит кузена и Рауля, распивающими кофе:

– Квартира на проспект выходит. Со двора не было заметно, развели они огонь, или нет. Немцев здесь не осталось, мертвая зона. Могли и разжечь костер, ничего опасного. С Мишелем мы могли разминуться... – дверь квартиры оказалась немного приоткрытой. Волк даже стал дышать почти неслышно. Проскользнув в темную переднюю, не включая фонарик, он прижался к стене:

– Никого нет, кажется... – рука в кармане легла на пистолет, – может быть, Рауль еще не вернулся... – Максим, на цыпочках, пробрался в гостиную. Огонь в камине давно потух.

По запыленным половицам, среди разбросанной, ломаной мебели, гулял ветерок, с балкона. Он, очень осторожно, щелкнул рычажком фонарика. Записка лежала на столе, придавленная банкой с немецкой ветчиной:

– Уехал в Дебрецен, с представителями штаба маршала Малиновского, как гость, или заключенный, пока не знаю... – Рауль писал на французском языке:

– Но надеюсь, что скоро вернусь... – Волк скомкал бумагу:

– Черт, черт... – быстро разведя огонь в камине, он бросил туда и записку, и блокнот Мишеля. Сунув в карман банку, Волк сбежал во двор. Парни подпирали стенку, закутавшись до носа в шарфы, передавая друг другу окурок. Светящиеся стрелки на часах Волка показывали четверть часа, до полуночи:

– Семнадцатое января, то есть сейчас начнется восемнадцатое. Медлить нельзя... – Максим прикурил у ребят: «Через час мне нужна машина, в Дебрецен».

Дебрецен

Штаб Второго Украинского Фронта размещался в почти нетронутой боями, бывшей лучшей гостинице Дебрецена, «Золотой Бык», рядом с желтыми башнями огромной кальвинистской церкви. Центр города, осенью, безжалостно обстреливали, от многих домов остались руины, но в «Золотом Быке» только немного пострадала крыша, сейчас заделанная. Среди мраморных завитушек и зеркал вестибюля, над бывшей стойкой портье, из полированного дуба, водрузили красное знамя и портрет товарища Сталина.

В холле было накурено, трещал полевой телефон. За большим окном, в завалах камней, копошились люди в гражданских пальто. Жители города разбирали остатки зданий. На площади поставили военных регулировщиц, девушек, в зимней форме. Напротив, на одном из зданий, виделась табличка, на венгерском и русском языках: «Резиденция Временного Правительства». Коалиционный комитет, образованный в Дебреcene, прошлым месяцем, успел объявить войну Германии и сейчас заключал перемирие с Советским Союзом. Пока никакого флага на здании правительства не имелось, но, учитывая коммунистов в его составе, всем было ясно, что скоро комитет станет основой для будущей, социалистической Венгрии.

От Дебрецена до осажденного Будапешта лежало двести километров очищенной от мин дороги. Колонны военных грузовиков постоянно шли в направлении столицы. После расстрела парламентариев, все понимали, что немцы не станут капитулировать:

– Значит, мы их выйдем оттуда, как выбили из Варшавы, – дежурный по штабу, за стойкой, налил себе чая, из большого, медного чайника. Кухня гостиницы оказалась в порядке. В столовой еду подавали на фарфоровых тарелках, с гербом отеля. В отдельном кабинете даже нашли рулетку. Стол зеленого сукна отнесли наверх, предварительно сняв игровое колесо. Стойку портье, со стороны персонала, тоже обили зеленым сукном.

Дежурный изучал утреннюю сводку. Вчера войска Рокоссовского заняли Варшаву, в Восточной Пруссии продолжалась наступательная операция. Офицер, одним глазом, косился в сторону неизвестного визитера, появившегося в штабе на рассвете, два часа назад. Его машина, довоенный, черный фورد, с закрытым верхом, стояла прямо за окном, выходящим на площадь. Дежурный языков не знал, и не мог объясниться с высоким, красивым мужчиной, в дорогом даже на вид пальто, с каракулевым воротником. Белокурую голову, несмотря на легкий мороз, гость не покрывал. В руках он держал портфель, мягкой кожи. Пахло от него хорошим табаком и кофе. Сначала старший лейтенант подумал, что перед ним венгр, из людей временного правительства. Сказав пару слов на венгерском языке, обнаружив, что дежурный его не понимает, гость перешел на немецкий.

Старший лейтенант знал по-немецки слов пятьдесят, но понял, что визитер ищет некоего герра Валленберга, своего то ли приятеля, то ли делового партнера. Повертев паспорт, с гербом нейтральной Швейцарии, дежурный вызвал по телефону замену. Старший лейтенант пошел наверх, в отдел «СМЕРШ». Выяснилось, что Валленберг, которого привезли ночью из Будапешта, после предварительного допроса отправлен поездом в Москву. Начальника СМЕРШа фронта, генерал-лейтенанта Королева, на месте не было, он уехал в войска. Его подчиненные тоже пока не появлялись, время было раннее. Дежурный контрразведчиков, позевывая, велел:

– Давайте сюда паспорт этого швейцарца, если он, действительно, швейцарец. Наверняка, такой же шпион, как и Валленберг. Придут уполномоченные, переводчики, мы его допросим... – спустившись вниз, старший лейтенант сказал швейцарцу: «Битте зи вартен». Гость только кивнул. Старшему лейтенанту не нравились его глаза, яркие, как чистое, летнее небо, спокойные, пристальные:

– Неизвестно, что у него в портфеле лежит... – он поглядывал на ободранный диван, где уселся гость, – впрочем, его обыщут. Валленберг тоже гражданин нейтральной страны, однако СМЕРШ просто так никого не арестовывает. Здесь прифронтовая зона, надо соблюдать бдительность... – услышав щелчок, старший лейтенант насторожился. Приподнявшись, он обнаружил, что швейцарец вытащил из портфеля флягу, с золотой насечкой. Гость приподнял бровь: «Kaffee?». Старший лейтенант помотал головой:

– Найн. Данке... – работники СМЕРШа, на инструктажах, предупреждали об опасности, которая может исходить от гражданского населения:

– На Украине в лесах полно бандитов, бандеровцев. Они отравляют воду в колодцах, подстерегают наших солдат в глухих местах, нападают на них. Мало ли что у него во фляге... – по вестибюлю поплыл запах крепкого кофе. Швейцарец курил, покачивая носком начищенного ботинка.

Двести километров Максим сделал за четыре часа. Не желая рисковать, он поехал окольными дорогами, не выбираясь на шоссе. По пути он не встретил советских военных патрулей, но здешние места были так разбиты танками армии Малиновского, что гнать машину было опасно. В портфеле, кроме кофе, у Волка лежало оружие, немецкий трофейный вальтер, и холщовый мешочек с золотыми часами и кольцами. Волк взял драгоценности, в общем, на удачу, не рассчитывая, что НКВД польстится на взятку.

– Но, может быть, я ошибаюсь... – фары резали предрассветную тьму, – до войны в Москве кого только ни покупали. СС брало взятки у Рауля, за спасение евреев. Я любые деньги отдам, только бы его выпустили. Он праведник, он избавил от смерти тысячи людей. Господь мне не простит, если я буду стоять над кровью брата своего... – Волку не нравилось, что его паспорт к нему так и не вернулся:

– Наверху, наверняка, изучают мои документы, – решил он, – пусть изучают. Вряд ли они возят с собой лабораторию, а над бумагами хорошие мастера поработали, в Италии. Или они покажут паспорт Раулю... – за друга Волк не беспокоился:

– Рауль умный человек, он поймет, что надо говорить. Мы деловые партнеры, занимались коммерцией... – на старинных часах пробило восемь утра. Дежурный изучал какие-то бумаги. Волк покосился на тарелку репродуктора, в углу бывшего гостиничного бара:

– Вина, конечно, офицеры РККА выпили, здесь к гадалке не ходи. Вообще они все за трофеями охотятся. Может быть, и примут золото, за Рауля... – Волк почти ожидал услышать советский гимн, но хмыкнул, про себя:

– Москва сюда еще вещание не дотянула, а венгерские станции давно не работают. Немцев они слушать не будут... – из-за стойки донесся немелодичный свист. Волк узнал: «Катюшу».

– Надеюсь, Павел ни в какой СССР не отправится, а обвенчается со своей Люцией Катариной и будет пить с ней кофе по утрам, с видом на крыши Флоренции... – угрюмо подумал Волк, – но у Павла семья в Ленинграде осталась. Он говорил, что не может не дать о себе знать. Впрочем, эти псы и пожилую женщину с девушкой арестуют, потому, что они получили письмо, из-за границы. Это если мать Павла и его сестра живы, конечно. А тебе, Максим Михайлович, и писать некому... – утреннее солнце сияло в легком снежке, на площади. Он вспомнил, как сверкали бронзовые волосы девочки, в метро:

– Будто листья палые. Оставь, она была дочь какого-то чекиста, ты ее больше никогда не встретишь... – Волк, отчего-то, услышал далекую музыку «Рио-Риты», застучали каблуки.

Максим, встрепенувшись, подхватив портфель, поднялся. По лестнице отеля сбегал какой-то офицер, с его паспортом в руках.

Едва увидев сытое, холеное лицо, Максим, незаметным движением, сомкнул пальцы на пистолете, в кармане пальто:

– Кто знал, что он выживет? Хотя чекисты всегда выживают... – оперуполномоченный полка, где, на Волховском фронте, служил бывший старший сержант Волков, шел прямо к нему.

– Давно не виделись, Максим... – прогремел выстрел, зазвенело зеркало, над головой бывшего старшего лейтенанта, а по погонам, ныне майора:

– Они погоны ввели... – успел подумать Максим, бросая под ноги чекисту пальто, выскакивая в крутящуюся дверь, – теперь понятно, что Рауля здесь нет. Был бы, они бы со мной игру устроили... – рванув на себя дверцу форда, он пригнулся. Пуля разбила заднее стекло, Максим нажал на газ:

– Главное, мне от них оторваться. Золото у меня при себе, не пропаду... – форд, вильнув, скрылся за разбитым артиллерией углом церкви.

Часть двадцать четвертая

Мон-Сен-Мартен, январь 1945

Совещание штаба 746 танкового батальона устроили на шоссе, у разбитого, каменного моста, через темный, быстрый Амель. Раннее утро, в первый раз за неделю, выдалось ясным. Рядом с мостом возвышались остатки стен, тоже средневековых. Увидев в нише распятие, командир батальона, полковник Хупфер, набожно перекрестился. Полковник был из американских швейцарцев. Католик, он отлично говорил на немецком языке:

– Это у меня семейное, – заметил он Меиру, – мой предок в прошлом веке из деревеньки под Цюрихом в Новый Свет подался. Открыл часовую мастерскую, в штате Индиана... – Меир знал Хупфера по боям в Нормандии, и обрадовался, когда Паттон сообщил ему, что 746 батальон закроет мешок, как выразился генерал, окружающий Мон-Сен-Мартен.

Сама третья танковая армия, обогнув Высокий Фен, двинулась к границе рейха. Временный штаб разместили в деревеньке Сурбро, на южной границе плато. Через Сурбро проходила узкоколейка, построенная в прошлом веке, из Аахена до границы с Люксембургом:

– Благодаря действиям партизан, – Паттон расхаживал у карты, – от рельс ничего не осталось. Нет опасности, что СС использует железную дорогу для эвакуации, в Эйпен, и оттуда, за немецкую границу... – он провел по бумаге дымящейся сигарой:

– Ветки в Льеж тоже больше не существует... – об этом в штабе узнали на рассвете, когда Меир проводил обратно за линию фронта гонца от Монаха, закутанного по уши в шарф, худенького парнишку. От Сурбро до Мон-Сен-Мартена лежало пятнадцать миль лесов и скал. Взрыва здесь, на юге, танкисты бы не услышали. По словам мальчика, Монах с отрядом уничтожил колею, ведущую в Льеж:

– На всякий случай... – парень сидел на старом диване, в бывшей мэрии Сурбро, грея руки о чашку с кофе, – в Льеже американцы, но мало ли что СС в голову придет... – гонец принес и донесение, от Монаха. Меир зачитал сведения на утреннем совещании:

– По самым точным подсчетам, – полковник Горовиц прошел к карте, – на интересующем нас участке... – Меир обвел карандашом плато, – скопилось до пяти тысяч эсэсовцев и около двух тысяч русских коллаборационистов... – полоса, покрашенная глубоким, серым, цветом, простиралась на восток от Бленьи, на берегу Мааса, где стоял сталелитейный завод де ла Марков, до Эйпена и дальше. Сверху и снизу от полосы, на юге и севере, находились американские войска: – В Эйпене пока остался коридор... – показал Меир, – Рётген мы удерживаем, но в Моншау, к юго-востоку, сидят немцы. Семь тысяч человек, в почти закрытом котле... – он кивнул на карту, – могут попробовать прорваться в пределы рейха... – отогнав от себя мысли о Мальмеди, о смерти отца, Меир добавил:

– Прорваться, не жалея никого и ничего, на своем пути. Это их последний шанс... – он замолчал. Паттон раскурил сигару:

– Речь идет о жалком клочке земли, длиной в пятнадцать миль, и примерно такой же ширины... – он расставил пальцы, – но не забывайте, что этот клочок содержит половину всего угля Бельгии... – равнину от Бленьи до Мон-Сен-Мартена усеивали терриконы работающих и заброшенных шахт:

– Мы не знаем, что здесь заминировано, а что нет... – Паттон ткнул пальцем в карту, – местность может попросту взлететь на воздух. Впрочем, это задача саперов, которые, как мне сообщили, находятся по дороге сюда... – Меир поговорил по полковому телефону с кузеном. Услышав о новом звании полковника, Теодор вздохнул:

– Мне такие же нашивки дали. Через три дня буду в ваших краях, хватит занимать койку. Ребята мои готовы. Постараемся захлопнуть котел, без особых разрушений на шахтах

и заводе. А что... – было слышно, как Теодор закурил, – что новости с востока... – новостей с востока никаких не приходило.

Меир носил семейный пистолет Кроу с собой, предпочитая не держать его в сейфе. Впрочем, несмотря на его должность, сейфа у полковника не было. Третья армия шла вперед, расположение штаба меняли почти каждый день. Меир вглядывался в тусклый блеск золотой таблички, на оружии:

– Пистолет дамский, дорогой. Как он оказался в захолустном Рётгене, откуда Питер его взял? Может быть, он не все говорил? Может быть, кто-то из группы Генриха выжил, связался с Питером, они встретились в Рётгене... – пока это оставалось единственным объяснением. Меир даже начертил в личном блокноте схему:

– Питер оставил пистолет после покушения на Гейдриха, в Праге. Там был Максимилиан фон Рабе, он мог найти оружие. Забрал револьвер, подарил его жене, то есть этой Марте. Поменял модель оружия на дамскую, перенес табличку. Но Марте нечего делать в Рётгене, и вообще, мы не знаем, где она сейчас, и где Максимилиан... – полковник Горовиц, на мгновение, замер:

– Джон встречался с заговорщиками в Берлине. А если Джон спасся, если ему передали пистолет? Тот же Генрих. Если Джон, каким-то образом, связался с Питером... – пока что все, что произошло в Рётгене, оставалось неизвестным:

– Группа Питера утверждала, что он ушел к часовне, проверять склад оружия... – Меир вглядывался в схему, – но Питер был на складе, он заранее отправился за линию фронта. Зачем, во время обстрела, бомбежки, рискуя жизнью, возвращаться в место, набитое взрывчаткой? Только если Питер оставил там что-то важное... – Меир все больше склонялся к тому, что кузены встретились в Рётгене:

– Может быть, случайно, – решил полковник Горовиц, – Джон шел на запад, к линии фронта. У него, наверняка, чужие документы. Но мы больше ничего не знаем... – из Польши, где Красная Армия три дня назад зашла в уничтоженную немцами Варшаву, тоже никаких новостей не приходило. Меир понятия не имел, где сейчас находится старшая сестра, со своим отрядом. Он так и сказал Теодору, кузен помолчал:

– Ладно. Будем надеяться, что с ними все в порядке... – ничего другого и не оставалось.

746 батальон, с тремя танковыми взводами и пехотной поддержкой, расположился на южной и восточной границах будущего котла. Задувал легкий, свежий ветерок. Танки сгрудились на дороге. Вылезая на броню, Меир сказал полковнику Хупферу:

– Это часовня бывшая, ребята местные говорили... – берег Амеля здесь оказался крутым. Из реки торчали остатки моста, поросшие влажным мхом. На той стороне взбирался на холмы заснеженный лес. Взяв бинокль, Меир внимательно обследовал верхушки деревьев:

– Я, кстати, Монаха так и не встречал. Ни его, ни Портниху. Питер их знал, Джон тоже, Теодор с Портнихой с довоенных времен знаком, а я их не видел... – в чистом, голубом небе Меиру почудился какой-то дымок:

– Нет, показалось... – он перевел бинокль на север:

– Мон-Сен-Мартена отсюда не разглядишь, он на равнине, за горами... – в трех милях от них шла линия немецкой обороны. Первый взвод батальона остался с пехотой на западе, у Мааса. Им предстояло взять Бленьи, выбить немцев со сталелитейного завода, и направиться на восток. Второй взвод атаковал с севера, со стороны Вервье:

– Там везде равнина, – мимолетно подумал Меир, – а у нас, на юге, горы. То есть на Ботранж нам забираться не надо, можно его стороной обойти, но все равно, здесь сложнее... – три взвода замыкали кольцо под Мон-Сен-Мартеном. Паттон, обходным маневром с юга, оказывался к востоку от Эйпена, у Моншау:

– И все... – солнце пригревало, Меир стянул черный, кожаный шлем танкиста, – последний котел в Бельгии будет уничтожен... – он внезапно, понял:

– Действительно так. Единственное место в Бельгии, где еще держатся немцы... – полковник Хупфер долго проверял умение Меира водить танк, но потом разрешил ему сесть на место механика:

– Сами знаете, – сварливо сказал командир, – к экипажу привыкаешь, но мой водитель неудачно на мину наскочил... – бывшего механика Хупфера третьего дня отправили в тыл, с оторванной по колено ногой. Меир вспомнил голос Паттона:

– Неизвестно, сколько шахт и дорог заминировано, и сколько на этом клочке скопилось взрывчатки. Но, судя по сведениям от партизан, в технике и живой силе мы превосходим немцев... – все, однако, понимали, что СС будет стоять до последнего:

– И гражданских лиц из Мон-Сен-Мартена никак не вывести, – угрюмо подумал Меир, – по данным Монаха, там больше пяти тысяч женщин и детей, и шахтеры, в концлагере. СС может их использовать, как живой щит... – Меир посчитал танки. Батальон, в преддверии атаки, усилили. В каждом взводе было по три десятка легких и средних шерманов:

– Еще базуки, пушки, и вообще, хорошо, что свежие силы подтянули... – на севере все было тихо. Танки заглушили моторы, радисты разворачивали полевою станцию, у часовни. Хупфер, тоже с биноклем, вглядывался в южное шоссе, ведущее в тыл:

– Гости к нам пожаловали, – усмехнулся полковник, – вовремя, к совещанию... – за открытым виллисом шел грузовик, с солдатами, в форме саперов. Меир издали увидел рыжую голову кузена, в зимней шапке:

– Опять мы с ним воюем. Под Ставело с нами Питер был, а теперь и он погиб. Или он где-то в плену, в тылу... – невольно проверив пистолет Кроу, в кармане черного комбинезона танкистов, Меир легко взобрался на броню. Теодор, привстав в машине, помахал ему. Полковник Горовиц посмотрел на север, в сторону молчаливых, немецких позиций: «Вот и все. Начинаем».

Заскрипела проржавевшая ручка колодца. Гамен, приподняв голову, заурчал. Одной рукой Роза держала свечу, в древнем, медном подсвечнике. Зыбкое пламя колебалось, бросало отсветы на высокие, теряющиеся в темноте, своды.

По словам Гольдберга, никто не знал, как далеко уходят подвалы разрушенного замка де ла Марков. Шахтеры, помнившие старого барона, отстроившего замок, в прошлом веке, утверждали, что со времен адмирала де ла Марка подвалы никто не трогал:

– А они и в то время заброшенными были, – вспомнила Роза, – здесь война шла, между католиками и протестантами... – Маргарита, к почти семи годам, бойко читала. Изучив Готский альманах, найденный в одном из сундуков со шпалерами, гобеленами, и платьями времен святой Елизаветы Бельгийской, девочка развлекала Розу рассказами об Арденнском вепре и адмирале де ла Марке: – Даже странно, – улыбалась Маргарита, – адмирал был непримиримый протестант, а мы опять католиками стали... – Роза услышала о первой и второй женах Уильяма, сына адмирала, о его постах в колониях, на Барбадосе и в Индии:

– Тетя Тесса, в Индии... – Маргарита задумалась, – моя самая ближайшая родственница. Ее дедушка Грегори, был братом моего прадедушки, святого Виллема... – перекрестившись, девочка добавила:

– Только я знаю, что тетя Тесса монахиня. Я помню, мамочка говорила. Она не католическая сестра, но это все равно. У монахинь детей не бывает... – Гамен, деликатно, потянул Розу за край теплых штанов из заплатанной, потрепанной шерсти:

– Сейчас получишь свою воду, – девушка подхватила ведро, – и косточку получишь... – в подвалах было зябко, уголь у них с Маргаритой заканчивался.

Последний, небольшой мешок, принес Монах, три дня назад. Роза заметила на его руках ссадины. В огоньках свечей она увидела пороховую кайму, под ногтями. Гольдберг перехватил ее взгляд, но при Маргарите ничего говорить не стал. Они с девочкой сварили старую, прошлой осени картошку. В отдельном мешке у Монаха было немного яиц и банки с трюфельной, немецкой ветчиной. Передавая провизию Розе, Гольдберг, тихо, сказал:

– Угля вам до конца недели хватит, а потом... – он не закончил, Роза, одними губами, поинтересовалась: «Союзники?».

Эмиль кивнул:

– Скоро будут здесь. Надеюсь, увидим и месье капитана, и его светлость, и ваших парижских знакомых... – в его голосе Розе почудилась какая-то горечь. Маргарита прибежала из умывальной, и больше они об этом не упоминали. Гольдберг позанимался с девочкой математикой, они разделили картошку, с крупной, серой солью, и вареные яйца:

– Ветчину на потом отложите, – велел Монах, – вы здесь экономно живете, даже окорок не доели... – копченый окорок кабана Маргарита получила еще осенью, – но все равно, пригодится... – он болтал с Маргаритой о зимних лесах, на Ботранже:

– Поставим тебя на лыжи, – обещал Гольдберг девочке, – после войны тамошнюю гостиницу восстановят. Покажу тебе пещеры, где мы скрывались. Там и водопады есть, и ручейки подземные и белые саламандры... – Маргарита широко открыла голубые, ясные глаза: «Почему белые, дядя Эмиль?».

– Под землей всегда так... – Монах потянулся за тетрадкой Маргариты и ее карандашом, – давай, я тебе расскажу... – Роза мыла в тазу тарелки северского фарфора, с гербами де ла Марков:

– Откуда у него порох под ногтями, и ссадины? Они, наверное, что-то взорвали, в округе. Мы здесь глубоко, ничего не слышно... – по ночам Маргарита спокойно сопела под пуховым одеялом, прижавшись к Розе. Девушка, настороженно, следила за дыханием ребенка, за похрапыванием Гамена, рядом с кроватью. Роза была при оружии, но все равно, волновалась:

– Поселок набит эсэсовцами и коллаборационистами. Меня никто не видел, мы с Ботранжа ночью пришли, а о Маргарите никто не донесет. Но все равно, немцы могут поинтересоваться замком и подвалами. Хотя Монах давно распустил слухи, что здесь все заминировано... – опуская руку с кровати, Роза смыкала пальцы на рукоятке пистолета. Оружие лежало на чемодане с передатчиком:

– Немцы понимают, что все кончено. Они сдыхают, как раненый зверь. Но раненый зверь опаснее всего... – Роза обещала себе защитить Маргариту:

– Монах, то есть Эмиль, любил ее мать. Он всегда будет себя чувствовать ответственным, за девочку. А я люблю Эмиля... – Роза скрывала вздох, – значит, я обязана заботиться о Маргарите, до конца... – они коротали дни за занятиями, читали старые книги, и рассматривали журналы. Вытащив из сундука платье, Маргарита долго ахала над шелком и брюссельским кружевом:

– Вам пойдет, тетя Роза, – решительно заявила девочка, – на высокую женщину шили... – свадебный, закрытый наряд, из кремового шелка, со шлейфом, сел на Розу, как влитой. В сундуке нашлись даже атласные туфельки, на высоком каблуке, но Роза развела руками:

– Не мой размер. Тогда у дам ноги меньше были... – Маргарита задумалась:

– Интересно, чье это платье... – хлопнув себя по лбу, девочка нырнула в сундук: «Я знаю». Чихнув, Маргарита вытащила на свет пожелтевший альбом, с бархатной обложкой:

– Вот, – торжествующе сказала девочка, – сестра прадедушки Виллема, моя тетка. Она рано умерла, – малышка перекрестилась, – она к свадьбе готовилась, но венчание расстроилось, и она приняла обеты... – высокую девушку, еще подростка, сняли в вуали послушницы:

– Первое причастие, – объяснила Маргарита, – она в той же обители училась, что и мамочка, во Флерюсе... – у девушки был знакомый, упрямый подбородок де ла Марков.

– У Маргариты такой же... – у бархатной занавески, отделяющей комнату от коридора, стояли миски Гамена. Налив собаке воды, Роза сходила со свечой в кухонный уголок. Гамен грыз свою косточку, она нащупала в кармане пачку немецких папирос. Маргарита спокойно спала, устроив черноволосую, кудрявую голову в сгибе локтя. Платье так и висело на шкафу с учебниками и тетрадями девочки. Вытащив из куртки конверт, Роза повертела его. Гольдберг, прощаясь, замялся:

– Мы акцию провели, в общем, ветки на Льеж больше нет. Мало ли что немцам в голову придет. В Льеже союзники, но СС может начать на север прорываться... – они курили у обледенелых камней, ведущих наверх, во двор замка. Эмиль поправил пенсне:

– У нас еще кое-какие дела есть, а вы здесь в безопасности. Если... – он повел рукой, – передайте письмо Маргарите. Это от отца Виллема, конверт из Аушвица привезли. Она ребенок, – Гольдберг помолчал, – я не хотел ей отдавать письмо, пока она не подрастет. Но ей почти семь... – Маргарита обещала стать высокой, в отца.

Выйдя за портьеру, Роза прикурила от свечи. Монах не сказал, что собирается делать, но Роза подозревала, что он хочет отправиться, с инженерами и техниками из отряда, на «Луизу»:

– Туда вентиляционные шахты ведут, старые. Их на чертежах нет. Монах не позволит, чтобы немцы взорвали крупнейшую шахту Бельгии, чтобы люди лишились работы, а Маргарита, наследства. Кроме нее, от де ла Марков никого не осталось... – Роза заставляла себя не волноваться за Гольдберга:

– Я все равно ему не нужна, – напоминала себе девушка, – он здесь останется, после войны. Женится, на ком-нибудь... – дальше она избегала думать, такое было слишком больно. Роза глубоко затянулась горьким дымом:

– Возьму еврейских сирот и поеду в Израиль, – решила она, – стану швейной мастерской в кибуце заведовать. Буду, как госпожа Эпштейн, только ей шестой десяток, а мне двадцать пять... – на глаза навернулись слезы. Маргарита не хотела убирать платье, настаивая, что Роза и дядя Эмиль, как девочка называла Гольдберга, должны немедленно пожениться:

– Как только дядя Эмиль выгонит отсюда немцев... – Маргарита зевнула, – на следующий день. Я у вас подружкой буду, хоть у евреев на свадьбе их нет... – Роза рассказывала Маргарите о жизни в Израиле. Роза поцеловала мягкую щечку девочки: «А ты сама за кого выйдешь замуж?»

– За принца, – сонно пробормотала Маргарита, – у меня будет фата и шлейф. Мы повенчаемся в нашей церкви, ее восстановят. Будем жить в замке... – девочка задремала. Докурив, Роза вернулась в комнату. Шелк мягко переливался, в свете свечи. Она присела на чемодан, с передатчиком:

– Эмиль говорил, что Авраам женился, на докторе Горовиц. Это хорошо, пусть они счастливы будут, пусть доживут, до конца войны. Пусть ее сыновей найдут, Маргарита молится за своих братьев... – Гамен улегся у ног Розы. Трещала, оплывая, свеча, Роза вскинула голову вверх:

– Ничего не слышно. Господи, сохрани его пожалуйста, пусть он не убоится зла... – девочка поворочалась:

– Песенку, – сквозь сон потребовала Маргарита, – песенку, обо мне... – Роза взяла ее руку:

– Она колыбельную от матери помнит. Элизу доктор Горовиц научила. Пусть никто не знает, ни горя, ни несчастий... – Роза тихо запела:

– Durme, durme, mi alma donzella,

Durme, durme, sin ansia y dolor...

Полевые, легкие, теплые ботинки ступали по обледеневшей земле, в брошенном немецком окопе. У СС не хватило бы времени поставить мины, но Федор, все равно, настоял, чтобы саперы двинулись к оставленным позициям перед танками:

– Мы их разогнали, артиллерийским огнем, – сказал он полковнику Хупферу, – но мало ли что они за собой оставили. Не стоит рисковать живой силой и техникой, особенно учитывая новости с других флангов... – он поморщился. По радиции сообщили, что немцы, оборонявшие сталелитейный завод, бежали на восток, в Мон-Сен-Мартен. Тамошний взвод саперов, поспешно, решил, что здания не заминированы:

– Еще хорошо, что они, все-таки, первыми на завод зашли... – вздохнул Федор, – не пустили туда пехоту... – от взрыва, уничтожившего подсобное строение, во дворе завода, где размещался немецкий штаб обороны, у саперов погибли три человека. Из Вербье, откуда на Мон-Сен-Мартен шла северная группа танков, передали о потере двух машин. Террикон заброшенной шахты взлетел на воздух, похоронив под собой и экипажи и технику. Хупфер распорядился внимательно все проверять, и двигаться медленно.

– Мы и так еле тащимся... – Федор прислонился к откосу окопа, не обращая внимания на пятна крови, усеивавшие мерзлую землю. Трупы саперы оттащили в сторону:

– Ребятам отдохнуть надо... – Федор вынул ракетницу, – они с утра беспрерывно стреляли... – немцы, на участке, вдоль берега Амеля, находились в выигрышном положении. Равнина переходила в холмы, за которыми лежал Мон-Сен-Мартен:

– Нет, замка все равно не видно... – он осматривал чистый, голубой горизонт, – ни замка, то есть его развалин, ни «Луизы»... – над черными верхушками елей и сосен, почти не двигаясь, парил сокол:

– Красавец какой, – полюбовался Федор, – и выстрелов не пугается. Здесь последние дикие места на континенте, если Скандинавию не считать... – на базе в Хэнфорде, у реки, построила гнездо пара белоголовых орланов:

– Символ Америки, – вспомнил Федор:

– Я Анне сказал, что на острове нашем они тоже живут, – он следил за соколом, – пара никогда не расстается, только если кто-то погибает... – он отогнал от себя эти мысли. После боя под Ставело, в тыловом госпитале, Федору пришло письмо, в военном конверте, без марок, с его именем, отпечатанным на машинке. Увидев столичный штамп, он, отчего-то, долго не доставал бумагу:

– Сходил на ужин, покурил, с офицерами поболтал. Порисовал, на досуге, после вечернего обхода... – в блокноте Федор набрасывал будущий дом, на острове в заливе Пьюджет-Саунд. Местность была северной, суровой. Он хотел возвести простое здание, вписывающееся в низкий берег, белого песка, в серый, скалистый откос:

– Будем смотреть на воду, – решил Федор, – даже в шторм. Ничего, шум нам не страшен, зато оттуда далеко видно, до горизонта. Надо причал сделать, для лодки... – автомобилей на острове не завели, рыбаки ходили пешком или ездили на велосипедах:

– И мы так будем делать... – сидя на койке, в пустынной палате, он все не распечатывал конверт, – а что я боюсь письмо от Анны прочесть, это потому, что думаю о плохих вещах. Все в руке Господа, – сердито напомнил себе Федор, разрывая бумагу.

Новости оказались хорошими. По словам Анны, все шло, как надо. Даллес и Донован распорядились оставить ее в Хэнфорде до родов. Врачи обещали, что все случится в конце апреля или начале мая. Читая ее ровный почерк, приобретенный еще в цюрихской гимназии, в начале века, Федор, одновременно, посчитал на пальцах:

– Четыре месяца еще. Может быть, война быстрее закончится. Хотя вряд ли, гитлеровцы до последнего собираются обороняться. И где искать Максимилиана, с нашим внуком... – он, в любом случае, собирался вернуться в Америку:

– Ничего, Берлин и без меня возьмут, а малыша я постараюсь раньше найти. Но я не могу оставить Анну одну, сейчас... – она писала, что за бой под Ставело он, Федор, получит крест «За выдающиеся заслуги»:

– Меиру дадут Медаль Почета, только ты ему ничего пока не говори, пожалуйста... – жена, видимо, получала сведения прямо из комитета начальников штабов, – и ничего не говори обо мне... – Федор пробормотал себе под нос:

– Как будто мне надо напоминать, что ни Анны не существует, официально, ни нашей дочери не существовало, и нашего внука или внучки тоже нет... – в Хэнфорде Анна посмотрела на него дымными, серыми глазами:

– НКВД, давно... – она повела рукой, – затеяло одну операцию, и, кажется, в ней преуспело... – она затянулась солдатской папиросой, – я не могу тебе всего рассказать... – поцеловав седоватый висок, Федор усмехнулся:

– То есть ничего не можешь рассказать. Я понял, что Меиру о тебе нельзя упоминать, и всем остальным тоже. Ни о тебе, ни о Марте. Но Максимилиана, или Отто... – Федор сдержал ругательство, – Меир может найти. Особенно учитывая, что Джон мертв, а больше никого и не осталось, из тех, кто разведкой занимался... – Анна хмыкнула:

– Посмотрим, насчет кузена Джона. То есть племянника, по возрасту... – Федор махнул рукой:

– Я их всех кузенами называю... – Меир был за его спиной, в командирском танке полковника Хупфера, за рычагами управления. Увидев, из машин, отступающих немцев, Федор присмотрелся к форме:

– Это не немцы... – крикнул он Хупферу, в грохоте снарядов, разносящих окопы, – это мои бывшие соотечественники, коллаборационисты... – они надеялись найти на брошенных позициях раненых, однако в развороченной снарядами земле валялись только трупы:

– Или куски трупов... – Федор отвел глаза от груды тел, в форме власовцев, – но ничего, в Мон-Сен-Мартене у нас пленные появятся. Меиру будет с кем работать... – красная, дымящаяся ракета ушла вверх. Танки двинулись по заснеженному холму. Сокол, развернувшись, полетел на север, к Мон-Сен-Мартену. Вылезая из окопа, Федор велел своим ребятам:

– Отдохните. Пообедаем здесь и дальше пойдем. Надо до вечера выбить немцев из городка... – обедать они собирались рядом с телами убитых коллаборационистов, но на такое никто давно внимания не обращал. Позиция находилась на самом верху пологого холма. Федор оценил местность:

– Дальше у нас распадок, ручеек, приток Амеля, и опять холм. Еще хорошо, что на Ботранж не надо взбираться... – башня на Ботранже была отсюда видна, как на ладони. Немцы, по мнению Федора, могли поставить там пулеметчиков. Танкам выстрелы были не опасны, но за танками шла пехота:

– Надо сказать Хупферу, чтобы послал туда ребят, сбросить СС с башни к чертовой матери... – в лицо бил прохладный, полуденный ветерок. Черная вода ручейка бежала по камням, среди подтаивающего снега:

– Видно, что скоро весна. Конец января, а все равно, солнце светить начало... – он подумал о том, что случится в конце апреля:

– Или начале мая. Конечно, я буду рядом с Анной, как иначе? Может быть, и малыша до той поры найду... – Меир и так бы занялся поисками Максимилиана:

– Он выведет нас на ребенка, – Федор задумался, – а если Анна права, если Джон выжил, он тоже сможет что-нибудь рассказать. Может быть, Джон видел Марту, знает, что с ней случилось. Хотя понятно, что... – Федор не хотел вспоминать зеленые глаза дочери:

– Совсем молодой погибла. Мы обязаны найти ее ребенка, вырастить внука, или внучку. Маленький Аарон теперь не только отца не узнает, но и деда... – Анна написала, что доктора Горовица тоже представили к Медали Почета:

– В Америке больше нет такой семьи, – понял Федор, – отец, и оба сына получили высшую награду страны. Только бы с Меиром ничего не случилось. Пусть он увидит конец войны, пусть женится, детей заведет. Обидно погибать, когда впереди Берлин. Хотя, может быть, мы зря Питера рано хороним... – солнце припекало, но Федор не хотел стягивать шапку:

– Меня хорошо видно. Если в башне снайперы сидят, с моими рыжими волосами, они сразу меня снять попробуют... – он едва успел броситься вниз, на мокрый снег. Заработал пулемет, Федор, присмотревшись, велел:

– Огонь из всего оружия, немедленно... – в танках, видимо, поняли, что происходит на высоте. Над головой Федора завыл снаряд шермана, в лесу свалилась, переломившись надвое, сосна. По склону холма, вверх, на бывшие немецкие позиции, кто-то полз. Федор хмыкнул:

– Ладно. Танкисты сейчас попробуют башню снести, с пулеметчиками, а я гостю помогу... – судя по всему, к ним явился посланец из Мон-Сен-Мартена. Федор, перекрестившись, вздрагивая от пушечных залпов, пополз ему навстречу:

– Только бы его не убили, по дороге... – отплевавшись от ледяного снега, он протянул руку:

– Давай быстрее... – это был худой, бледный парнишка, в грязной куртке и намотанном на голову шарфе. Федор, матерясь, по-русски, втащил его в окоп. Парнишка отдышался:

– Вы русский... – Федор едва понял его деревенский акцент. Усадив мальчика на какой-то ящик, брошенный власовцами, Федор крикнул ребятам:

– Флягу с кофе принесите... – мальчик чихал, стуча зубами:

– Русский... – он смотрел на трупы власовцев, на дне окопа. Гремели выстрелы. Федор крикнул:

– Русский! Полковник армии США! Вы от Монаха, что ли... – о Монахе Федору рассказывал еще пропавший Мишель:

– И Роза здесь была, – вспомнил Федор, – увидимся с ней. Только бы и она выжила... – выпив сладкого кофе, подросток прекратил дрожать:

– Мне нужны саперы, месье полковник, – тихо сказал он, – меня Монах послал. Он сейчас на «Луизе», с ребятами. Эсэсовцы шахту минируют... – пулемет замолчал. Федор посмотрел на часы: «Пообедать нам, кажется, не удастся».

Передовой шерман полковника Хупфера забуксовал в огромной, грязной луже, перед остатками взорванного моста, через Амель.

Три мили, отделяющие бывшие немецкие позиции от въезда в городок, танки покрыли за пять часов. В спины им било заходящее солнце, сверкающее в серых, мощных камнях полуразрушенных стен, на холме, за рекой. Башню на Ботранже, с пулеметным гнездом и снайперами, они разрушили после получаса прицельной стрельбы. Хупфер, сочно, выругался:

– Здесь не шахта, и не завод. Чтобы от мерзавцев и следа на земле не осталось. Нечего жалеть строение и СС, вместе с ним... – пока саперы собирались на «Луизу», пулемет на башне ожил. Немецкий снайпер убил молодого лейтенанта, командира одного из танков, неосторожно высунувшегося наружу. Хупфер велел всем задрать люки:

– Разнесите башню к чертовой матери... – передал командир по рации. Саперы, во главе с Теодором, пользуясь обстрелом, ушли с парнишкой к Мон-Сен-Мартену,

на «Луизу». Кузен оставил танкистам взвод своих ребят. Добравшись до танка Хупфера, нырнув в люк, Теодор, мрачно, сказал:

– СС загнало всех шахтеров, из концлагеря, в штольни «Луизы», и сейчас минирует шахту... – мальчик объяснил, что власовцы, покинув позиции, прокатились через городок, сметая все на своем пути:

– Бросали гранаты в бараки... – он шмыгнул носом, – стреляли, с грузовиков... – СС тоже бежало из Мон-Сен-Мартена на восток. В городке осталась только инженерная часть, ответственная за минирование шахты. Среди заключенных концлагеря был и отец мальчика:

– Я до войны учился, – вздохнул паренек, – компания младше шестнадцати лет никого не нанимала. Господин барон всегда говорил, что в Мон-Сен-Мартене каждый должен школу закончить... – мальчик не успел получить свой аттестат. Летом сорокового года в Бельгию вошли немцы. Федор, незаметно, посмотрел на парня:

– Двадцать лет, а подростком выглядит. Они здесь голодали, четыре года. Отказывались на немцев работать... – Монах с отрядом пробрался на «Луизу», используя старые вентиляционные шахты:

– Они прошлого века... – мальчик, бережно, курил американскую сигарету, – выходят на поверхность в охраняемой зоне... – ночью ребята Монаха тихо сняли эсэсовский патруль и спустились в шахту, по деревянным, бесконечным лестницам. Федор вспомнил технические характеристики «Луизы»:

– Глубина почти километр, штольни на четыре-пять километров в пласт углубляются. Партизан СС может вечно искать, и не найдет... – подъемники немецкие техники обездвигали, оставив только один, для своей эвакуации.

Две тысячи человек оказались запертыми под землей, с неизвестным количеством взрывчатки. Федор предполагал, что СС введет в действие часовой механизм:

– Найдем его, и опередим взрыв... – Хупфер, на прощание, перекрестил уходящих саперов:

– Не помешает, – буркнул командир батальона, – теперь, когда мы уничтожили башню, надо идти вперед... – танки, все равно, двигались осторожно, пустив перед собой саперов. Дергая за рычаги управления, Меир думал о «Луизе»:

– Теодору надо почти на километр вниз спуститься, зимой, по обледенелым лестницам, с фонариками. Спуститься, отыскать Монаха, предотвратить взрыв... – посланец партизан обещал провести американских саперов на шахту. Меир вспомнил неожиданно смешливый голос кузена:

– Парень все там знает. Его отец брал под землю, несмотря на запреты. Мне папа тоже показывал шахту, на Урале... – Меир, немного, поговорил с паренком. Выяснилось, что Отто фон Рабе гостил в Мон-Сен-Мартене, у здешнего коменданта:

– Он сам еще в поселке, – сказал мальчик, – то есть комендант. Ребята за его домом следят. Он взрыва ждет, чтобы уехать... – остальные эсэсовцы ушли из Мон-Сен-Мартена на восток, в направлении коридора, ведущего в рейх. Коридор захлопывал Паттон, со своими танками.

О Максимилиане или советском разведчике, Воронове, Меир не стал спрашивать. Понятно, что птицы высокого полета, не заглянули бы, в провинциальный городок:

– Тем более, Максимилиан здесь три года назад бойню устроил. Тогда Элиза с Маргаритой погибли, близнецов, с Виллемом, на восток отправили... – танк зарычал. Хупфер, из башни крикнул:

– Замок, о котором вы говорили, полковник! Ваших родственников дальних. То есть его остатки... – Меир и сам видел развалины, в прорезь щитка. Шерман вырвался из лужи, Хупфер велел радисту:

– Передавайте по колонне, мы форсируем реку. Понтонная переправа здесь ни к чему... – ревели танки, радист отозвался:

– Западный и северный фланги тоже рядом. Больше они никого не потеряли... – шерман разбрасывал гусеницами грязь, танки шли через Амель. За шумом двигателя, Меир едва разобрал голос командира:

– Здесь и города нет, одни руины и бараки... – танки выбрались на широкое, вдребезги разбитое шоссе:

– Можно на броню вылезать, – распорядился Хупфер, – немцам просто негде было снайперов посадить... – передав рычаги второму механику, Меир оказался наверху. Свежий ветер бил в лицо, он смотрел на серые бараки, на городской границе, на обгоревшие стены, каменных домов: – После войны они все восстановят, обязательно. Но у де ла Марков не осталось наследников... – на башне танка трепетал старый, истертый флаг США. Хупфер возил знамя с собой со времен высадки в Нормандии. Командир прищурился:

– Полковник, смотрите... – Меир спрыгнул вниз, в разъезженную грязь. Навстречу танкам шли женщины и дети, им махали, кто-то кричал, по-французски:

– Добро пожаловать, спасибо вам, спасибо... – танкисты останавливали машины. Меир заметил две фигуры, на вьющейся, выложенной камнем дороге, уходящей к развалинам замка. Маленькая девочка, в старом, шерстяном, красном пальтишке, и такой же шапочке, со всех ног, бежала вниз. За ней торопилась высокая женщина, в штанах и куртке. Шапка слетела на дорогу, черные, кудрявые, пышные волосы заиграли золотом, в лучах заката. Выскочив на обочину, девочка кинулась к Меиру:

– Вы американцы, – тараторила она, – мы вас так ждали, так ждали... – ясные, голубые глазки взглянули на Меира. Он присел, раскрыв объятия, девочка засопела ему в ухо. Сзади плясала черная, пушистая собачка, с загнутым бубликом хвостом. Пес лаял, девочка обнимала Меира:

– Это Гамен, мы с ним три года вместе жили. Это тетя Роза, – она указала себе за спину, – она обо мне заботилась. И все заботились, – девочка махнула в сторону бежавших навстречу танкам женщин, – а дядя Эмиль больше всех. Только я его не вижу... – она склонила голову набок: «А вас как зовут, дядя?»

– Полковник Меир Горовиц... – девочка ахнула:

– У тети Эстер была такая фамилия. Вы ее брат, младший, мамочка мне говорила. Мою мамочку немцы убили... – она запнулась, – и папу тоже... – Меир, все еще, не верил. Маленькая ладошка, в аккуратно зашитой перчатке, легла в его ладонь: «Меня зовут Маргарита Мендес де Кардозо, – девочка улыбалась, – здравствуйте, дядя Меир!».

Федор давно не спускался под землю, и забыл стылое, промерзшее молчание, в ходах шахт. По его подсчетам, время близилось к полуночи. Они пробрались на рудничный двор, на окраине Мон-Сен-Мартена, плутая между обгоревшими остатками стен, среди занесенных снегом, крохотных огородов:

– Мы здесь овощи выращиваем, – хмуро сказал их проводник, – то есть выращивали, летом... – мать мальчика умерла от воспаления легких:

– Прошлой зимой... – легкая тень скользила впереди, в сгущающейся темноте, – тогда доктор Лануа еще жив был. Немцы его этой осенью расстреляли. СС нашло у него ваши, то есть американские продукты, из посылок, которые летчики сбрасывали. Мы провизию в поселок приносили... – парень замедлил шаг, – у нас трофейные рационы имелись, а здесь ребятишки растут... – Федор хотел сказать, что после войны мальчик тоже вырастет:

– Что это я... – поправил он себя, – парень взрослее многих... – по дороге они не курили, не желая привлекать внимания. Завидев деревянную ограду, с колючей проволокой, Федор приказал:

– Последняя сигарета, перед спуском. Осторожней, немцы под землей пока, но вдруг они кого-то на поверхности оставили... – мальчик курил в кулак:

– Маме лекарства понадобились, немецкие. Я в Мальмеди пошел, брат доктора Лануа настоятелем в аббатстве был. Немцы им разрешали госпитальной аптекой пользоваться. Здесь, в Мон-Сен-Мартене, они приказали никого не лечить... – мальчик вернулся домой с порошками, но было поздно:

– Аббат приехал, тайно, – он выбросил окурок в слежавшийся, покрытый угольной пылью снег, – маму отпел, в бараке... – отобрав здание рудничного госпиталя, немцы запретили класть туда больных из поселка. Федор хотел что-то сказать, но только кивнул: «Да». Они легко миновали забор, мальчик показал на пустынный, заброшенный рудничный двор:

– Шахта здесь на поверхность выходит... – он оценивающе посмотрел на Федора:

– Я полезу первым, месье полковник... – Федор не стал спорить. Он знал, почему мальчик хочет возглавить колонну:

– Он едва ли больше пятидесяти килограмм весит. Если он сорвется, он не потащит за собой лестницу, с другими людьми. Я почти до ста килограмм дотягиваю, даже с войной... – им предстояло миновать пятьдесят старых лестниц, с обледенелыми, влажными перекладами:

– По двадцать штук в каждой лестнице... – Федор считал, про себя, – и еще километр до центральной штольни... – по словам парня, большинство шахтеров собралось именно там:

– Монах с ребятами взрывчатку ищут... – над их головами темнел уменьшающийся круг вечернего неба, – и немцы тоже, наверное, пока в шахте, только непонятно где... – где была взрывчатка, и часовой механизм, тоже никто не знал. Федор надеялся, что танкисты, войдя в Мон-Сен-Мартен, пошлют людей к «Луизе»:

– И сюда, чтобы техников из СС остановить, и к дому коменданта, то есть рудничному управлению. Пусть мерзавцев арестуют, и здесь судят, как и тех, из Мальмеди... – когда они добрались до центральной штольни, Федор, сначала даже не поверил своим глазам:

– Словно у Данте, в «Аду»... – тускло горели костры. Худые люди, в полосатой одежде, с номерами, сгрудились вокруг огней. Свод штольни уходил вверх, теряясь во тьме. Завидев их фонарики, кто-то крикнул:

– Американцы! Ребята, американцы... – им жали руки, хлопали по плечам, шахтеры, незаметно, вытирали слезы:

– Что там, наверху... – озабоченно спрашивали они, – как наши семьи... – Федор понял, что за три года никому из заключенных не давали свиданий. Он оказался прав:

– Только передачи, – мрачно сказал кто-то из шахтеров, – да и те немцы потрошили, как могли. Но записки мы получали, и отправляли ответы... – именно так Монаху и попали сведения о будущем минировании шахты. Выяснилось, что единственный, не обездвиженный, подъемник, все еще работает:

– Они наверху, – Федор проследил за движением руки, – в технической штольне. Монах тоже туда пошел... – технический пласт обеспечивал вентиляцию «Луизы», там оборудовали склады, и места для отдыха бригад. Федор подумал:

– Правильно. Центральная штольня огромная, у немцев не хватит взрывчатки, чтобы ее завалить. Но взрыв на техническом этаже, над нашими головами, обрушит своды, и всех здесь похоронит... – он оставил с шахтерами несколько человек, с оружием:

– Насчет семей ваших, не знаю, – Федор развел руками, – но, должно быть, танкисты наши вошли в Мон-Сен-Мартен. Власовцы бежали, бросив позиции. СС тоже на восток отправилось... – он услышал хмурый голос:

– Надеюсь, вы их остановите. Мерзавцев надо расстреливать, без суда и следствия, как и тех, кто при гитлеровской кормушке состоял... – сплюнув в костер, шахтер, сочно добавил:

– Подстилку эсэсовца, мадемуазель Флоранс, мы прилюдно обреем, обещаю... – подъемником пользоваться было опасно, Федор не хотел лишних звуков. Им пришлось вернуться в вентиляционную шахту и подняться наверх, на десяток лестниц. На техническом этаже царил темнота. Пригнуться здесь пришлось не только Федору, с его двухметровым ростом, но и остальным:

– В комнатах отдыха своды выше... – тихо сказал паренек, – там немцы нары поставили, чтобы людей в лагерные бараки не гонять. Время экономили, сволочи... – температура здесь вряд ли достигала пяти градусов по Цельсию. Они двигались неслышно, изредка подсвечивая себе фонариком, настороженно вглядываясь в густую черноту шахты. Немцы обесточили технические штольни.

Уловив какие-то звуки, впереди, Федор замер. Тишину разорвал треск автоматных выстрелов. Он приказал:

– Оружие к бою! И не забывайте о часовом механизме. Я уверен, что СС где-то рядом... – СС оказалось за ближайшим углом. Федор понял:

– Монах на них наткнулся, им в спину стреляют. Только бы он успел найти бомбу, остановить часовой механизм... – Федор, много раз, участвовал в ночных боях, но никогда еще, под землей. Над их головами было полкилометра породы, где-то по соседству могло тикать устройство, навсегда бы похоронившее две тысячи человек, в шахте. Он стрелял, прижавшись к стене, слыша только крики и ругань, на немецком языке:

– Будьте вы прокляты, – разъярился Федор, – живым из СС отсюда никто не уйдет. Но нет, если Монах не отыскал бомбу, тогда немцы нам скажут, где она, обещаю... – впереди раздавался топот ног. Кто-то закричал:

– Монах! Здесь свои, свои... – по штольне заметались лучи фонариков. Переступая через трупы, Федор пошел к партизанам. Он увидел высокого, худощавого мужчину, с бритой головой, в криво сидящем пенсне:

– На Хамфри Богарта похож, – весело подумал Федор, – правильно его Мишель описывал. Только он весь углем испачкан, и куртка кровью забрызгана... – Монах шагнул к нему, протягивая руку:

– Доктор Эмиль Гольдберг, очень приятно... – неожиданно церемонно сказал командир, – вы не волнуйтесь, основную бомбу мы нашли и обезвредили. Застали СС в разгаре дела, так сказать... – Федор успел подумать:

– Если он сказал «основная», то могли быть и второстепенные... – наверху, в темноте, что-то затрещало. Федора рванули за куртку:

– Полковник, назад... – он не смог пожать руку Гольдберга. Крепления треснули, с потолка штольни, грохоча, посыпались камни. Федор бросился вниз, прикрывая голову руками, откатываясь к стене:

– Наверняка, второстепенная бомба. Шахтеры три года саботажем занимались, никто о креплениях не заботился. Они и не выдержали взрыва, даже слабого... – в воздухе стояла пыль, штольню перегородил завал. Поднявшись, откашлявшись, Федор велел: «Тише!».

– Там шахтеры, они знают азбуку... – он застучал по камням:

– Мы здесь, мы здесь. Сообщите, кто ранен... – раздался ответный стук, Федор ловил буквы:

– Только царапины. Но нам нельзя умирать. Мне нельзя... – Федор вспомнил смешливый голос Мишеля, вернувшегося из форта де Жу:

– Портниха после войны замуж выйдет, не сомневаюсь. Между ней и Монахом молнии бьют, страшно рядом стоять... – отстучав: «Никто не умрет», Федор приказал:

– Проверьте здесь все, на предмет других бомб, и пошлите людей наверх. Приведите в действие подъемники, включите ток. Принесите кирки... – он скинул куртку:

– Никто больше не умрет. Хватит разрушать, надо строить... – саперы начали разгребать завал.

Начальник медицинской части 746 танкового батальона, капитан Алекс Хоффман, наконец, оставил в покое перебинтованную, правую кисть Гольдберга. Эмиль полусидел, опираясь на подушки, затягиваясь американской сигаретой, держа ее в левой руке. Окно палаты рудничной больницы выходило во двор. Утро выдалось ясное, капитан распахнул створки ставень. Откуда-то появился серый, довольно взъерошенный воробей. Птица, с опаской, покружилась у окна, но, решительно, устроилась на подоконнике. Воробей расхаживал между ставнями. Наверху, в сиянии солнца оплывала сосулька, капли воды стучали по дереву. Со двора слышался веселый лай Гамена, девичий смех:

– Frère Jacques, frère Jacques, dormez-vous, dormez-vous... – пыхнув хорошим, виргинским табаком, Эмиль подсвистел песенке.

– Они в классики играют... – Хоффман рассматривал свежий, рентгеновский снимок, сделанный на немецком аппарате, – они в бараках теснились, их отцов СС могло расстрелять, а они в классики играют... – Гольдберг поднял бровь:

– Дети, они и на войне дети, коллега... – вчера на рассвете, после эвакуации людей, оставшихся на «Луизе», пришло сообщение из штаба. Танкисты Паттона захлопнули котел, на бывшей бельгийской границе. Моншау оставался в руках вермахта, но ни СС, ни коллаборационистов, из окружения не выпустили. Пока саперы разбирались с завалом, на «Луизе», танки 746 батальона перегородили дорогу грузовикам, с техниками СС и машине бывшего коменданта Мон-Сен-Мартена:

– Все арестованы, – сказал Монаху полковник Горовиц, начальник контрразведки армии Паттона, – арестованы и отправлены в тыл... – Меир помолчал:

– Впрочем, здесь сейчас тоже тыл... – Монах, с нескрываемым удовольствием,пил крепкий, сладкий кофе. Доктор Гольдберг подмигнул Меиру:

– Здесь и был тыл, полковник. Можно сказать, я пять лет в безопасности просидел... – от Меира Гольдберг услышал о пропаже за линией фронта майора Кроу, и об исчезновении его светлости, где-то в Германии. Эмиль почесал левой рукой седоватый висок:

– Максимилиан фон Рабе здесь не появлялся, со времен расстрела Мон-Сен-Мартена... – в темных глазах Монаха светилась холодная, спокойная ненависть, – я бы его не упустил. Его средний брат, Отто, навещал мою больницу... – Гольдберг повел рукой вокруг, – потом мы его в плен взяли, с покойным Эдуардом... – он вздохнул:

– Мне очень жаль, полковник Горовиц. Мне ребята из Мальмеди говорили, что ваш отец был замечательный человек... – Меир тоже курил, пристроившись на подоконнике:

– Просто по имени, – попросил он, – мы с вами почти ровесники... – в городке было удивительно тихо. Шахтеры, ранним утром, разошлись по баракам. Танки полковника Хупфера отправились дальше, на восток, на соединение с другими подразделениями армии Паттона. Меира пока оставили временным комендантом Мон-Сен-Мартена:

– Впрочем, здесь новый мэр свое место займет, – подумал полковник Горовиц, – старый умер, при оккупации... – кроме голосов детей, на улице больше не раздавалось ни единого звука. Меир посмотрел на часы:

– Почти полдень. Странно, что никого нет... – он так и сказал Гольдбергу. Эмиль улыбался:

– Шахтеры своих жен три года не видели, Меир. Не удивлюсь, что всю неделю на улице никто не появится. Потом начнут «Луизу» в порядок приводить... – завал был небольшим. Гольдберга, с вывихнутым запястьем, отправили в палату больше для порядка. Эмиль, впрочем, намеревался, как следует отдохнуть:

– Здесь тыловой госпиталь устроят... – вспомнил он, – вот и хорошо, помогу армейским врачам, а потом... – о том, что случится потом, Гольдберг предпочитал не думать.

– Понятно, что... – в окне мелькало красное пальтишко Маргариты, залиvisto лаяла собака, – она, то есть Портниха, в Израиль отправится, или еще куда-нибудь. Я провинциальный врач, зачем я ей нужен? – Эмиль, в сердцах, ткнул окурком в пепельницу:

– Здесь мой дом, а она никогда в нашей глуши не останется. Да и не любит она меня... – не выдержав, он, осторожно, поинтересовался у Меира, где сейчас Роза:

– Маргарита заскочила, перед завтраком, проведала меня, а ее не было... – выяснилось, что Роза, с Драматургом, на армейском виллисе, объезжает фермы и монастыри, где партизаны прятали еврейских детей:

– Она хочет всех ребятшек в Мон-Сен-Мартене пока собрать, – объяснил Меир, – под своим крылом. Потом, они, наверное, в Израиль поедут... – в этом Гольдберг был уверен так же, как в том, что Портниха снилась ему почти каждую ночь. От нее пахло сладкими пряностями, тяжелые, темные волосы падали ему на плечо. Эмиль, открывая глаза, сжимал зубы:

– Оставь, оставь, это просто сон... – он и сейчас, подумав о Розе, почти ощутил прикосновение пухлых губ, цвета спелых ягод. Покашляв, поворочавшись в кровати, Гольдберг, сварливо, сказал:

– Что вы... ты насчет Маргариты говорил, Меир, то весь поселок знал, что она в подвале сидит. То есть взрослые, конечно. В форте де Жу я этого не упоминал, по соображениям безопасности... – Маргарита, прискакав с Гаменом, вручила Гольдбергу знакомый ему конверт:

– Тетя Роза сказала, что пусть к вам вернется, если вы теперь в порядке... – девочка погладила его забинтованное запястье:

– А что в письме, дядя Эмиль... – Гольдберг и сам не знал, что там:

– Надо его прочесть, с Маргаритой, – решил Гольдберг, – или потом это сделать? Никто не знает, что с отцом Виллемом случилось. Звезда где-то в Польше, с мужем, дети ее в Требнице, а Требниц в рейхе... – Гольдберг решил, на досуге, подумать о будущих делах, как он их называл, на востоке. Услышав, что никто, за три года, не проговорился о Маргарите, полковник Горовиц заметил:

– Наверное, потом Израиль соберет данные о тех, кто евреям помогал, спасал их... – Эмиль отозвался:

– Израиля нет еще, полковник... – Гольдберг, про себя, хмыкнул:

– В конце концов, я тоже могу в Израиль поехать. Сам по себе, Портниха здесь не при чем. У меня есть военный опыт, он пригодится подпольщикам. Портниха вообще об этом знать не обязана. Может быть, мы столкнемся... – Эмиль, сердито, напомнил себе:

– Не навязывайся. Евреям нужно свое государство, а твои... – Монах поискал слово, – переживания, никому не интересны... – он был рад, что Портнихи нет в городке: «Меньше ее видеть придется. Хотя она бы ко мне и не зашла...»

Армейский врач, тоже еврей, сказал, что в Мон-Сен-Мартен, с тыловыми частями, приедут капелланы:

– Католик, и раввин Эйхорн, – объяснил ему коллега, – если здесь еврейских сирот соберут, он пригодится... – по словам доктора, кости в правой руке Эмиля, хоть и срослись кое-как, но не нуждались в дальнейшем лечении:

– Подвижность не ограничена, – заметил Хоффман, – организм ко многому может притерпеться... – о таком Гольдбергу рассказывать было не надо.

– Но вы и стреляли, и оперировали этой рукой... – с нескрываемым удивлением сказал Хоффман, – как вы справлялись, первое время... – Эмиль усмехнулся:

– Сначала я вилки на пол ронял, полгода, а только потом пистолет смог взять. Справлялся... – он приподнялся на кровати, – а что мне еще оставалось... – песенка затихла. Девочки, игравшие во дворе, побежали к открытым воротам больницы. Высунувшись наружу, Хоффман нахмурился:

– Толпа какая-то, на дороге, коллега. Женщины из барачков кричат, выскакивают... – Гольдберг тоже смотрел на темную массу людей, среди заснеженного шоссе:

– Не надо, не надо, я прошу вас... – над толпой пронесся отчаянный, высокий крик:

– Пойдемте во двор, – распорядился Эмиль, – уберем детей от ворот. Не стоит им такое видеть... – он потянулся за своей потрепанной, со споротыми нашивками, немецкой шинелью.

Уверенные руки, в старых водительских перчатках с дырочками, лежали на руле армейского виллиса. Машина шла в Мон-Сен-Мартен по северной дороге, из Вerveе. Они проезжали засыпанные снегом терриконы шахт, где копошились черные, далекие фигуры, в военной форме. Федор махал своим саперам:

– Думаю, скоро мы округу от мин очистим, – сказал он Розе, – люди должны на работу выходить. Вообще, – смешливо сказал он, – я бы вашего Монаха здешним мэром сделал. Или пусть компанией управляет, до совершеннолетия Маргариты. Сразу видно, что он достойный человек... – едва солдаты, с Федором, разобрали завал на «Луизе», как он услышал требовательный, скрипучий голос:

– Я надеюсь, что вы начали эвакуацию гражданских лиц, месье... – Гольдберг, одной рукой, со своей стороны тоже разгребал камни, – шахтеры третий день сидят без провизии, почти без воды... – врач вышел из шахты последним, сначала удостоверившись, что всем пострадавшим оказана помощь. Федор заметил, что Гольдберг неловко двигает правой рукой:

– Вывих, – коротко сказал Монах, – запястье повредил. В больнице вправят... – Роза, ничего не ответив, вскинула твердый подбородок, глядя прямо перед собой, на шоссе. Холодный, зимний ветерок бил в лицо, на глаза наворачивались слезы:

– Конечно, он здесь останется... Будет больницей заведовать, может быть, его в мэры выберут, как Драматург говорит. Шахтеры его уважают. Здесь его дом, здесь дочь женщины, которую он любил. А меня он не любит... – Розе хотелось завывать. Вместо этого, она ловко прикурила от зажигалки Драматурга:

– Видишь, в одной округе почти сто евреев прятали. А по всей Бельгии тысячи... – Роза объезжала фермы и монастыри. Девушка сидела со старшими детьми, записывая сведения о довоенной жизни, собирая имена родителей и адреса старых квартир и домов. Малыши, едва начавшие говорить и ходить, когда Бельгию оккупировали немцы, ничего, конечно, не помнили. Фермеры и монахи приносили Розе тщательно спрятанные записки, с указанием места, откуда привезли ребенка, и его настоящего имени. Часто в бумагах не было указано ни возраста, ни фамилии:

– А как найти сведения? – горько сказала Роза Федору:

– Детей снабжали поддельными документами, бельгийскими. Старшие понимают, кто они такие, а младшие выросли с чужими именами, и других не помнят... – на одной из ферм, под Вerveе, хозяин и его жена, отказались даже пускать Розу на порог:

– Франсин наша дочь, – отрезала хмурая бельгийка средних лет, – а про ваши дела мы ничего не знаем. Она в год начала войны родилась. Вот метрика, вот документы, свидетельство о крещении... – женщина перекрестилась:

– Мы ее в приюте взяли. Она наша девочка, мы ее вырастили и никому не отдадим... – спорить было бесполезно. В машине Роза заметила:

– У меня указаны имена ее родителей, они из Льежа. Отца в концлагерь трудовой отправили, а потом... – она махнула на восток, – и мать туда же уехала, в товарном вагоне. Девочку они в деревню послали, с помощью партизан, а теперь видишь, что выходит... – обернувшись, Роза взглянула на черепичную крышу фермы:

– Сколько еще таких детей по всей Европе? На фермах, в монастырях... Их крестили, они вырастут христианами, не зная о своем происхождении... – для сирот строили временный барак, на окраине Мон-Сен-Мартена. Здание бывшей школы, где сидел немецкий комендант, шахтеры приводили в порядок. Скоро должны были начаться занятия:

– Учителя из Льежа приезжают... – Роза курила, сдерживая слезы, – сироты пусть тоже занимаются. Когда станет теплее, мы в Израиль подадимся. Надо связаться с парижским Джойнтом. Они, наверняка, представительство опять открыли. Пусть помогут нам до Марселя добраться. Дальше морем поедем, дорога известная... – британцы запрещали въезд в Палестину, но Роза не видела препятствий:

– В Палестину нам и не надо, – усмехнулась она, в разговоре с Федором, – мы в Александрии на берег сойдем. Дам телеграмму Итамару... – на пухлых губах играла веселая улыбка:

– Финики в Египте особенно хороши. Заказала партию, в тридцать шесть килограмм... – Роза добавила:

– Тридцать семь, если со мной. Итамар меня шифру обучил, он довоенный еще... – в Александрии должны были, после этого, появиться посланцы подпольщиков.

– Все будет в порядке, – уверила Роза Федора. Она договорилась с Меиром об армейском грузовике. Машина, на следующей неделе, собирала еврейских детей по округе и привозила их в Мон-Сен-Мартен:

– Я с ними поселюсь – заметила Роза, – и Маргариту возьмем. Она ко мне привязалась, за это время. В Израиль она не поедет, она наследница де ла Марков, но с детьми ей веселее будет. Не в подвале же ей оставаться, учитывая, что замок еще не скоро восстановят... – услышав о пропаже Маляра, Роза согласилась с Федором:

– Он человек настойчивый, – заметила девушка, – своего добивается. Нашел Максима, в Италии, тот перевел его за линию фронта... – Федор решил, что Максим, судя по всему, тоже достойный человек:

– Потомок того Волка, кто бы мог подумать. Волк был мерзавец, каких поискать. Хотя и комиссар Воронов был мерзавец, а дети его приличные люди. Коммунисты, но Анна тоже коммунист... – Роза, правда, наотрез отказалась верить, что власовец, Воронцов-Вельяминов, на самом деле советский разведчик:

– Он тварь, – с холодной ненавистью сказала девушка, – он евреев арестовывал и расстреливал. Он бы и меня расстрелял, но ребята... – Роза, на мгновение, запнулась, – мне побег организовали... – в ушах зазвучал наставительный голос Монаха:

– Мы устроили акцию потому, что хотели спасти евреев. Вы еврейка, вы хороший работник... – Роза вышвырнула окурок на обочину:

– Один раз он меня похвалил, за три года. Сказал, что я хороший работник... – из-под вязаной беретки падали на спину тяжелые, вьющиеся волосы цвета темного каштана. Федор смотрел на длинные ресницы, на белую, раскрасневшуюся от мороза щеку:

– Она, конечно, ошибается, но местные партизаны о таком знать не обязаны. Воронов просто играл роль, но ведь Анна меня тоже уверяла, что мы неправы... – по словам Розы, она оставила Воронову шрам на правой щеке:

– Ударил его каблуком туфли... – она раздула красиво вырезанные ноздри, – а Монах... – ее голос, на мимолетную секунду задрожал, – Монах и ребята поезд с рельс пустили. Так я и бежала... – Федор вспомнил шум океана, соленый ветер, в Касабланке:

– Она тогда ко мне пришла, хотела... Правильно Мишель говорил, от нее молнии бьют, страшно рядом стоять. Монах совсем дурак, что ли? Не видит такого? Надо с ним поговорить, вот что... – решил Федор:

– Она-то к нему не явится, у нее все серьезно сейчас. Не так, как в Африке, со мной... – он видел тоску в темных, больших глазах девушки.

Роза замедлила ход виллиса:

– Толпа какая-то... – шоссе из Вервье последние несколько километров шло по лесу. Едва начались заснеженные сосны, как Роза улыбнулась:

– Здесь у Монаха снайперы сидели, на платформах... – девушка обругала себя:

– Не можешь и слова сказать, чтобы его не вспомнить. Роза любит Эмиля... Оставь, ты не подросток давно... – ей, все равно, хотелось послать Монаху записочку, как в школе:

– Или на танец его пригласить, хотя он не танцует... – кабачки, в Мон-Сен-Мартене, успели повесить рукописные объявления:

– Открытие на следующей неделе. Танцы, два бокала пива или сидра по цене одного... – судя по всему, крепкие напитки в Мон-Сен-Мартене так и не собирались подавать. Роза слышала, как местные девушки хихикали, обсуждая американских солдат, оставшихся в городке:

– Саперы, службы тыла, медики. Среди них и католики есть. Капеллан католический приезжает, будет в часовне служить. Церковь восстановят, непременно. Скоро венчания начнутся... – приезжал еще и военный раввин, но, по мнению Розы, кроме занятий с еврейскими детьми, ему здесь больше делать было нечего. Она затянула рычаг ручного тормоза. Над толпой женщин бился крик:

– Пожалуйста, я ни в чем не виновата, пожалуйста... – Роза, решительно, прошла к середине дороги. Мадемуазель Флоранс, в грязном, порванном пальто хорошей шерсти, с черно-бурой лисой, стояла на коленях, вытирая испачканное лицо. Рядом валялись два саквояжа, сапожки девушки слетели, чулки измазала дорожная глина. Задувал прохладный, сырой ветерок. Какая-то женщина, рядом с Розой, крикнула:

– Вот и ножницы, с бритвой! Держите ее крепче... – Розе, сзади на плечо, положили руку:

– Шахтеры сказали, ее в лесу нашли... – хмуро шепнул Теодор, – она уйти пыталась. В саквояжах одних золотых часов сорок штук. Кольца, браслеты, ожерелья... – он сплюнул себе под ноги:

– Я ее пальто шила, – вспомнила Роза, – и костюм на ней тоже моей руки... – мадемуазель Флоранс завизжала, мотая головой: «Нет, нет, не надо!».

– Подстилка! – две женщины, крепко, держали ее за плечи, третья щелкала ножницами:

– Ты жрала мясо и спала в тепле, в бошевской постели, а наши дети умирали от голода... – девушку опустили лицом в грязь, пригнув к шоссе. В нее летели комья снега, женщины рвали на ней одежду:

– Моя дочь умерла, потому, что мне нечем было ее кормить... – худая девушка, по виду ровесница Флоранс, вцепилась ей в голову, – мой муж умер в концлагере, и мне даже не отдали его тело! Сука, сука... – Федор, издали, увидел военный виллис, с Меиром за рулем. Он пошел наперерез машине, полковник Горовиц остановил автомобиль:

– Ко мне капитан Хоффман пришел, – он кивнул на медика, на заднем сиденье, – надо все прекратить... – бритва скрипела по голому черепу, слезы на лице девушки смешивались с кровью. Хлопнув дверью машины, Монах, коротко, отозвался: «Не надо».

Прихрамывая, заснув руки в карманы обрезанной шинели, он пошел к толпе. Заметив темноволосую голову Розы, Эмиль, намеренно, отвернулся от нее:

– Незачем, – сказал себе Гольдберг, – ничего не получится... – мадемуазель Флоранс отпустили. Девушка рыдала, скорчившись на обочине, прикрывая руками кое-как обритую голову. Люди расходились, пиная саквояжи. Гольдберг услышал тихий голос:

– Надо ее в Льеж отвезти, от греха подальше. Я позабочусь... – Эмиль кивнул, избегая настойчивого взгляда темных, больших глаз Розы.

Военный комендант Мон-Сен-Мартена, полковник Горовиц, отказался въезжать в каменные здания рудничного управления или школы, реквизированные немцами, при оккупации городка:

– Детям надо учиться, – сказал он доктору Гольдбергу, – а компания должна восстанавливать работу... – они с Монахом шли по высокому, пахнущему краской, школьному коридору. Паркет был еще темным от воды. Женщины мыли полы и окна, шахтеры приводили в порядок школьные классы. Поселковую библиотеку немцы разорили:

– Книги евреев и левых авторов на площади сожгли, – мрачно сказал Гольдберг, – «Тиль Уленшпигель» тоже горел. Остальное женщины по баракам разобрали. Они старались сохранить издания, но, иногда, приходилось ими топить. Немцы угля не выдавали... – выжившие книги приносили в школу. Все портреты Гитлера и брошенные, немецкие вещи, уничтожили на заднем дворе.

Меир разбирался с документацией по концентрационному лагерю, оставшейся при бегстве немцев, в бывшем рудничном управлении:

– Все понадобится, – думал Меир, – на процессе, где осудят гитлеровцев... – он выяснил, что в Мон-Сен-Мартене сидели и русские военнопленные. Гольдберг кивнул:

– Когда евреев из лагеря депортировали, после восстания и расстрела... – Монах дернул щекой, – на их место прислали русских. Правда, немного, здесь шахтеров хватало, для работы... – кое-какие русские, бежавшие из плена, воевали в партизанских отрядах. Кузен Теодор заметил Меиру:

– Рано или поздно здесь представители Красной Армии появятся, как и во Франции. Начнут ребятам в уши петь, предлагать на родину вернуться... – Меир удивился:

– А что в этом плохого? У многих в России семьи. Конечно, они захотят поехать домой. Они воевали в партизанах, они герои... – Федор вздохнул:

– До границы их с почетом доvezут. А что дальше будет, никто не знает. Скорее всего, отправят в те же лагеря, что и власовцев... – пока русских коллаборационистов, и пленных эсэсовцев посылали в тыл. Договора о возвращении русских пленных из армии Власова пока не существовало. Федор предполагал, что многие власовцы постараются доказать свою невиновность:

– Будут настаивать, что их взяли в плен ранеными, без сознания. Скажут, что у них не было выбора. Ерунда, выбор всегда есть... – после очистки района Мон-Сен-Мартена от мин, саперы шли вперед, присоединяясь к армии Паттона. Полковник Горовиц тоже возвращался на свое место службы:

– Дальше Германия, – сказал он Гольдбергу, выйдя на школьное крыльцо, – Германия и Берлин. Русские сейчас Польшу освобождают... – вечер был морозным, но ясным. По дороге, ведущей к развалинам замка, под слабыми, едва замерцавшими звездами, шли два армейских грузовика. Меир выдал машины для перевозки имущества де ла Марков в поселковый клуб. Во время оккупации здание служило кинотеатром для немецких солдат. Гольдберг пообещал:

– Клуб мы опять организуем. Устроим театр, скаутский кружок, хор и оркестр, как до войны. Я буду тренировать футбольную команду, детскую. Полузащитником мне не поиграть... – Монах больше не пользовался палкой, но ногу приволакивал. Гольдберг подозревал, что до конца жизни не избавится от хромоты:

– Надо сказать спасибо, что я оперировать могу... – Меир прислонился к колонне, на крыльце, глядя на большого сокола. Птица парила над развалинами замка. Он, как и часто в последние дни, подумал о сестре:

– Эстер где-то в Польше, с Авраамом и Циной. Мальчишки в рейхе. Если она говорила с папой, может быть, папа успел ей сказать, о Требнице? Но как туда попасть... – днем Меир получил радиogramму, из Италии. Капитан Авербах, старый приятель, сообщал, что жив и получил очередной орден:

– Мое подразделение перебрасывают на западный фронт, так что мы увидимся, – читал Меир, – надеюсь, что мы оба дойдем до Берлина... – для этого им обоим требовалось еще остаться в живых. Меир знал, что после победы Авербах собирается домой, в Польшу:

– Жену и сына искать. А где искать? Но, может быть, они спаслись? Они среди партизан, или их прячут где-то. А если нет? Если их депортировали, в Аушвиц, например... – Аушвиц, судя по всему, со дня на день, должны были освободить русские.

Грузовики, проезжая мимо школы, замедлили ход, дверь кабины открылась. Кузен Теодор, в полевой форме, прыгнул на снег:

– В подвалах больше ничего не осталось, – крикнул он, проходя мимо городского сада, – мы все очистили! Колодец работает, он и в следующем веке будет работать. В старое время на совесть строили... – Меир взглянул на чугунную ограду:

– Монах говорил, что местные жители три года в сад не заходили, из-за таблички. Даже дети не забегали. Праведники... – пришло в голову Меиру, – праведники мира. Так они потом будут называться. Весь поселок знал о Маргарите, и никто не проболтался... – он очнулся от недовольного голоса Гольдберга:

– Что значит, непонятно, где ваша сестра... – Меир упомянул, что с Эстер нет связи, – Польша почти освобождена... – сестра и Гольдберг работали в подполье, когда она еще жила в Голландии. Полковник Горовиц вздохнул:

– Во-первых, половина Польши отошла рейху, и до сих пор оккупирована. Бреслау, например, и Требниц, где дети Эстер живут. Во-вторых, Эстер, то есть Звезда, командир отряда Армии Крайовой. Русские их не очень жалуют... – Гольдберг помолчал:

– Я с вами хотел поговорить, о Польше... – Эмиль едва успел открыть рот. Федор, легко, взбежал на крыльцо:

– Польша никуда не денется, месье Гольдберг. Пойдемте... – он показал на освещенный, открывшийся сегодня первым кабачок, – я вас угощу. Есть дело... – Федор вспомнил, как покойный де Сели-Лоншан настоял на том, чтобы он пошел к Тео, в Греции:

– И правильно сделал, – сказал себе Федор, – нечего Монаху молчать, и на нее смотреть. Розе я намекну, что-нибудь. Меир пусть с раввином словом перемолвится, когда капеллан сюда приедет... – Меир посмотрел им вслед:

– Наверное, по шахтам что-нибудь. На «Луизе» следующей неделей работу начинают... – застегнув форменную, зимнюю куртку, он пошел к временному, армейскому барaku, рядом с больницей, где полковник устроил себе кабинет.

Первым в пустынную, пахнущую свежим деревом комнату, за неимением кошки, запустили Гамена. Стены немного сочились смолой. Американские солдаты заняли бывшую немецкую лесопилку, у горы Ботранж. Федор обещал Гольдбергу, что перед отправкой подразделения дальше на запад, армия поправит, как он выразился, все бараки в Мон-Сен-Мартене:

– До весны еще долго, – сказал полковник, – и вообще, вряд ли вы каменные дома даже весной начнете строить. Не стоит, чтобы люди друг у друга на головах ютились... – во время оккупации в каждой комнатке, в бараке, жило по несколько женщин с детьми. Из тыла привезли походные печи, снабдив ими новые строения. Дети носились во дворах, среди курят-

ников и сарайчиков с кроликами. Девочкам солдаты вырезали деревянных кукол, мальчишки помогали саперам, распиливая доски, копошась на лесах.

На «Луизе» и других шахтах компании вчера началась работа. Собрав совещание, в рудничном управлении, Федор смотрел на инженеров и техников:

– Те, кто во время оккупации в живых остался. Они либо в концлагере сидели, либо в отрядах Монаха воевали... – кузен Меир сказал Федору, что, по документам, в компании не было совета директоров:

– Предприятия единолично принадлежали покойному дяде Виллему, – заметил Меир, – я связался с его брюссельским адвокатом, сообщил, что Маргарита выжила... – по завещанию, написанному покойным бароном, после того, как его сын принял сан, компания переходила в полную собственность Маргариты:

– Когда она совершеннолетней станет, – объяснил Меир, – то есть это еще больше десяти лет. Дядя Виллем распорядился, чтобы семья назначила опекунов девочке... – Меир почесал ручкой коротко стриженные, но все равно, немного растрепавшиеся волосы, – надо этим заняться, после войны... – Федор кивнул за окно барака: «Его».

– И ее... – полковник Горовиц не смог сдержать улыбки, – я, кстати, узнал, где в Льеже цветочный магазин. Они работают, несмотря на войну и все остальное... – Меир повел рукой:

– И я ему сказал, что мой виллис в его распоряжении... – услышав о машине, Гольдберг, недовольно покрутил головой:

– Я бы мог и сам до Льежа добраться... – Меир похлопал его по плечу:

– Ты две недели назад подорвал рельсы, ведущие в Льеж. Хромать туда, тридцать километров, я тебе не позволю... – Монах, было, завел разговор о першеронах, с фермы покойного месье Верне. Туда переселились дальние родственники старика, бывший заключенный в концлагере, шахтер, с женой и детьми.

Меир вскинул бровь:

– На телеге туда долго ехать... – Гольдберг отозвался:

– Я никуда не тороплюсь... – полковник Горовиц присел на край стола, разминая сигарету:

– Очень зря, дорогой доктор. Я не торопился... – Меир вздохнул, – а надо было бы. А теперь, видишь, чем все закончилось... – Меир чувствовал себя виноватым в гибели Ирены. Он проводил взглядом Гольдберга:

– Больше никому, кроме Ирены, я не понадобится. Только она могла меня принять, калеку. Она меня любила... – с Розой никто из них не говорил. Меир ее немного побаивался, а Федор только хохотнул, когда полковник Горовиц завел речь о Розе:

– Поверь мне, ни в каких разговорах она не нуждается. Но и сама к Монаху не придет, у нее все серьезно... – вместо этого, Меир посидел с приехавшим в Мон-Сен-Мартен, старым знакомцем, раввином Эйхорном. Капеллан обрадовался:

– Очень хорошо, полковник. Это ведь не первый такой брак будет. Во Франции тоже выжившие люди женились. Сейчас много свадеб начнут играть... – они оба, невольно, посмотрели на восток. Судя по сведениям от Монаха, пока из Германии никто из местных евреев не возвращался. Неделю назад Красная Армия освободила Краков, вчера Меир получил свежую сводку.

– В Аушвиц вошла Красная Армия... – он увидел какую-то печаль в темных глазах Гольдберга. Врач помолчал:

– Маргарита знает, что ее отец... – Меиру показалось, что врач, на мгновение, запнулся, – что ее отец в Аушвице погиб. Насколько я понимаю, нет никакой возможности выяснить, что случилось с профессором Кардозо... – Меир позвонил в Блетчли-парк, дяде Джованни. Полковник услышал по телефону тяжелый вздох:

– Милый мой, нацисты при отступлении жгут все архивы. В Майданеке русские ничего не нашли, и ничего не найдут в Аушвице... – Гольдберг, упрямо, продолжил:

– Все равно. Есть те, кто спасся из лагеря, воевал с партизанами, кого укрывали. Я поеду в Польшу, найду их, и поговорю. Маргарита и мальчишки имеют право знать, что произошло. Кроме того... – он не закончил. Они с Меиром оба знали, о чем идет речь. Эстер, до войны, так и не получила от мужа еврейского развода. Меиру не надо было встречаться с раввином, он и сам хорошо знал законы:

– У нее с Авраамом была хупа. Раввины такое разрешают, если первого мужа женщины немцы в лагерь отправили. Считается, что в лагерях никто выжить не может. А если нет? Если Давид спасся, если у Эстер и Авраама дитя на свет появится... – Меир даже поежился. Такой ребенок считался незаконнорожденным:

– Он никогда не сможет жениться на еврейке, выйти замуж за еврея... Но если Давид работал на немцев... – Меир видел, что Гольдберг не хочет говорить о довоенном знакомстве с профессором Кардозо:

– Давид здесь жил, в Мон-Сен-Мартене, в замке. Эмилия покойные барон и баронесса в подвалах прятали, три месяца. Его хотели в Швейцарию вывезти, но кто-то немцам донес... – Меир был уверен, что без бывшего зятя здесь не обошлось:

– Вот и хорошо, – разозлился полковник Горовиц, – пусть Монах едет в Польшу и пристрелит эту вошь. Мир ничего не потеряет. Я не сомневаюсь, что он и в Аушвице при немцах кормился... – полковник Горовиц не стал ни о чем распространяться, только заметил:

– Я кадровый офицер, пока что. Я не могу отправиться в Польшу, как бы это сказать, частным образом... – Монах усмехнулся: «А я могу».

– Пусть едет... – Меир следил за его крепкой, немного сгорбленной спиной. Монах шел через двор барака, останавливаясь, перешучиваясь с детьми, здороваясь с развешивающими белье женщинами:

– Пусть едет, в больнице он себе замену найдет. Он Давида не пожалеет, у него рука не дрогнет. Только пусть сначала под хупу пойдет. Если понадобится, я его сам туда отведу... – Меир даже усмехнулся. Он не стал говорить Гольдбергу о других новостях. Русские, заняв Краков, начали аресты гражданских лиц и бывших партизан, подозреваемых в связях с Армией Крайовой. Меир очень надеялся, что и сестра, и зять, и Циона не станут спускаться с гор:

– Но куда им деться? – полковник курил, рассматривая карту:

– Везде русские, и в Польше, и в Словакии, и в Венгрии. Будапешт, наконец-то, взяли. И в Чехию русские зайдут, рано или поздно... – партизанский отряд сестры попал в окружение Красной Армии:

– Эстер не покинет Польшу, пока не найдет мальчишек. Хоть бы они рацию достали, связались с Лондоном. Мы бы, по крайней мере, знали, где она. Но Монах ее найдет, обязательно... – Меир понимал, что его в Польшу никто не отпустит:

– И уволиться из армии мне никто не разрешит. Монах гражданский человек, с него, как говорит Теодор, взятки гладки... – запястье Гольдберга пришло в порядок. Монах, довольно неожиданно покраснел, когда услышал еще об одной русской пословице.

– Как у нас выражаются, – весело сказал Теодор, сидя в кабачке, – до свадьбы заживет, месье Эмиль... – Монах только что-то пробурчал, занявшись жесткой, старой курицей.

Покрутившись по комнате, Гамен улегся в углу, рядом с печкой:

– Здесь он будет спать, – деловито сказала Маргарита, – то есть он всегда ко мне приходит, но днем это будет его место. Я корзинку сплету, тетя Роза. Месье Верне меня и братьев учил, до войны. И подушку сошью, для Гамена... – девочка кивнула на дверь:

– А вы рядом будете... – Роза стояла у окна. Во дворе аккуратно сложили доски, у курятника копошились женщины:

– Кур нам принесут, – вспомнила она, – Меир обещал сирот на армейской кухне кормить. Доживем до весны, а потом в Израиль подадимся... – школа открывалась на следующей неделе, сирот завтра привозил армейский грузовик.

Роза скрыла вздох:

– Конечно, буду рядом, милая. И потом приеду из Израиля, навещу тебя... – она чуть не сказала: «Его».

– Его, – мрачно подумала Роза, – с женой и детьми. Оставь, оставь... – в комнате было еще зябко, Маргарита носила свое старое пальтишко:

– Надо в Льеж съездить, – решила Роза, – попросить у Меира виллис. Куплю тканей, машинка швейная у меня есть, то есть передатчик... – она усмехнулась:

– Маргарите одежда нужна, сиротам тоже, да и всему остальному поселку... – девочка ахнула:

– Тетя Роза, смотрите! Дядя Эмиль идет, с розами... – Гольдберг, в неизменной, обрешанной немецкой шинели, остановился у входа во двор:

– У него волосы отрастать начали... – поняла Роза, – они у него вьются. Седина, конечно, видна, но у кого сейчас седины нет. Хотя у меня нет... – Маргарита, восторженно, сказала:

– Дядя Эмиль вам розы принес, тетя Роза, а ведь сейчас зима... – Монах хромал к бараку. Полуденное солнце играло в стеклышках пенсне, на темно-красных, пышных лепестках букета.

– Это на новоселье, милая... – у Розы задрожали пальцы, она побледнела, – на новоселье... – Гамен залаял, дверь хлопнула. До нее донесся голос девочки:

– Мы погуляем, тетя Роза. Надо пользоваться каникулами, скоро школа начнется... – Маргарита хихикнула, по коридору простучали ее ботинки.

– На новоселье, – Роза вцепилась в обструганный подоконник, пытаясь удержаться на ногах, – просто на новоселье... – услышав стук, она едва смогла отозваться: «Открыто!».

Монах так привык видеть Портниху в трофейных, теплых немецких штанах и солдатской куртке вермахта, что сначала даже не понял, что надето на девушке. Эмиль, зачем-то, схватился за косяк двери, удерживая одной рукой розы. От багрово-красных лепестков веяло свежестью и морозом. Хозяин цветочного магазина в Льеже, аккуратно запаковав букет, отказался брать деньги:

– Оставьте, – удивился старик, – что вы, месье Монах... – он рассмеялся:

– Не помните меня. Неудивительно, три года прошло... – Эмиль вспомнил. Обведя глазами полки с цветочными горшками, он откашлялся:

– Давно вы вернулись... – пожилой человек и его жена, евреи, сначала, с помощью партизан, скрывались на провинциальной ферме, а потом их переправили в один из монастырей. Пахло теплой землей, цветами, старик ловко завязал ленточку на пакете:

– На той неделе, месье Эмиль. И сразу с магазина замки снял. Немцы здесь все разорили, но мы заведение в порядок приведем. Скоро война закончится, люди вспомнят про цветы... – он передал Гольдбергу букет: «Товарищу, наверное, отнести хотите?».

– Товарищу... – Эмиль смотрел на безукоризненные ноги, в нейлоновых чулках, на короткую, едва по колено, твидовую юбку, цвета спелых ягод, на изящный жакет и блузку пурпурного шелка:

– Товарищу, по оружию. То есть ей, Розе... – темные, тяжелые волосы падали на стройные плечи. Она часто дышала, держась одной рукой за подоконник:

– Она этот костюм в Брюсселе носила, когда де Сели-Лоншан покойный над городом пролетел. Я тогда на нее накричал... – Гольдберг испугался:

– А если она на меня обиделась? Я часто ей выговоры делал, напоминал, что надо скромнее одеваться. Костюм она в чемодане возила, когда в подполье ушла. И сейчас надела, как будто меня ждала. Но зачем я ей... – Эмиль вдруг показался себе смешным:

– На четвертом десятке цветы принес. Как будто она раньше цветов не получала, от мужа, от поклонников. Кто я такой, простой врач... Она не останется в Мон-Сен-Мартене, в нашей глуши... – от нее пахло сладкими, терпкими пряностями. Нейлон блестел на тонких щиколотках, в туфлях пурпурной кожи, на пятисантиметровой шпильке:

– Она мне ровень... – рука Гольдберга, обычно спокойная и уверенная, задрожала, – у нее рост метр восемьдесят, а на каблуках она мне ровень. Какая она красивая... – пухлые губы, цвета спелых ягод, слегка приоткрылись. Эмиль понял, что воздух в комнате слегка потрескивает:

– Как будто при грозе. Кажется, сейчас ударит молния... – он вспомнил, как Роза, в Брюсселе, бегала на рынок, за его любимой печенкой:

– Я один раз сказал, что мне печенка нравится. Она запомнила, и всегда мне ее готовила. И крем-карамель делала, потому что мне он тоже нравится. Поднимала мне вилки, а я ей выговаривал. Кофе хотела варить, а я ей запрещал. Дурак, какой я был дурак. Дурак и есть, она сейчас скажет, чтобы я уходил... – Эмилю хотелось навсегда остаться в комнате:

– Нет, – поправил он себя, – навсегда остаться с ней. Варить ей кофе, и приносить в постель. Покупать цветы, и класть розу на поднос, каждое утро. Я никуда, никогда ее не отпущу. С Элизой покойной так было. Надо ей сказать, об Элизе, об Эстер. Хотя она догадалась об Элизе, наверное... – длинные пальцы хирурга внезапно, пронзительно заболели. Гольдберг едва ни выпустил букет. Эмиль вздрогнул. У нее была теплая, ласковая рука:

– Ваше запястье... – тихо сказала Роза, забирая цветы, – вы его вывихнули, в шахте. Доктор Хоффман сказал, что вам надо ограничить движения, пока связки не восстановят свои функции... – Роза и сама не знала, зачем сегодня утром вытащила из чемодана, старый костюм:

– А теперь Монах пришел. Зачем я костюм надела? Он опять будет свои шуточки отпускать... – в разговоре с армейским врачом Роза сделала вид, что волнуется за своего бывшего партизанского командира.

– Хоффман сказал, что он сильный человек. Он столько пережил, и восстановил здоровье. Я и сама помню, как он с палкой ходил, как приборы на пол ронял... – сильный человек, стоя рядом с Розой, побледнел так, что девушка даже испугалась:

– Вы... с вами все в порядке, месье... месье Гольдберг... – розы ласкали ей ладонь прохладными лепестками.

Эмиль сглотнул:

– Я... я вам цветы принес, мадемуазель Савиньи. То есть мадам... – Эмиль вовремя себя оборвал:

– Она не любит фамилию бывшего мужа... – Гольдберг понял, что у него вылетело из головы все, вплоть до девичьей фамилии Розы:

– Я сейчас и свою фамилию не вспомню, если она будет на меня так смотреть. Зачем я сказал о букете, розы у нее в руках. Она подумает, что я совсем дурак... – темные глаза Портнихи, под длинными ресницами, слегка заблестели:

– Спасибо... – пальцы все еще не покинули его запястье, – спасибо, месье Гольдберг. Это на новоселье, очень мило... – ее голос угасал, – очень мило с вашей стороны... – Роза загадала:

– Если он не отступит, если не отнимет руки, все, обязательно, будет хорошо. Прямо здесь, прямо сейчас... – Гольдберг, довольно бесцеремонно, отобрал у нее букет:

– Нет, мадемуазель Левина, – он понял, что улыбается, – не на новоселье. Я принес вам цветы, потому что я вас люблю... – Эмилю, внезапно, стало все равно:

– Как будто в отряде, – подумал Монах, – словно в бою. Просто делай то, что надо, и будь, что будет... – она ахнула, почувствовав, как забилося его сердце, совсем рядом:

– Я вас люблю, и, пожалуйста, окажите мне честь... – Роза не успела его удержать, – станьте моей женой... – Роза посмотрела вниз, в темные, обрамленные мелкими морщинами глаза. Он стоял на коленях.

Девушка всхлипнула:

– Эмиль... то есть месье Гольдберг, я никогда, никогда... – Роза спохватилась:

– То есть я дура, и не слушайте меня, пожалуйста. Я никогда не думала, что я вам... что я вам нравлюсь, что я... – она плакала, опустившись вниз, укрывшись у него в руках. Розы рассыпались по деревянным, чистым половицам, багровые лепестки окружали их мягким ковром. Он шептал:

– Я никогда, никогда бы не смог жить без тебя, Роза. Я и не могу, и не буду. Если ты мне позволишь, конечно, если ты захочешь... – Роза успела подумать:

– Три года, каждую ночь. Три года я засыпала, с мыслью о том, как он меня поцелует... – это было лучше, чем все, что Роза могла себе представить. Она глотала слезы:

– Эмиль, Эмиль, зачем ты спрашиваешь... Я всегда, всегда останусь рядом с тобой, пока мы живы. Я тебя люблю, так люблю... – сухие, нежные губы касались ее влажных щек, ловили каждую слезу:

– Не плачь, любовь моя, не плачь. И прости меня, что я был таким дураком, Роза. Я каждую ночь думал о тебе, ты ведь... – она шепнула: «Хороший работник».

– Ты моя любовь... – Эмиль склонил седоватую голову, целуя ее длинные, до сих пор исколотые иголкой пальцы, – моя любовь, Роза, навсегда...

На столе полковника Горовица лежала аккуратно свернутая радиограмма. Меир пил кофе, рассматривая в окно центральную площадь Мон-Сен-Мартена, со зданиями мэрии, рудничного управления и школы. Фонтан в городском саду, из-за зимы, пока не работал. Проверив механизм, Теодор сказал, что все в порядке:

– К весне инженеры восстановят городской водопровод, – заметил он, – и здесь опять вода зажурчит, как при покойном дяде Виллеме... – из сквера доносились крики детей, и стук футбольного мяча. Воскресная месса во временной, деревянной часовне, с армейским капелланом, закончилась. У входа, у ящика с прорезью, висело рукописное объявление:

– Сбор пожертвований на храм Святого Иоанна Крестителя, с приделом святых Елизаветы и Виллема Бельгийских... – Меир видел в часовне довоенный плакат, изданный к канонизации. Кто-то из женщин сохранил его в бараке и принес в церковь. Святые, с букетами белых лилий, стояли на коленях у алтаря. Плакат успели украсить самодельными цветами, из потрепанной ткани.

На кабачках тоже висели афишки:

– По случаю праздника сегодня открываемся позже... – в саду, на лужайке, солдаты саперного подразделения Теодора вбивали в мерзлую землю шесты. Меир, смешливо, сказал Монаху:

– Мой дальний предок, во время американской революции, женился под хупой из американского флага. Но у вас настоящий балдахин будет... – из сундуков де ла Марков достали кусок старого бархата. Монах и Роза, согласно традиции, эту неделю не виделись, но Меир заходил в барак к сиротам, где жила Роза. Девчонки и Маргарита вышивали на бархате цветы, и буквы на иврите:

– Голос жениха, и голос невесты, голос радости и ликования... – Маргарита, по секрету, отвела Меира в боковую комнату:

– Это де ла Марков свадебное платье, – зачарованным голосом сказала девочка, – тете Розе оно впору. Мы наряд еще в подвале мерили, тетя Роза такая в нем красивая... – хупу Гольдберг и Роза собирались отдать в льежскую синагогу:

– Когда здание откроется, когда раввин появится, – заметил Гольдберг, – в конце концов, придет кто-нибудь, из Польши, из Германии... – пока никто из депортированных евреев не вернулся домой, но Меир утешал себя тем, что Польша еще не вся освобождена:

– В конце концов, до войны в Европе жило десять миллионов евреев. Невозможно убить десять миллионов человек. Даже один миллион, и то невозможно... – вспоминая о смерти отца, Меир, иногда, ловил себя на мысли:

– Возможно. Немцы в Мальмеди расстреливали безоружных людей, медиков и раненых. Питер меня тогда остановил, сказал, что надеется на такую же услугу. А теперь и Питера нет... – радиограмма пришла из столицы США, за подписью полковника Горовица. Отца похоронили на Арлингтонском кладбище, рядом с камнем в память Аарона:

– Дебора и малыш приехали на церемонию, – читал Меир, – я обо всем позаботился. Дядю Хаима, посмертно, наградили Медалью Почета. Тебя, судя по всему, ждет такой же орден, за бой под Ставело... – Меир, мимолетно, подумал:

– Вряд ли еще в Америке такая семья найдется. Хотя это все неважно, конечно. Важно отыскать Максимилиана и Отто, арестовать их, судить трибуналом и казнить. Важно найти маленького Уильяма, в России. Он наследник титула. Но как у Воронова забирать его сына... – Меир вздохнул. Вторая радиограмма пришла от дяди Джованни, из Лондона. Кузен Стивен с женой и дочерью, уехал на авиационную базу, а от Эстер пока новостей не приходило:

– Мы с Кларой, судя по всему, ждем счастливого события, весной... – Меир едва справился со слезами, – детям мы пока ничего не говорили, но, кажется, они и сами догадываются... – полковник опустил радиограмму на стол:

– Дяде Джованни шестой десяток идет. Лаура погибла, но у него ребенок родится. А у меня никогда не будет детей, я никогда не женюсь... – Меир редко думал о Тессе, избегая таких мыслей, но сейчас ему захотелось написать в Индию:

– То есть в Непал. Она пока еще где-то там, в деревне. Но зачем я ей нужен, калека? Ей едва за тридцать, она молодая женщина. Она выйдет замуж, за политика, или врача... – он стер слезы с глаз:

– Никому это не нужно, Меир Горовиц. Лучше подумай, как после войны доказать, что ты не агент СССР... – зная своих боссов, Меир не сомневался, что даже его служба в армии не снимет подозрений:

– Русские решили меня законсервировать, как говорится. Послать на фронт, от греха подальше. Я спас Донована, в Америке, однако они посчитают, что я это тоже сделал, чтобы отвести от себя опасность. И надо еще найти Констанцу... – Меир поговорил с Теодором об отце Виллеме. Кузен пожал плечами:

– Ты сам слышал, от Монаха. Максим ему передал в форте де Жу письмо, для Маргариты, а больше ничего Монах не знает. Максим ему не сообщал, что с отцом Виллемом в Аушвице случилось... – Меир повертел свое пенсне:

– Письма, кстати, так никто и не читал, оно к Монаху вернулось. Может быть, Виллем видел в Аушвице Давида, может быть, он пишет Маргарите, что ее отец погиб... – видя упрямство Гольдберга, Меир предполагал, что врач оставит письмо у себя до того времени, пока Маргарита подрастет.

– Посчитает, что в семь лет ей рано о таком знать. Впрочем, ей даже и семи не исполнилось... – дети, по случаю воскресенья, в школе не занимались. Меир хмыкнул:

– Маргарита сказала, что у Розы подружкой будет. Раввин разрешил, хотя на хупе ничего такого нет... – он видел у Монаха простое, золотое кольцо. Гольдберг привез драгоценность из Льежа. Вернувшись, он весело сказал полковнику Горовицу:

– Кабачкам здешним придется ночью работать. Со всей страны люди на хупу съезжаются... – с утра в Мон-Сен-Мартен потянулись телеги, трофейные, немецкие автомобили, и довоенные, потрепанные форды. Вчера многие шахтеры ходили на охоту, в Амеле, почти всю неделю, удили рыбу. Обед накрывали в большом, едва протопленном здании городской мэрии. У раввина Эйхорна нашлась припрятанная бутылка сладкого, кошерного вина:

– Даже водку из Льежа привезли, – вспомнил Меир, – хотя, обычно, здесь крепкие напитки не подают. Но ради свадьбы можно. Интересно, что за сюрприз Гольдберг приготовил? Он скрытный, до хупы не скажет... – Маргарита призналась Меиру, что ходила с Розой в горы.

– То есть мы на машине ездили, – шепнула ему девочка, – а потом пешком шли. На Ботранже есть пещера, в ней озеро подземное. Тетя Роза в него окуналась... – Меир поежился:

– В конце января. Хотя она ради своего Монаха не то, что в озеро полезет, а в преисподнюю спустится. И он тоже, конечно. Правильно Теодор говорит, между ними молнии бьют... – он придавил радиogramмы пистолетом Кроу:

– Надо оружие в Лондон отправить, незачем семейной реликвии на фронте болтаться. Мы после хупы на границу едем, присоединяемся к армии Паттона... – впереди у них лежали предприятия Рурской долины, и Рейн, который еще предстояло форсировать. Допив кофе, Меир прожевал кусок простого, морковного торта, с глазурью из военного, пайкового сахара:

– Мэтью, наверняка, на континенте к шапочному разбору появится. Но что за сюрприз Монах готовит? Не торт, торт женщины пекут... Ладно, на хупе увидим... – сверившись с часами, он пошел надевать парадную форму.

Отступив на несколько шагов, Маргарита склонила голову:

– Тетя Роза, вы словно принцесса, из сказки... – девочка носила новое платье, светлой, тонкой шерсти, и меховую пелеринку. Роза выкроила наряд из потертой, сшитой до первой войны, шубки:

– Это бабушки Терезы, – серьезно сказала Маргарита, – я ее помню немножко. И дедушку помню... – Маргарита завела себе самодельный альбом. Сундуки де ла Марков стояли в поселковом клубе. Девочка приходила туда каждый день, после школы. Маргарита отобрала себе фотографии святых Елизаветы и Виллема, снимки ее бабушки и дедушки, свадебное фото родителей, снимок дяди, в облачении священника, и фотографию первого военного лета.

Маргарита, в венке из ромашек, на кудрявой, черноволосой голове, сидела, болтая босыми ногами, на телеге покойного месье Верне. Справа и слева устроились похожие, как две капли воды, мальчики. Близнецы широко улыбались. Маргарита сморщила лоб:

– За плечи меня Иосиф обнимает. Или Шмуэль. Не знаю, тетя Роза, – призналась девочка, – я братьев никогда не различала... – второй близнец дразнил Гамена удочкой, где раскачивалась какая-то мелкая рыбешка.

– Мы на Амель ездили... – сияло яркое, летнее солнце, за спинами детей виднелись очертания замка, – мамочка нам пикник устроила... – в альбоме была и фотография покойной Элизы, у полевого шатра эпидемиологов, в Маньчжурии. Маргарита коснулась пальцем шали, на плече матери:

– Я там лежу, тетя Роза, только меня не видно... – девочка хихикнула, – мне месяца не исполнилось... – она указала на дату под снимком. Роза смотрела на светлые, стянутые в простой пучок волосы, на большие глаза Элизы:

– Она тогда книгу начала писать, о врачах. Мы ее читали, с Маргаритой, в подвале. Бедный Эмиль, он так Элизу любил, и потерял, и ее, и будущее дитя... – Роза, невольно, положила руку на живот, под кремовым, тонким шелком платья. Маргарита настояла на фате:

– В сундуках столько кружев, тетя Роза, – рассмеялась девочка, – что еще моим внукам хватит. И потом, вы в первый раз венчаетесь, то есть под хупой стоите... – темные, пышные волосы Розы покрывал кусок антикварного, брюссельского кружева. Подходящих туфель не нашлось, она опустила глаза к своим пурпурным шпилькам:

– Как говорится, на свадьбе надо носить что-то одолженное, и что-то синее. Платье Маргарите вернется, она наследница де ла Марков... – в дворе залаял Гамен, Роза услышала звук автомобильного мотора. Маргарита поскакала по коридору барака. Прислонившись к стене, с самодельным флагом Израиля, Роза чиркнула спичкой:

– Флаг девчонки вышили, те, что у фрау Беатрисы жили. Она просила ее на свадьбу пригласить... – Роза, мимоходом, упомянула об этом будущему мужу, на прошлой неделе. Женихом Монаха она назвать не могла, как ни старалась. Гольдберг, как донесла ей Маргарита, иначе, как о невесте, о Розе и не отзывался.

– И дядя Эмиль краснеет, тетя Роза... – Маргарита улыбалась, – когда о вас говорит... – малышка прижалась теплой щечкой к ее плечу:

– Помните, как я вам гадала, тетя Роза... – девочка перебирала ее локоны, – ваша дочка мне будет, как сестра... – закурив, Роза не смогла сдержать улыбки. На ее рабочем столике, у швейной машинки, лежал новый блокнот. Маргарита передала его Розе с очередной, ласковой записочкой от Монаха:

– Тебе для мерок, моя дорогая Портниха. Обязательно прочти первую страницу... – на первой странице Монах, ученическим почерком, написал: «Эмиль любит Розу».

– И я ему блокнот передала... – Роза опустила веки, наслаждаясь рассеянным светом солнца, из-за новых, холщовых занавесок, – «Роза любит Эмиля». Смешно, я три года хотела это написать... – Гольдберг рассказал ей и об Элизе, и о Звезде:

– С Эстер все от одиночества случилось... – они медленно шли по утоптанной тропинке, ведущей на ферму Верне, – не так, как у тебя, с Авраамом... – Эмиль подмигнул ей:

– Видишь, как все вышло... – Роза поняла:

– Он скрывает что-то, я по глазам вижу. Ладно, после хупы он мне все расскажет. Он мне вообще все, всегда будет рассказывать. И я ему тоже, конечно... – взяв Гольдберга под руку, Роза прижалась к его уютному боку, в той же шинели:

– С Авраамом, как и с Джоном, все по делу произошло... – довольно сердито отозвалась Роза, – я могла бы и подождать, не так я была одинока. То есть я тогда думала, что не так. А потом тебя встретила... – в голубом, ярком небе, среди заснеженных веток, перекликались птицы. Белые хлопья посыпались на вязаную беретку Розы, Гольдберг поцеловал ее в теплый нос:

– Это я тебя встретил, и сразу сказал, что ты вызывающе одета. Той же ночью ты мне приснилась, и потом снилась... – он обнимал Розу, прижавшись щекой к ее щеке:

– Надо с ней о Польше поговорить. Она поймет, она меня отпустит. Останется здесь, с Маргаритой, а я поеду на восток и вернусь... – Гольдберг напомнил себе написать капитану Авербаху:

– Я ни польского языка, ни идиш не знаю. Мне там трудно придется. Авербах местный, он поможет... – от Розы пахло спокойной сладостью дома. Эмиль закрыл глаза:

– Буду возвращаться из больницы, обедать, играть с детьми, и сидеть с Розой у камина... – он слышал стрекот швейной машинки, младенческий лепет, на него повеяло ароматом горячего молока и свежих вафель:

– Девочки, – ласково подумал Гольдберг, – пусть будут девочки, красивые, как Роза... – у его уха раздался шепот:

– Милый, тебя пациент ждет... – Эмиль шел проведать новых хозяев фермы месье Верне и осмотреть их заболевшего ребенка.

– Мальчик простыл, ничего страшного... – Роза прислушалась к голосам во дворе, – а самогонный аппарат работает, ничего ему не сделалось. На обеде, кроме водки из Льежа, еще и самогон на столы поставят... – в дорогу шахтер и его жена налили в трофейную флягу Гольдберга грушевой, прозрачной водки:

– И пока мы все не допили, мы в Мон-Сен-Мартен не вернулись... – Роза томно улыбалась:

– Скорей бы брачная ночь. Мы три года ждали с Эмилем, и дождались... – Маргарита сунула голову в дверь:

– Тетя Роза, последний гость приехал. То есть ее привезли... – девушка ахнула: «Не может быть!»

Во дворе барака стоял виллис американской армии. Драматург, в форме полковника, с орденами, усмехнулся:

– Если бы ни мои навыки чтения карты, я бы ферму фрау Беатрисы не отыскал. Хотя твой будущий муж мне все подробно объяснил... – Роза, невольно, вытерла слезы с глаз:

– Линия фронта в рейх продвинулась, но все равно, такое опасно... – фрау Беатриса носила суконное, деревенское пальто и шерстяной платок. На сиденье виллиса стояла плетеная корзинка: – Яиц вам собрала, – захлопотала пожилая женщина, – коврижку домашнюю, к праздничному столу. Герр Теодор мою выпечку хвалил... – она кивнула на Драматурга. Фрау Беатриса, мимолетно, подумала:

– Женщина, что аусвайс оставила, герра полковника напоминала. И мальчишка у нее повадками такой, серьезный. Может быть, сказать ему? Но мало ли людей похожих... – она раскрыла объятья:

– Иди сюда, моя милая. Как и обещала, на свадьбе у тебя буду. Хоть посмотрю, как это у вас делают... – фрау Беатриса шепнула Розе:

– И с дочками вашими повожусь, обязательно... – на крыльце зазвенели детские голоса:

– Фрау Беатриса, милая... – девчонки, сироты, жившие на ферме, бросились к пожилой женщине. Роза оправила кружево на голове:

– Пора и на площадь, Эмиль с Меиром ждут, под хупой. Там раввин и еще тысяча человек, даже на крышах сидят... – Розе, вдруг, стало немного страшно: «Как все сложится...». Она, уверенно, вскинула голову: «Мы с Эмилем любим друг друга. Мы три года этого ждали. Мы будем счастливы...»

Драматург открыл дверцу виллиса:

– Прошу вас, мадемуазель Портниха... – Маргарита устроилась рядом с Розой, придерживая шелковый шлейф платья:

– Я тоже в нем обвенчаюсь... – Роза обняла ее:

– А к тебе зубная фея скоро придет, моя милая... – во рту Маргариты красовалась новая дырка:

– Дядя Эмиль меня под венец поведет, – сообщила девочка, – я выйду замуж за принца... – въехав на площадь, Федор едва ни выпустил руль:

– Здесь больше, чем тысяча человек... – дети забрались на крыши. Над городским садом, над синим бархатом хупы, пронеслось «Мазл тов!».

– Раввин Эйхорн неделю с ними слова разучивал... – смешливо подумал Меир, – а голос у него красивый, даже и не скажешь... – у невысокого капеллана оказался сильный баритон. Меир и капитан Хоффман подписали ктубу, как свидетели:

– Гольдберга, оказывается, Эммануилом зовут... – вспомнил Меир, – с нами Бог. Правильно, так оно и было, и будет... – он покосился на Эммануила, сына Ицхака. Роза вышла из машины, Маргарита подхватила шлейф:

– Он только на Розу смотрит, – понял Меир, – и она от него глаз не отводит. Так Ирена делала. Ирена, Ирена... – Рейзл, дочь Яакова, шла к свадебному балдахину. Темные локоны шевелил легкий ветерок, площадь, потрясенно, затихла. Над бархатом хупы щебетали птицы. Роза улыбалась, глядя на будущего мужа:

– Евреям вход запрещен... – вспомнил Меир табличку на ограде сада, – а теперь здесь хупу возвели. Они с Гольдбергом в городе останутся, вырастят детей и внуков. Наш народ не убить, никогда... – голос раввина взмыл в яркое, полуденное небо:

– Кто она, поднимающаяся из пустыни, несущая аромат мирра и фимиама... – на Меира повеяло запахом сладких пряностей. Монах сглотнул, как Роза взмахнула влажными ресницами. Всмотревшись в дорогу, ведущую на восток, к окраине городка, Меир не поверил своим глазам.

– Стойте! – крикнул полковник Горовиц: «Стойте!».

Ему снилась Эмма.

Горячие, распухшие от поцелуев, искусанные губы, приоткрылись, она помотала растрепанной, белокурой головой:

– Еще, милый, еще... – длинные ноги лежали у него на плечах, он целовал тонкую, горячую щиколотку:

– Я люблю тебя, люблю... – рассохшийся диван отчаянно скрипел. Она стонала, привлекая Джона к себе:

– Я не думала, что бывает так хорошо, милый... – Эмма едва сдержала крик. Джон уронил голову на ее мягкое, нежное плечо:

– Люблю тебя... – позевывая, укрывшись в его руках, она загибала пальцы:

– Январь, февраль, март, апрель... – Эмма рассмеялась:

– В сентябре. У тебя, то есть у нас в замке розы еще не отцветут. Буду сидеть с малышом в саду, слушать, как поют птицы... – Джон приник губами к стройной, влажной от пота шее:

– Ты вся сладкая, любовь моя, вся, до последнего уголка... – он зашептал:

– Погуляем в парке, среди золотой листвы. У нас живут ручные олени, и спаниели, со времен гражданской войны. Король скрывался в замке, и оставил пару собак. От них наша свора и пошла. На Рождество мы поставим елку, малышу три месяца исполнится... – Эмма счастливо закрыла глаза:

– Я сделаю коврижку, развесим игрушки, ты мне на гитаре сыграешь. Ваши песни, рождественские. И эту песню, о ярмарке... – Джон почувствовал во рту что-то сладкое, прохладное:

– Как будто она меня целует. Или это вода? Я так хочу пить... – Эмма часто дышала, от нее веяло жаром:

– Сейчас я воды принесу, милый... – заскрипели половицы, он потянулся вслед:

– Не уходи, пожалуйста... – в голове шумело. Джон, внезапно, почувствовал резкую боль в животе: – Как в Бирме, когда у меня дизентерия началась, в тюрьме... – он крутился, ощущая холод остывшей постели. В лицо бил ледяной ветер, лицо сек мелкий снег. Трещали дрова в костре, он услышал знакомый голос:

– Вокруг не джунгли, но воду тоже, надо, как следует кипятить. И вообще, хорошо, что мы взяли таблетки, для обеззараживания... – Джон удивился:

– Что здесь Меир делает? Его не было в нашей группе, с бельгийцами и французами... – по дороге на запад, к линии фронта, они нарвались на военный патруль. Джону, и еще нескольким ребятам удалось сбежать, но, из соображений безопасности, они разделились.

– Я шел один, проселочными дорогами, лесами... – он метался, пытаюсь справиться с болью, – тамошних жителей вермахт эвакуировал... – Джон взламывал запертые дома, ночуя в холодных, разоренных комнатах, не рискуя разжигать печь, или камин:

– Я растапливал снег на костре, кипятил воду. Я наткнулся на колодец, подумал, что вода безопасна... – он почти не помнил последние несколько дней. Он шел, шатаясь, не видя ничего перед собой:

– Словно в Тегеране, когда мне наркотики вкололи. Марта сказала, что фон Рабе меня похищал, с Вороновым. И Констанцу он похитил, из Норвегии. Или она у русских... – Джон приказал себе не забыть, что Воронов власовец:

– Мы считаем, что он разведчик, но мы неправы. Значит, Констанца в Германии, не в России. Немцы могут попытаться вывезти ее из страны. Марта говорила, о последнем плацдарме, в Южной Америке... – каждый раз, когда он думал об Эмме или Марте, Джон едва справлялся с болью в сердце:

– Я не смог их спасти. Генрих мне поручил их судьбу, поручил сына, а я не смог их спасти. Я должен вырвать Уильяма из России, обязательно... – выл зимний ветер, на горизонте вставали какие-то горы. Джон проваливался в снег:

– Тогда, в Тегеране, я тоже видел все это. Россия, очень похоже на Россию. Но почему Меир рядом... – ему, все время, слышался голос кузена. Джон подумал:

– Я помнил, что мне надо в Мон-Сен-Мартен. Интересно, где сейчас линия фронта, перешел ли я на сторону союзников... – голоса вокруг сливались в какое-то неразборчивое жужжание:

– Я упал на обочине, ко мне побежали... Кто побежал? – боль стала невыносимой, лицо пылало. Он скорчился на постели, хватая ртом воздух:

– Воды, еще воды... – Гольдберг, в белом халате, остановил руку капитана Хоффмана:

– Больше не надо, коллега. При дизентерии, конечно, надо бороться с обезвоживанием организма, но очень аккуратно... – он стер пот с разгоряченного лба Джона:

– У нас до войны бывали случаи, из-за старых колодцев. Городской водопровод обеззараживали, но до многих ферм трубы не протянули... – Эмиль напомнил себе, что надо внимательно следить за детьми:

– Подачу воды пока не восстановили. Люди к колодцам ходят, к Амелю. Надо пройти по баракам, поговорить с семьями. Дети ослаблены, после оккупации. Дизентерия для них особенно опасна. Надо у Хоффмана взять обеззараживающие таблетки... – капеллан сказал Гольдбергу, что хупа, стала самой быстрой на его памяти. Прямо из-под свадебного балдахина Эмиль пошел в больницу. Санитары капитана Хоффмана устроили Джона в отдельной, закрытой палате.

Одежду герцога Гольдберг приказал сжечь. Старые тряпки, испачканные испражнениями, кишели вшами:

– И по нему вши ползали... – Джона помыли, и выбрили грязную голову, – он из лагеря, что ли, бежал? Но номера на руке нет, и он не истощен. То есть он потерял вес, из-за дизентерии, но видно, что раньше он хорошо питался... – Хоффман боялся тифа. Палату заперли, завесив окна. Оба врача, тщательно, дезинфицировали руки.

Осмотрев герцога, Эмиль покачал головой:

– Сыпи нет, коллега. Полковник Горовиц сказал, что им делали прививки от брюшного тифа, перед миссией в Бирму... – вакцина от сыпного тифа пока была только экспериментальной:

– Как и вакцина от чумы, которой Кардозо занимался... – Гольдберг стряхнул градусник, – имею ли я право лишать человечество великого ученого... – Эмиль вздохнул:

– Он прекратил быть ученым и врачом, когда согласился сотрудничать с нацистами. Но могу ли я его судить, могу ли наказывать, единолично... – он вспомнил выстрелы

по машине покойного барона, спокойные глаза профессора Кардозо, в подвале замка. Эмиль разозлился:

– Могу и накажу. У меня рука не дрогнет. Он предатель, а от таких людей я сам Соппротивление избавлял... – в случае доказанного сотрудничества человека с немцами, Эмиль не останавливался перед казнью предателя, по приговору трибунала Соппротивления. В случае профессора Кардозо, он не хотел устраивать суд:

– Во-первых, он может быть мертв... – Гольдберг задумался:

– А Монахиня? Она выдала рандеву, в форте де Жу. Погибли невинные люди, партизаны... – Эмиль напомнил себе, что Монахиню пытали:

– Кардозо никто не пытал. Он сам прибежал к немцам, лизать им задницу. Не нужны никакие трибуналы. Семейное дело, Меир сам так сказал... – Гольдберг откашлялся:

– От сыпного тифа их не вакцинировали, но клиническая картина не совпадает. Как я говорил, нет сыпи, и температура, для тифа, недостаточно высока... – термометр показывал чуть меньше тридцати девяти градусов.

Хоффман кивнул:

– Верно. При тифе она за сто зашкаливает... – Гольдберг усмехнулся:

– Ваша шкала Фаренгейта... В общем, – он внес измерения в карту больного, – покой, жаропонижающие, антибактериальные средства, и он пойдет на поправку... – они с Хоффманом согласились, что у герцога воспаление легких. Гольдберг смотрел на измученное, похуевшее лицо:

– Бедняга. Он, скорее всего, после провала заговора в подполье ушел, скрывался. Надо Розе сказать, что все в порядке, она волнуется... – Эмиль не чувствовал никакой ревности:

– Что было, то прошло. Роза знает, что я с Эстер встречался, и я о Розе все знаю. Все в прошлом, теперь есть только я и она... – Хоффман коснулся его плеча:

– Вы идите, коллега. Вам прямо из-под хупы пришлось к постели пациента отправляться... – из окна палаты виднелось здание мэрии. Большой зал, где накрыли обед, освещался тусклым светом, от армейских генераторов. В саду горели сделанные шахтерами факелы, дети носились по площади, перебрасываясь снежками. Эмиль посмотрел на часы:

– Так оно всегда и бывает, коллега. Я вас сменю... – Гольдберг хотел сказать: «Завтра». Он вспомнил пухлые губы, цвета спелых ягод, высокую грудь, под тонким шелком платья, длинные ноги, уверенно ступающие по снегу:

– Через... через три дня... – Эмиль смутился, – но я постараюсь... – он занял себя тем, что начал снимать халат.

Хоффман улыбался:

– Вообще в Торе сказано, что вам сейчас год нельзя работать, коллега. Знаете, шахтеры мне говорили... – он подмигнул Гольдбергу, – что вам осенью второй врач понадобится. Они обещают, что родильное отделение будет переполнено... – Эмиль подумал:

– Осенью. Здесь красиво в это время, в горах. Будем с Розой гулять, ей полезно дышать свежим воздухом. Все хорошо пройдет, обязательно... – вслух, он сварливо сказал:

– Найду кого-нибудь, из тех, кто в Соппротивлении воевал. Студенты новые еще не скоро дипломы получают. Немцы университеты закрыли, при оккупации... – Гольдберг шел по коридору, представляя себе девочек, темноволосых и темноглазых:

– Они на Розу будут похожи, – Эмиль даже остановился, – надеюсь, что не на меня, с моим носом и очками. У Маргариты отличное зрение, а она три года под землей просидела. Все-таки витамины помогают. Статью, что ли, потом написать... – он толкнул дверь приемного покоя. Полковник Горовиц и Драматург курили, рассматривая армейскую карту, крупного масштаба.

– Здесь больница, – скрипуче сообщил главный врач, – здесь не курят... – Меир помялся:

– Эмиль, когда мы с ним сможем встретиться? Он вообще... – полковник помолчал, – выживет... – Гольдберг вскинул бровь:

– У него воспаление легких и дизентерия. Ничего страшного, дня через три он очнется... – Монах вынул карту из рук Драматурга, – и все вам расскажет. Пойдемте, – он кивнул на дверь, – я еще жену не видел, после свадьбы... – взяв с крючка шинель, Гольдберг спустился с крыльца. Меир тихо сказал Теодору:

– Джон мог видеть Питера, за линией фронта... – Федор только кивнул:

– И мою дочь, – подумал он, – Джон может знать, что с Мартой случилось... – полуоткрытая дверь заскрипела, по ногам пробежал холодный ветер. Федор поежился:

– Может быть, Марта жива, просто в лагере. Надо дождаться, пока Джон в себя придет... – на небе высыпали яркие, зимние звезды. В стороне Германии, поднималась ясная луна. Федор взглянул на белое сияние снега, на языки пламени, над факелами:

– Правильно Анна мне сказала, нельзя преждевременно людей хоронить. Мы найдем и Марту, и ребенка, обязательно... – с востока задул резкий вихрь, в лицо ударила метель. Запахнув шинель, Федор поспешил к мэрии.

Во дворе маленькой сторожки сне давно замел следы трофейных, немецких сапог, и деревенских, на низком каблуке, ботинок. Позднее утро, почти день, выдался ясным. Птицы перепархивали в ветвях сосен, снежинки сыпались на почти незаметную тропинку. Сторожку в прошлом веке возвел покойный отец умершего фермера, месье Верне. Старик посмеивался:

– Здесь полчаса до большого дома. Папаша в сторожке пьяным ночевал, когда из Мон-Сен-Мартена приходил. Матушка моя была с тяжелой рукой, баловства не любила... – трубу чугунной печурки вывели в плотно забитое ставнями окно. Легкий дымок вился над крышей, уходя в солнечное, синее небо. Дверь приоткрылась, Роза пошатнулась, держась за косяк:

– Голова кружится... – она поймала себя на улыбке, – я сейчас, кажется, даже шага сделать не смогу. Но надо дойти до фермы, мы за два дня все съели, что с обеда принесли... – в сторожке было жарко натоплено, на набитом сеном матрасе лежало трофейное, толстое немецкое одеяло: – Я здесь ночевал, в партизанах... – Роза, блаженно улыбаясь, слышала его шепот, – ночевал, и думал о тебе... – не выдержав, она вернулась к топчану. Гольдберг спал, уткнув голову в подушку, с чистой, холщовой наволочкой. Роза, едва дыша, осторожно, коснулась губами седоватого виска. В печурке весело горели сосновые ветки. На бревенчатой стене, на вбитых крюках, висели старые сковороды, и медный кофейник:

– Курицу съели, – Роза целовала его отросшие, вьющиеся волосы, – яйца вареные съели, хлеб съели, коврижку от фрау Беатрисы съели. Один кофе остался и папиросы... – пенсне Гольдберга, в аккуратной, жестяной коробочке, лежало на верстаке покойного месье Верне. Роза вдыхала запах сухого, ароматного сена, крепкого кофе, и табака:

– От него всегда так пахнет. Как будто по лесу идешь, осенью... – отвернув одеяло, она поцеловала крепкое плечо, со шрамом от ранения:

– У него много шрамов. На спине, от расстрела Мон-Сен-Мартена, этот, на плече, на руке... Пусть спит, – одернула себя Роза, – он говорил, что мечтает отоспаться, за все годы оккупации. Тем более, ему завтра в больницу возвращаться, доктора Хоффмана сменять... – Роза сказала мужу, что сама будет ухаживать за Джоном:

– Санитары пусть армейскими больными занимаются, а медсестер у вас нет пока. После занятий стану приходиться... – Роза вела в школе уроки шитья, для девочек. В старинном подсвечнике трепетал огонек свечи, за ставнями выл ветер. Гольдберг перебирал пышные, теплые локоны, спускающиеся ниже тонкой талии, туда, где все было круглым и мягким, жарким, таким близким:

– Приходи, конечно... – он привлек ее к себе, правой рукой, – к осени, когда я из Польши вернусь, я и второго врача подберу, и медсестер найдем. Я сейчас тоже занят

буду, на шахтах работа началась... – муж признался Розе, зачем хочет поехать в Польшу. Она кивнула:

– Ты прав, Маргарита должна услышать, что с ее отцом случилось. И надо помочь Эстер найти ее мальчиков, они братья Маргарите... – Гольдберг хотел дождаться появления на западном фронте капитана Самуила Авербаха:

– Меир ему даст наш адрес... – Роза почувствовала его длинные пальцы, – спишусь с ним, и обо всем договоримся. Думаю, к маю война закончится, и можно будет в Польшу отправиться. К осени я все сделаю... – муж больше ничего не говорил, но по упрямому выражению в его темных глазах, Роза поняла, что Кардозо, если он выжил, останется в Польше:

– Трупом, – подумала она, – Монах никогда не колебался, если надо было коллаборационистов казнить. Кардозо его предал. Но Маргарита и мальчики о таком, конечно, знать не должны... – она шепнула Гольдбергу:

– Это новое упражнение, для восстановления подвижности руки... – Роза скомкала в кулаке край подушки, – у тебя очень хорошо получается... – в полутьме она увидела его улыбку:

– Я все три года представлял себе, как им займусь. А осенью я займусь приемом беременных женщин и родами... – Роза тихо сказала ему что-то на ухо. Гольдберг кивнул:

– И тобой тоже, любовь моя. Ты не беспокойся, – ласково шептал он, – я не только раны зашивать умею. Я много родов принял, все будет хорошо. Осенью увидим нашу девочку, Аннет, или Надин... – Роза призналась ему, как хочет назвать дочек. Эмиль обнял ее:

– Имена хорошие. И вообще, все всегда будет так, как ты решишь, любовь моя... – Роза, на мгновение, отстранилась: «Тогда я поеду с тобой в Польшу, Эмиль».

– Он, конечно, пытался сопротивляться, но я его переупрямила... – Розе, отчаянно, захотелось скинуть простое, шерстяное платье, снять чулки и вернуться обратно под одеяло:

– Сказала, что я не могу, в моем будущем состоянии... – она легонько улыбнулась, – сидеть здесь и за него волноваться. Польшу очистят от немцев, поездка безопасна. Там русские, но мы с ними союзники. А за Маргаритой присмотрят... – Гольдберг, не открывая глаз, пошевелился:

– Холодно, – пробурчал Эмиль, – зима на дворе, а ты меня морозишь. Между прочим... – перевернувшись, он ловко поймал Розу за руку, – шахтеры, на обеде, мне говорили, что я счастливый человек. Хозяйка у вас славная, месье Эмиль... – услышав его местный акцент, Роза рассмеялась:

– Так оно и есть, месье Эмиль. Повезло вам... – Гольдберг притянул ее к себе:

– Я знаю, и всегда буду Бога благодарить, или судьбу, или еще что-то, за тебя, Роза... – его рука поползла под платье, под чулок. Роза запротестовала:

– Я хотела на ферму Верне сходить, яиц принести, хлеба, накормить тебя... – Гольдберг расстегивал пуговицы на ее платье:

– Видишь, и без очков справляюсь, – в его голосе слышался смех, – что мне надо, я увижу... – ему надо было увидеть высокую грудь, обнять горячие, нежные плечи, вдохнуть запах сладких пряностей и дыма, от печурки:

– Я проголодался... – задыхаясь, сказал Эмиль, – я два часа спал, и проголодался. Или час. Не помню. Слишком много. Иди, иди ко мне, Роза... – она вернулась на крыльцо, когда солнце почти закатилось за вершину Ботранжа. Роза быстро шла по тропинке, проваливаясь в снег:

– Я совсем, совсем не могу с ним расстаться, никогда. Осенью я ему девочку рожу, потом опять девочку... – она рассмеялась, – и еще девочку. И мальчика. И опять девочку... – стянув беретку, она подбросила ее вверх. Снег падал на темные локоны, Роза кружилась на тропинке, напевая что-то себе под нос. Она танцевала, раскинув руки, широко улыбаясь, вокруг звучала музыка:

– Я не знала, что бывает такое счастье... – Роза замерла:

– Мы всегда, всегда останемся вместе. Состаримся здесь, в Мон-Сен-Мартене, внуков будем пестовать. Эмиль Маргариту под венец поведет. У нее тоже дети родятся... – спохватившись, подняв беретку, она заторопилась дальше.

Во дворе фермы квохтали куры. Роза, осторожно, постучала в дверь. Жена шахтера, в переднике, выглянула наружу:

– К супу, дорогая моя, – сообщила женщина, – горшок только занеси, как обратно в поселок пойдете... – щеки Розы раздумянились, она часто дышала. От глиняного горшка пахло вареной курицей, Роза приняла мешок со свежим хлебом и яйцами. Фермерша отряхнула руки: «Вся сияешь. А ты и правда, портниха, что ли?»

Роза, мимолетно, вспомнила полеты на Лазурный Берег, стол для бриджа, на семейной вилле Тетанже, устрицы, на серебряных тарелках, обеды в «Рице», и пармские фиалки:

– Портниха, – кивнула она. Женщина обрадовалась:

– Это хорошо. До войны, чтобы платье для церкви сшить, надо было в Льеж отправляться. Знаешь ли, за каждым платьем не наездишься. Теперь своя мастерица есть... – она, зорко, оглядела Розу:

– Свадьбы у вас красивые. Повезло тебе, с месье Эмилем, вот что я скажу. За него любая девушка с закрытыми глазами пойдет, и никогда не пожалеет. Повезло, – подытожила женщина.

– Я знаю, – тихо сказала Роза, прижимая к себе горшок, – я знаю.

В вечернем, морозном небе, среди слабых звезд, парил сокол. Птица, раскинув крылья, полетела куда-то на восток. Проследив за ним глазами, попрощавшись с хозяйкой, Роза побежала обратно в сторожку.

Ложка зазвенела о фарфоровую миску. На Джона повеяло запахом детства, свежей кашей, куриным бульоном. Он услышал голос няни:

– Ложечку за маму, ложечку за папу, ложечку за кузена Питера... – Джон улыбнулся:

– Два года нам с Питером исполнилось. Папа с фронта приехал, его газами отравило. Он в госпитале лежал, мама с ним оставалась. В следующем году Тони родилась. Ворон тогда из Гималаев вернулся, я помню... – на лето детей отвезли в Банбери:

– Питер хорошо ел, даже слишком... – Джон лежал с закрытыми глазами, – он всегда по карманам печенье рассовывал. Я сахар забирал, для пони... – Питера и Джона еще не сажали на пони, но няня водила их на конюшню:

– Стивен с Лаурой занимались, с берейтором, – вспомнил Джон, – мы с Питером им очень завидовали... – кузина, в маленьком, бархатном платице, для верховой езды, в беретке на темных волосах, свысока смотрела на Джона, проезжая мимо мальчика. Пони ступали по выложенной камнем тропинке, в парке, сзади крутились спаниели:

– Лаура хорошо в седле держалась, не боялась лошадей. Тони тоже, едва на ноги встав, на конюшню побежала. А Констанца с книжкой сидела, в уголке... – в детстве Джон всегда знал, где можно найти кухню. Констанца выбирала большое, просторное кресло, в библиотеке. Девочка сосредоточенно склонялась над старыми книгами, с экслибрисом: «Леди Люси Холланд, ее светлость герцогиня Экзетер». На пожелтевших страницах стояли автографы мадам Кюри, русского ученого, мистера Менделеева, первого лауреата Нобелевской премии по физике, профессора Рентгена. Заслышав шаги, Констанца поднимала коротко стриженую, рыжую голову. Глаза цвета жженого сахара серьезно смотрели на Джона:

– Если бы бабушка Люси ни умерла, она бы получила Нобелевскую премию, – кузина закрывала книгу, – я тоже ее добьюсь... – мадам Кюри выдвинули на награду в области химии за два месяца до смерти герцогини:

– Бабушка Люси быстро угасала, – подумал Джон, – бабушка Марта ей даже не стала говорить, что с тетей Джоанной случилось. Потом бабушка Люси умерла, Ворон и тетя Джоанна обвенчались, и ее в Шотландию отправили. Родился Стивен, Ворон опять в Арктику собрался. Потом он в Непал уехал. Тесса сейчас в Непале... – Джон понял, что с лета ничего не знает о семье:

– Стивен и Лиза были на Корсике, Меир с Питером воевали, в Нормандии. Париж еще не освободили. Мы не знали, где Лаура... – Джон вздохнул:

– Лаура мертва, и Эмма с Мартой тоже. Максимилиан, наверняка, явился во Франкфурт, забрал малыша. И я даже не знаю, что с Эстер, жива ли она... – кроме бульона, он ощутил аромат дезинфекции и лекарств:

– Я слышал голос Меира, но кузен мне мог привидеться, – напомнил себе Джон, – я не знаю, перешел ли я линию фронта. Я могу оказаться в немецком госпитале... – живот почти не болел, но он чувствовал слабость. Чья-то рука вытерла ему лоб, к губам прикоснулась ложка. Знакомый, красивый женский голос, весело сказал:

– Видите, мистер Джон, теперь я вас в больнице навещаю... – герцог, осторожно, открыл глаза. Она сидела рядом с госпитальной койкой, в простом платье, серой шерсти, и холщовом переднике. Темные кудри прикрывала косынка, пухлые губы, цвета спелых ягод, улыбались. На стройных коленях Портнихи красовалась фаянсовая миска с бульоном и сухарями из белого, армейского хлеба. Герцогу принесли и овсянку, тоже из рациона войск США. Эмиль строго велел жене не перекармливать больного:

– Он похудел... – Монах открыл дверь перед Розой, – ты, конечно, захочешь дать ему больше бульона, но такое может быть опасно... – Роза смотрела на измученное, побледневшее лицо:

– Температура у него спала, – услышала она шепот мужа, – лекарства у американцев хорошие... – тыловой госпиталь снимался с места, присоединяясь к наступлению танковой армии Паттона. Капитан Хоффман обещал снабдить рудничную больницу медикаментами. Гольдберг записал себе в блокнот, что надо сходить в управление шахт:

– Пока Маргарите опекуна назначат, пока он в делах разберется, время пройдет. Надо самому всем заняться, чтобы у человека, хотя бы, имелось представление о том, что на производстве происходит. Надо съездить в Брюссель, скоро появится временное правительство, проведут парламентские выборы. Надо встретиться с людьми, отвечающими за промышленность, рассказать о положении, в Мон-Сен-Мартене... – по словам инженеров, положение, в общем, могло быть и хуже. Немцы, при отступлении, почти ничего не разрушили, и не подорвали, но техника на шахтах и заводе, за почти пять лет оккупации, износилась и устарела. Надо было ставить новые подъемники, оборудовать новые комнаты отдыха, покупать новые автобусы, для доставки рабочих на сталелитейный завод, и вообще, как, со вздохом думал Гольдберг, приводить округу в порядок.

– Ветку на Льеж восстановить, – усмехнулся он, – и узкоколейку, которая через плато на юг идет... – железная дорога начиналась в Аахене. Эмиль предполагал, что Германией, какое-то время, будет управлять оккупационная администрация союзников:

– Ладно, – он, аккуратно, заносил все себе в блокнот, – об этом осенью можно позаботиться. Съездить в Аахен, встретиться с американцами, или кому западная часть Германии отойдет... – думая об осени, Эмиль не мог согнать с лица улыбку. После освобождения Мон-Сен-Мартена, Гольдберг, сначала, спал в пустующей палате больницы. Вернувшись из сторожки, после отпуска, как весело называла его Роза, жена немедленно перенесла его немногие вещи в барак, в свою комнату. За несколько дней Эмиль привык к лаю Гамена, по утрам, к топоту детских ног по коридору, к плеску ручной мойки, и запаху омлета, на американском яичном порошке. Сирот поставили на довольствие армейской кухни, но Роза готовила детям сама:

– И мне она сама готовит... – по выходным Роза приносила ему завтрак в постель. В дни работы школы, Эмиль поднимался с женой, помогая ей на кухне барака. К зданию пристроили отдельную комнату, для столовой. Он оглядывал ребятишек, многих из которых Монах знал в лицо:

– Они все родителей ждут, с востока. Вернется ли, кто-нибудь... – Эмиль находил глазами черноволосую, кудрявую голову Маргариты:

– А если Кардозо выжил? Имею ли я право лишать Маргариту отца? Он был плохим мужем, но хорошим отцом. Элиза тоже так говорила... – Эмиль посоветовался с женой. Роза дернула гладкой, белоснежной щекой:

– Милый мой, ты слышал. Маргарита наследница крупнейших заводов Бельгии. Если он... – жена запнулась, – Кардозо, в живых остался, то ни о каком опекуне речь не пойдет. Он сюда вернется, и приберет все к рукам, до совершеннолетия Маргариты... – Эмиль считал Мон-Сен-Мартен своим домом, и такого бы никогда не позволил.

Дети галдели. Роза, с дежурными по кухне, разносила на подносах свежий хлеб, с кубиками маргарина, армейское какао, с порошковым молоком, и порции каши, в алюминиевых мисках. Мальчики и девочки бегали в поселковую школу, раввин приходил заниматься с ними Торой и еврейской историей, Роза пела детям песни на иврите, обучала их языку, и рассказывала об Израиле:

– И наших девчонок мы свозим в Израиль, непременно, – сказал ей Эмиль, – погостим у старых друзей, в кибуце... – он подмигнул Розе. Маргарита тоже собиралась в страну:

– Во-первых, – рассудительно сказала девочка, – мои братья будут там жить... – Гольдберг, внезапно, подумал:

– А если мальчишек нет в монастыре? Если Максимилиан их нашел, или если их отправили в рейх, на усыновление? Они помнят, кто они такие, но как их искать? Требниц еще не освобожден, и Эстер может не знать, что они в Требнице... – оставалось только самому отправиться в Польшу:

– И, может быть, отец Виллем жив... – задумался Гольдберг, – сана он не снимет, но он дядя Маргариты, ближайший родственник... – кроме встречи с братьями, девочка намеревалась помолиться во всех церквях:

– За души моих предков, – тихо сказала Маргарита, – и за мою мамочку. Когда почта начнет работать, я напишу его святейшеству, в Ватикан, дядя Эмиль. Нам храм надо восстанавливать, надо постоянного священника... – Гольдберг обещал девочке поговорить с главой католической церкви в Бельгии:

– Может быть, если Виллем выжил, он в поселок вернется, к своему месту служения... – надеялся Эмиль:

– И вообще, к осени надо мэра выбрать, городской совет... – у него в блокноте имелся десяток страниц с заданиями для будущего мэра. Он, исподтишка, незаметно для детей, любовался стройными ногами Розы, под простым платьем:

– К осени сироты либо с родителями встретятся, либо в Израиль уедут. Начнем поселок отстраивать, переселимся с Розой в домик, из барака... – он думал о ребенке, которого они с Розой ожидали увидеть осенью:

– Если мальчик родится, то пригласим раввина из Брюсселя. Или, может быть, в Льеже раввин появится. А если девочка, я сам туда съезжу, на службу, дадим ей имя... – Роза смеялась, целуя его висок:

– Потерпи, мой милый. Неделя со свадьбы прошла, – жена разводила руками, – надо подождать немного... – выйдя из палаты герцога, Эмиль велел полковнику Горовицу и Теодору тоже подождать.

– Роза его накормит, и можете заходить... – он оглядел приемный покой, – и не курите здесь больше, это медицинское учреждение... – посмотрев на часы, Эмиль добавил:

– До моего приема десять минут. Пойдемте, кофе вас напою, и покурим, на улице... – из его кабинета вела во двор отдельная дверь.

Меир взглянул на двери палаты, проходя мимо: «Как он?». Эмиль отозвался:

– Неплохо. Температура не такая высокая, дизентерия идет на спад. Через неделю он встанет с кровати... – Роза, устроив Джона удобнее, кормила его бульоном:

– Потом немного каши, и крепкий чай... – она вытерла ему рот салфеткой, – а к тебе посетители придут. Меир здесь, он временный комендант города, в чине полковника. Драматург с ним, он саперами командует, тоже полковник. Они тебе все расскажут... – Джон откашлялся:

– Я все-таки дошел до Мон-Сен-Мартена. Я рад, что с тобой все в порядке, Роза. То есть мадемуазель Левина... – она убрала миску. На длинном пальце блестело золотое, обручальное кольцо.

– Мадам Гольдберг, мистер Джон... – темные глаза ласково засияли, – неделю, как мадам Гольдберг. Эмиль твой лечащий врач, он тебя тоже навестит... – Роза будто вся светилась:

– И ее я тоже потерял... – горько подумал Джон, – впрочем, она меня никогда не любила... – отпив из поильника чая, он устало закрыл глаза: «Поздравляю, Роза».

Семейный пистолет Кроу придавливал армейскую, крупного масштаба карту. По территории Германии пролегла карандашная дорожка. Джон забыл, каким дотошным и настойчивым может быть старший агент Секретной Службы США, а ныне начальник контрразведки танковой армии генерала Паттона, полковник, и кавалер Медали Почета, Меир Горовиц. Серо-синие глаза кузена, за простым пенсне, внимательно, пристально разглядывали Джона:

– Значит, в Рётген ты не заходил... – остро отточенный кончик карандаша уперся в точку на карте. Джон вздохнул:

– Третий раз повторяю, или даже пятый. Не заходил, Меир... – герцог понимал, что кузен всего лишь следует протоколу, однако допрос напомнил ему о бесконечных беседах с представителями его собственного ведомства, после похищения Джона в Тегеране. На темных висках кузена сверкала седина:

– Он отца потерял, – Джон облизал губы, – при немецком прорыве, в Мальмеди. Дядю Хаима тоже Медалью Почета наградили... – герцог услышал и о пропаже майора Питера Кроу, в Рётгене, и о свадьбе Эстер и Авраама, в восставшей Варшаве:

– Циона с ними, – добавил Меир, – то есть графиня Сечени... – в голосе кузена звучал яд. Джон отозвался:

– Я понятия не имел о ее подлоге. Девочка хотела, как лучше. Нельзя ее обвинять, что в шестнадцать лет, у нее дрогнула рука... – по словам Меира, Циону кто-то вывез из Будапешта и доставил в Польшу.

– Понятия не имею, кто, – коротко сказал кузен, – однако она отыскала отряд Эстер, и сейчас при ней и Аврааме. То есть, все это в декабре было... – Джон узнал о единственном звонке, сделанном Эстер с захваченной базы вермахта, в горах на границе Польши и Словакии:

– Не знаю, успел ли папа с ней поговорить, – горько сказал кузен, – успела ли она услышать, где дети... – на кровати лежала свежая сводка. На прошлой неделе русские освободили Варшаву и Краков. Сегодня, двадцать третьего января, временное правительство Венгрии подписало перемирие с союзниками:

– В Будапеште продолжаются уличные бои, – объяснил Меир, – но правительство сидит в Дебрецене, под крылом маршала Малиновского... – потянувшись за солдатскими папиросами кузена, Джон усмехнулся:

– Венгрия и Польша после войны станут советскими, к гадалке не ходи. А еще Румыния, Словакия, Чехия, и часть Германии... – Меир оглянулся на дверь:

– Главный врач запрещает курить в больнице.

– С главным врачом я сам поговорю, если ты Гольдберга имеешь в виду... – кисло заметил Джон. Герцог, все равно, поймал себя на ревности:

– Оставь, оставь. Пусть Роза будет счастлива, и Эстер тоже. Пусть она найдет мальчиков, уедет в Израиль, с Авраамом. То есть Израиля еще нет... – Джон подумал, что и Гольдберг с Розой могут отправиться в Палестину:

– Монах человек решительный, я нашим тамошним деятелям не позавидую. Не говоря о Розе. В форте де Жу они в одиночку батальон СС положили. И Меир может к ним присоединиться, частным образом, так сказать. Не афишируя своего пребывания в стране... – кузен ни о чем таком не упоминал, но Джон хмыкнул:

– Не сомневаюсь, что Авраам и Звезда, буде выживут, потащат за собой в Палестину целый поезд с евреями. Еще и Авербах в Польшу собирается, семью искать... – вслух, он добавил:

– Например, Восточная Пруссия, откуда вермахт срочно эвакуирует войска и гражданское население. В Ялте, на конференции, Сталин заберет себе эту часть рейха, и будет претендовать на что-то еще... – встреча тройки, о которой ему сказал Меир, начиналась в следующем месяце.

– В общем, – попытожил Джон, – в Рётген я не заходил, и Питера не видел. Но я могу тебе сказать, откуда там появился пистолет Кроу... – Меир, внимательно, слушал:

– Значит, Воронов не имеет никакого отношения к советской разведке, а Марта, не жена Максимилиана... – Джон покачал головой:

– Нет. Я в Берлине обо всем узнал. Мы с Эммой фон Рабе познакомились... – он заставил себя не краснеть, не отводит глаз от спокойного лица кузена, – а потом во Франкфурте столкнулись, в госпитале, когда меня на излечение привезли... – Меир погрыз ручку:

– Это понятно. То есть Эмму арестовали, ты не дождался Марты, и покинул город... – полковник Горовиц вспомнил:

– Роза и Монах то же самое говорили, о Воронове. Надо было нам их послушать, не настаивать на своем. Мы с Вороновым никогда не сталкивались, если не считать Джона. И то, он его под наркотиками видел, и в форте де Жу, издалека... – Меир рассказал кузену о пропаже Мишеля, за линией фронта, в Италии.

– Я с Максимом встретился, о котором ты говорил, – заметил полковник Горовиц, – он забрал Мишеля в Милан, проверить состояние «Тайной вечери». То есть отправиться в рейх... – Джон, все же, покраснел:

– Он поехал искать Лауру, как и должен был поступить. Он поехал, а я бежал, как трус, оставил Эмму одну... – Меир добавил:

– Дядя Джованни и миссис Клара счастливого события ждут, весной. Знаешь... – он отпил кофе, – тебя мы похоронили поспешно, но что-то мне подсказывает, Мишель из рейха не вернется. А Лауру расстреляли давно... – Джон не хотел думать о таком. Вместо этого он взялся за карандаш:

– Вот и все, что я помню, Меир. Здесь мы патруль военный встретили, разбежались... – он указал на западную дорогу, ведущую к бельгийской границе, – а потом я простыл, началась дизентерия... – потушив окурок, Джон, устало, замолчал. Красная Армия стояла на пороге освобождения Аушвица:

– Максим был, в Аушвице... – Джон подавил желание закрыть глаза, – и посланец от местного Сопротивления был. Они говорили, предупреждали, что немцы делают с евреями. И я предлагал бомбить лагеря. Нам никогда не простят бездействия. Давид в Аушвице

погиб, наверняка. Или он мог пойти на сотрудничество с немцами... – когда Джон завел речь о профессоре Кардозо, Меир хмыкнул:

– Посмотрим, что случится, но, я думаю, Давид мертв... – полковник Горовиц не хотел делиться с кузеном планами Гольдберга:

– Семейное дело, – угрюмо думал Меир, – Джон семья, однако у него есть обязанности перед государством. И у меня они есть. Я ничего, никому не скажу, как и Теодор, а Джон может сообщить начальству о намерениях Монаха. Не надо, чтобы вести о таком до Москвы дошли. Эстер, наверняка, с русскими воевала, а Монах к ней поедет... – Меир не хотел подвергать сестру еще большей опасности:

– Выбраться бы ей оттуда, окольными путями... – он рассматривал карту, – а как? Братислава еще не освобождена, в Австрии немцы, в Северной Италии тоже. Да и не поедет она никуда, пока мальчиков не отыщет... – сестра, как и все командиры отрядов Армии Крайовой, рисковала арестом и возможным расстрелом, от рук НКВД.

– То есть СМЕРШ, так они военную контрразведку называют, – вспомнил Меир. Джон считал, что в Рётгене Питер увидел Марту, дочь миссис Анны:

– Она спаслась от ареста, и шла к линии фронта, с ребенком, – уверенно сказал Джон, – а пистолет она мне еще в Берлине показывала... – дверь толкнули, Меир обернулся: «Ну что?».

Кузен Теодор бросил на тумбочку аусвайс, со свастикой и прусским орлом:

– Выдан во Франкфурте, некоей фрау Циль... – Джон смотрел на строгое, худое лицо женщины:

– Жена их старшего по подъезду, Эмма мне говорила... – Федор прислонился к стене:

– Я все выяснил, поговорил с фрау Беатрисой. Аусвайс оставила на ферме неизвестная женщина, рыжеволосая, с маленьким ребенком. Мальчиком, – добавил он, дернув щекой. Федор старался не думать, что дочь и внук были в каких-то тридцати километрах от Мон-Сен-Мартена:

– Теодор-Генрих, Теодор-Генрих, – билось у него в голове, – два года ему сейчас, с небольшим. То есть Марта его Адольфом называла, для вида. Где он, что с малышом, что с нашей девочкой... – сердце заболело, он поморщился:

– Надо Анне написать, немедленно. Мальчишкам... – так Федор называл кузенов, – я, конечно, ничего говорить не стану, да мне и нельзя, по соображениям безопасности... – оставалось непонятным, выжила ли дочь с внуком в атаке на Рётген.

Меир помолчал:

– Я прикажу проверить данные о раненых, из местного населения. На всякий случай... – он повертел пистолет:

– Но где сейчас кавалер Креста Виктории, майор Кроу, и жив ли он вообще... – Федор помахал рукой, разгоняя дым:

– Вы бы здесь не курили, вот что. Главный врач сейчас появится, Джон... – он окинул кузена долгим взглядом, – Монах сказал, что у него есть приватный разговор... – прошагав к окну, Федор настежь распахнул форточку, впустив в палату свежий, морозный воздух.

Самодельный конверт, из бумаги в косую линейку, аккуратно склеили, надписав четким, изысканным почерком: «Мадемуазель Маргарите Мендес де Кардозо, в собственные руки». Легкий ветер шевелил занавеску, со двора доносился голос капитана Хоффмана:

– Госпиталь грузится... – Джон пока не трогал конверт, – идет вперед, на восток. Мне тоже надо в штаб Монти позвонить... – командующий сухопутными силами союзников, фельдмаршал Бернард Монтгомери, с штабом, расположился в освобожденном Аахене. Впереди армию ждала переправа через Рейн. Джон решил не возвращаться в Британию:

– Свяжусь с Блетчли-парком и все объясню, – разозлился он, – Меир тоже из работника секретной службы стал военным разведчиком... – Джону не хотелось заниматься бумажной работой:

– Читать бесконечные протоколы наблюдателей на встрече тройки, решать, как после войны разделить промышленный потенциал Германии. Пусть Мэтью таким заведует, у него хорошо получается на заседаниях выступать... – в начале войны и на североафриканском театре Джон служил в танковых войсках, но хорошо знал Монти, старого приятеля покойного отца:

– Попрошусь к «Фантомам». Меир сказал, что капитана Авербаха туда переводят, из воздушного десанта... – «Фантомами» называли летучие группы разведчиков. Они добывали информацию о положении за линией фронта и занимались связью между подразделениями союзников:

– Если мне прикажут вернуться в Британию, – мрачно подумал Джон, – я сделаю вид, что не дослышал, по телефону. И письменного распоряжения не получал... – он не мог покинуть Германию, не узнав, что случилось с Эммой.

– Мишель поступил, так, как должно, – сказал себе герцог, – он жизнью рискует, ради любимой женщины. Эмма с Мартой под чужой фамилией жили. Может быть, при аресте не разобрались, кто Эмма такая, на самом деле. Может быть, ее отправили в тюрьму, или в лагерь. В Равенсбрюке держат женщин. Эмма арийка, по документам. Она совершила уголовное преступление, укрывала шпиона. Она, конечно, скажет на допросе, что ничего не знала, сделает вид, что просто меня приютила. Я доберусь и до Франкфурта, и до Равенсбрюка, обещаю. Я найду Эмму... – в палате царило молчание. Гольдберг, зачем-то, снял и надел очки:

– Конверт мне Максим передал, в форте де Жу, когда мы с вами встретились... – церемонно сказал главный врач. Он говорил о партизанской акции тоном человека, обсуждающего светский раут:

– Я, как вы понимаете, не мог его открывать. Он предназначен для Маргариты... – Гольдберг повертел конверт:

– Это не клей. То есть клейстер, из пшеничной муки. В лагере обычного клея нет... – Джон, внезапно, подумал:

– Максим, должно быть, знал, что случилось с Виллемом. Авраам тоже был в Аушвице, но бежал, как и Максим... – он помнил упрямые, голубые глаза Волка:

– Даже если знал, то видно было, что он ничего говорить не собирается. А теперь, где его искать, Максима? За линией фронта, в Италии. И жив ли он, вообще? – Теодор и Меир, деликатно, оставили их одних. Джон видел, в полуоткрытую дверь, рыжую, коротко стриженую голову старшего кузена, в пилотке хаки:

– Интересно, почему он в американскую армию пошел, а не остался в силах Свободной Франции? – мимолетно, подумал Джон:

– Хотя у него двойное гражданство, конечно. Его дед тоже на Арлингтонском кладбище похоронен. И что ему Марта, дочь Горской? Теодор волновался, когда речь о ней и ребенке зашла... – Меир отправился звонить по тыловым госпиталям. После освобождения Рётгена, Марту и ребенка могли отправить в медицинскую часть союзных войск:

– Или ее нашли немцы, эвакуировали обратно на восток... – старший кузен рассматривал какой-то плакат, – главное, чтобы Максимилиан до нее и малыша не добрался. И Воронов не добрался до Эммы... – о таком Джон даже думать не хотел. Старший кузен стоял с незажженной папиросой в зубах.

Федор оглянулся на дверь:

– Ладно, Монах прав. Не стоит в больнице курить... – он изучал плакат:

– Знай своего врага, грязную воду... – солдат, с бидоном, наклонился к роднику. Струя воды лилась из оскаленных зубов черепа:

– Не рискуй! Не пей из непроверенных источников... – капитана Хоффман не стал вешать в госпитале обычных плакатов с предупреждениями об опасности венерических заболеваний.

– Здесь такое ни к чему... – довольно изумленно сказал медик, – за три года, пока всех местных мужчин в концлагере держали, в Мон-Сен-Мартене ни одного ребенка не родилось. Коллега Гольдберг мне говорил, что в городке всегда строгие нравы были... – по вечерам, в немногих уцелевших каменных домах, открывались кабачки. Пока большая часть города лежала в обгорелых руинах, на окраинах теснились бараки, но Федор не сомневался, что шахтеры все отстроят:

– Тем более, если Монаха мэром выберут, – усмехнулся он, – а на свадебном обеде я такие разговоры слышал. Впрочем, он откажется. Посчитает, что он в больнице нужнее... – саперы Федора помогали хозяевам домов приводить в порядок здания. Электричество пока подавали от генераторов, кабачки освещались свечами, но в городке появились грузовики из Льежа, с бочками пива и сидра. В пивных звучало радио и расстроенные пианино, девушки прихорашивались, у тусклых зеркал:

– Наверное, кто-то из солдат, католиков, сюда вернется, – весело подумал Федор, – за подружкой, так сказать. Останется здесь, или жену в Америку повезет. И у меня жена в Америке... – он порылся в полевой сумке:

– Прямо сегодня надо почту Анне отправить. Внук, у нас внук... Марта его в честь дедушек назвала... – Федор вспомнил тихий голос жены:

– Тебе бы понравился граф Теодор, милый. Он был очень достойный человек. Я еще до войны поняла, что он из тех, кто ненавидит Гитлера... – Федор вздохнул:

– Я бы его поблагодарил, за то, что он о Марте позаботился, но его больше нет. И Марта овдовела, бедная. Она девочка совсем, ей восьмого марта двадцать один год исполнится... – он помнил твердые, зеленые глаза дочери:

– Она знала, кто я, – понял Федор, – поэтому она меня спасла. Наверное, фото увидела, в каком-нибудь журнале. Она сказала Джону, о Воронове. Права была Анна, и Монах с Портнихой правы. А мы их не слушали... – Федор сжал руку в кулак:

– Привыкли слишком хорошо думать о людях. Русские союзники, Воронов не мог пере метнуться на сторону власовцев. Его отец собственных родителей бомбой убил, не пожалел. Но, по словам Стивена, брат Воронова достойный человек, хоть и коммунист. Но разные коммунисты бывают... – Федору предстояло найти не только дочь и внука, но и отыскать Воронова:

– Вместе с Максимилианом, мерзавцем... – он сдержал ругательство, – они Тео убили, в Лионе, они мои семейные реликвии украли. Они за все заплатят... – дверь палаты Джона заскрипел, захлопнулась:

– Что, интересно, Монаху надо? – Федор присел на каменный подоконник:

– А мне надо отправить письмо... – он полез в полевую сумку за блокнотом:

– Дорогая Анна... – вывел он, склонив рыжеволосую голову. Во дворе больницы рычали военные грузовики, санитары носили тюки с бельем и ящики с медикаментами.

Джон осторожно коснулся конверта:

– Но почему вы ко мне пришли, месье Гольдберг... – поинтересовался он. Врач смотрел куда-то в сторону:

– В форте де Жу я не хотел говорить о Маргарите. Такое опасно было, как вы понимаете. Сейчас можно, и вы единственный ближайший родственник Маргариты, получается... – получалось, что Гольдберг прав. Джон помялся:

– В общем, да. Сестра моего прадеда, леди Джейн Холланд вышла замуж за доктора Грегори Вадия. Он был братом прадеда Маргариты, святого Виллема Бельгийского. То есть неродным братом, но все равно... – Джон ожидал, что в конверте просто какое-то напутствие священника племяннице.

– Хоть саперов зови... – он все не мог протянуть руку и забрать конверт. Гольдберг, протерев очки, достал из кармана халата скальпель.

– Я открываю... – длинные, немного искривленные пальцы, орудовали лезвием:

– Как на операции, – Джон принял бумагу. Письмо написали химическим карандашом, на листе, вырванном из школьной тетрадки. Герцог откашлялся: «Милая моя племянница, дорогая Маргарита...»

На крыльце барака, в ярком, почти весеннем круге солнечного света, лениво раскинулся Гамен. По двору, среди ручейков тающего снега, бродили куры. Собака одним глазом посматривала за птицами.

В поселке стояла тишина. Утренняя смена шахтеров спустилась под землю, на сталелитейный завод ушли списанные, армейские грузовики, с рабочими в кузовах. Пять машин пригнали с запада, из тыла союзных армий:

– Даже если что-то сломается, – сказал Меир доктору Гольдбергу, – у вас хорошие техники. Все почините... – саперное подразделение Теодора ушло вперед, на восток, следуя за госпиталем. Меир попрощался со старшим кузеном на окраине Мон-Сен-Мартена, ранним утром. Развалины замка чернели в нежном рассвете, над камнями кружились птицы:

– Здесь сокол летал... – полковник, сдвинув на затылок пилотку, покуривал, в расстегнутой, полевой куртке, прислонившись к виллису, – когда мы городок брали. А теперь пропал куда-то. Жаль, они красивые птицы, редкие... – Теодор смерил остатки замка оценивающим взглядом:

– Все отстраивать придется, после войны. Впрочем... – он указал на лужи, покрывающие обочину, – сейчас распутица закончится, форсируем Рейн и пойдем дальше, на Берлин... – они оба посмотрели на восток. Теодор помолчал:

– Знаешь, хорошо, что все так получилось. У Маргариты кузен есть, и Джону легче, что его племянник не сын... – он повел рукой, не закончив. Меир кивнул:

– Только теперь будет еще сложнее вызволять Уильяма из СССР. Ты слышал, что Джон сказал... – герцог передал им свой разговор с Мартой, в Берлине. В СССР, несомненно, знали о предательстве Воронова. Это означало, что Уильяма, скорее всего, отправили в детский дом.

– Ему поменяли фамилию, как это в Германии делали, с детьми врагов режима... – Джон поморщился, – непонятно, где его искать теперь. Максим, правда, обещал вернуться в СССР, после войны, но где искать самого Максима... – Гольдберг привел в палату к Джону Маргариту. Гамен, вежливо, улегся на пороге комнаты. Девочка устроилась на табурете, болтая ногами. Джон смотрел на аккуратное, темное-синее платье, на новое, шерстяное пальтишко:

– Роза ее обшила. Она и для сирот одежду новую сделала, и мастерскую заведет, когда поселок отстроят. А ведь она раньше на личных самолетах летала, обедала на яхтах, на Лазурном Берегу... – Джон прочел Маргарите письмо от ее дяди. Аккуратно, подбирая слова, он объяснил, что Виллем, до того, как принять сан, хотел жениться на его, Джона, покойной сестре, леди Антонии.

– Тони в Аушвице не просто так оказалась, – Джон замер, – она каким-то образом узнала, в СССР, что Виллема арестовали. Она перешла линию фронта, попала в Германию, отправилась в долину смертной тени, чтобы спасти любимого человека. Надеюсь, они увиделись, в лагере... – Виллем написал племяннице, что не может покинуть свою паству:

– Здесь живут дети, сироты, милая Маргарита, они нуждаются в моей поддержке. Помни, что у тебя есть кузен, самый близкий тебе человек, твой ровесник. Мне бы хотелось, чтобы Уильям узнал о своих родителях, после войны. Посылаю тебе свое благословение, и молюсь за тебя. Да пребудет с тобой покровительство Иисуса и Матери Божьей, святых Елизаветы и Виллема... – голубые, ясные глазки распахнулись. Маргарита вздохнула:

– Дядю, наверное, тоже немцы убили, как моих папу и мамочку... – о профессоре Кардозо Виллем ничего не написал:

– Дядя Джон, – Маргарита коснулась его руки, – но Уильям должен жить здесь. Он наследник Мон-Сен-Мартена, как и я... – Джон пообещал девочке, что ее кузен, после войны, непременно окажется в Бельгии.

Герцог смотрел на маленькую фигурку, в красной, вязаной шапочке, на черные, кудрявые волосы. Маргарита шла через двор больницы, держась за руку Монаха, Гамен скакал вокруг:

– Уильям может быть мертв... – горько понял Джон, – три года прошло. Тони и Виллем в Испании встретились, конечно. Что-то у них случилось, он ушел от мира, стал монахом, потом сан принял. Какая теперь разница... – напомнил себе Джон. Они говорили с Меиром об испанской войне:

– Меир у меня спрашивал, работает ли мистер Филби в секретной службе. Они в Теруэле познакомились. Меира тогда ранило, при республиканском обстреле. Работает, ему доверяют... – Гольдберг обещал выписать Джона на следующей неделе. Позвонив в штаб фельдмаршала Монтгомери, из кабинета Меира, герцог услышал прокуренный голос Монти:

– Восстал из мертвых, значит. Будем ожидать и возвращения майора Кроу. Он кавалер самой высокой награды Британии, не след, чтобы такие люди пропадали... – ни Марту, ни ребенка в близлежащих госпиталях Меир не нашел.

Монти уверил Джона, что ждет его в Аахене:

– Бюрократию твое начальство пусть после войны разводит, – сочно сказал маршал, – можешь даже не связываться с Лондоном. Я объясню, что ты выбрался из рейха в нашем расположении, и сейчас ушел обратно в рейх, разведчиком. Без рации, разумеется... – Монти чиркнул спичкой:

– Победителей не судят, как говорится. Да и потом, что ты можешь рассказать, если полгода слепцом по госпиталям отирался... – Джон, действительно, кроме названий больниц и речей Геббельса больше ничего не слышал:

– Как со Стивеном, – усмехнулся герцог, – он тоже по больницам мотался, а потом на рынке грузчиком работал... – Джон отправил телеграмму дяде Джованни, предупреждая его, что выжил, и будет служить в разведке армии Монтгомери.

– После войны со всем разберемся, – заметил он Меиру. Кузен только кивнул: «Да».

Оставив на дороге свой виллис, Меир пошел к бараку, где жили сироты:

– Дети в школе сейчас. С Маргаритой и Джоном я попрощался. Пистолет ему оставил, Джон его в Лондон отошлет. Он отсыпается, бедняга, за время своих скитаний. Правильно он сказал, после войны разберемся. Я докажу, что не агент СССР, станет понятно, что с Мартой и Питером случилось, и где фон Рабе Констанцу спрятал... – по расчетам Меира, Монах с Портнихой, проводив детей в школу, должны были собираться:

– Ей на занятия надо, ему в больницу, то есть на амбулаторный прием... – Гамен, подняв голову, заворчал. Прислушавшись к звукам из барака, Меир стиснул зубы:

– С Тессой так было. И больше никогда, никогда не будет... – обойдя собаку, он поскрипел дверью. Полковник Горовиц успел выкурить сигарету, ожидая, пока кто-то выйдет на крыльцо. Монах появился на ступенях, босиком, в трофейных брюках вермахта, и чистой, но потрепанной рубашке. Меир вдохнул запах мускуса и сладких пряностей. Обычно недовольное лицо Гольдберга было умиротворенным, глаза светились смехом:

– Извини. Мы думали, ты позже заедешь. Детей проводили, а потом... – у него была лукавая, добрая улыбка. В темных, немного поседевших волосах, над ухом, застряло перышко из подушки. От Гольдберга веяло теплом постели, он спохватился:

– Завтрак. Сейчас Роза поднимется, мы тебя... – Меир, отчего-то, подумал:

– Может быть, поговорить с ним? Он врач, он поймет... Но я даже с папой не говорил. Оставь, такое не лечат... – полковник отмахнулся:

– У меня фляга в машине, с кофе, бутерброды я себе сделал. Пусть Роза отдыхает. Здесь двадцать миль до штаба Паттона, пообедаю на новом месте. Это если они вперед не продвинулись... – Меир обещал, по мере возможности, сообщать в Мон-Сен-Мартен новости.

Рука Гольдберга, несмотря на ранение, оставалась крепкой и уверенной. Эмиль прищурился, глядя на утреннее небо:

– В общем, – задумчиво сказал Монах, – в мае я предполагаю в Польше оказаться. Спишемся с Авербахом, договоримся обо всем. Аушвиц не сегодня-завтра освободят. Жаль, конечно, что Звезда в горах сидит, но к русским ей соваться опасно. Сами разберемся, – подытожил Монах:

– Розе привет передавай, – улыбнулся Меир, – после войны увидимся... – виллис полковника Горовица зачихав, очнувшись, покати по восточной дороге. Над крышей барака щебетали ласточки.

Монах потрепал Гамена по густой шерсти:

– В мае мы тоже на восток поедем, милый мой. Ты здесь останешься, за Маргаритой присматривать... – потушив окурки в медной пепельнице, Эмиль пошел к жене.

Интерлюдия

Польша, февраль 1945

Лагерь для перемещенных лиц СМЕРШ, район Бельско

В маленькой, прокуренной комнате бывшей школы наскоро прибили к стене портрет товарища Сталина и кумачовый лозунг: «Смерть немецко-фашистским оккупантам», на русском и польском языках. После взятия Красной Армией Кракова оккупанты откатились на запад, в Силезию. За освобожденным на днях Катовице еще шли бои, как продолжались они на севере, вокруг Познани.

Эйтингон изучал сегодняшнюю сводку, положив ноги, в начищенных сапогах, на стол, кусая бутерброд со свежей, краковской колбасой. Рядом громоздились тарелки с остатками завтрака. Немцы, при отступлении, бросали целые склады, забитые банками с испанскими оливками, кругами датского сыра, ветчиной, и французскими винами. Наум Исаакович хмыкнул:

– Наши ребята впервые такие магазины увидели, а впереди еще рейх... – в отличие от разрушенной Варшавы, Краков почти не пострадал. В витринах гастрономических лавок висели колбасы и сосиски. В универсальных магазинах стояли манекены, в меховых шубках и кокетливых шляпках. Местные девушки носили изящные, зимние жакеты, шелковые чулки и ботинки, на высоких каблуках:

– Надо внимательно следить за личным составом... – заметил Эйтингон на совещании, – докладывают о случаях мародерства, ограбления гражданских жителей, об изнасилованиях. Не говоря о случайных связях, – он поморщился, – мы знаем, что здесь за шваль собралась. Полякам пока доверять нельзя, они не доказали своей лояльности... – Краков все годы войны был столицей генерал-губернаторства. Поляки в рейхе считались людьми второго сорта, но Эйтингон настаивал, что при немцах они жили припеваючи:

– Варшава хотя бы восставала, два раза, – хмуро сказал он, – а здесь все танцевали и развлекались. Нет, надо, как следует, проверять местное население, учитывая его, так сказать, национальный состав... – в Силезии всегда жило немецкое меньшинство. После разгрома Польши район вернули в Германию, считая территорией рейха:

– Поляки потом выселят немцев на запад... – Эйтингон потянулся за блокнотом, – вообще надо проводить кампании, вселяющие в население ненависть к немцам. Организовывать проявления неприязни, если можно так выразиться... – при Красной Армии имелись карманные польские соединения, основа для будущей, социалистической страны, но их было недостаточно:

– Поляки должны себя почувствовать хозяевами, на своей земле, – объяснил Эйтингон, – Силезия, по решению будущей конференции, станет польской территорией. Нечего потворствовать немцам, надо показать, где их место... – немецкие фермеры, бросив хозяйства, бежали вслед за вермахтом в укрепленные районы Бреслау и Позена, но и без них в Силезии хватало бывших граждан рейха.

– Из Восточной Пруссии тоже сейчас бегут, – усмехнулся Эйтингон, – море забито судами с гражданским населением. Наши легчики караваны бомбят, конечно... – позавчера в Балтийском море пошел ко дну пассажирский корабль «Вильгельм Густлофф», эвакуировавший немцев из Гдыни. Во внутренней сводке Эйтингон прочел о гибели почти десяти тысяч пассажиров:

– Туда им и дорога... – доев бутерброд, он отхлебнул крепкого, сладкого кофе, – Восточную Пруссию мы тоже очистим... – Восточную Пруссию немцы обороняли отчаянно. Красная Армия продвигалась вперед, что называется, на метр в день. Сводка пестрила названиями никому не известных, тамошних деревень:

– После войны мы все переименуем, – обещал Эйтингон Серебрянскому, в самолете, по дороге в Польшу, – как сделали в Крыму. Проклятые татары, коллаборационисты, поехали в Казахстан. Пусть хоть все передохнут... – старший майор госбезопасности Журавлев, руководивший работой в освобожденном Крыму, привез в Москву список новых названий татарских поселков. Наум Исаакович расхохотался:

– Одна романтика. Привольное, Прохладное, Вишневое... Отдыхающим понравится, – хлопнул он по бумаге, – после войны все забудут, что в Крыму жили татары... – поселки и города в Восточной Пруссии тоже собирались переименовать:

– Все станет социалистическим, советским, – довольно думал Наум Исаакович, – хорошо, что от Варшавы немцы одни руины оставили. Мы подарим полякам новую столицу. Отстроим Варшаву в нашем духе... – здешний, силезский дух Эйтингону не нравился.

Кроме немцев, в районе болтались бывшие партизаны Армии Крайовой. В Кракове, в спешно организованной тюрьме СМЕРШа допросы шли сутками. Сюда, в лагерь для перемещенных лиц, конечно, не привозили людей, пойманных с оружием в руках:

– Однако надо быть бдительными, – предупредил Эйтингон местных работников, – враги социалистического строя могут притворяться беженцами, освобожденными из лагерей... – такой контингент и сидел здесь, на территории бывшей агрономической школы, на окраине Бельско. Наум Исаакович и товарищ Яша прилетели сюда не из-за местных беженцев, и даже не из-за польских националистов.

Больше в сводке ничего интересного не было. Шли бои под Франкфуртом-на-Одере, но саму реку пока не форсировали, как и Рейн, на западном фронте:

– Вряд ли они сейчас выйдут к Рейну, – скептически подумал Наум Исаакович, – там тоже распутица начнется. Уже началась, на западе теплее... – в Польше лежали высокие сугробы. Налив себе еще кофе, закурив, он подошел к окну. Территория была пустой. Заключение сидели в бывших помещениях общежития школы, допросы шли в административном здании. Эйтингону и Серебрянскому выделили дальнюю комнату. Наум Исаакович приехал в Польшу с деликатной миссией, и не хотел, чтобы его разговоры слышали посторонние уши.

Комнату хорошо топили, он приоткрыл форточку:

– В Ялте, наверное, миндаль цветет, а здесь минус десять... – ветер гонял по двору школы легкую метель, – в Ялте обсудят и вопрос Силезии, и Восточную Пруссию... – Силезия, с ее шахтами и промышленностью, отходила Польше. Тройка собиралась поделить Германию на зоны оккупации. Восток становился ответственностью СССР. В Москве спешно формировали подразделения, призванные доставить из Германии ученых, технику, и ценные картины:

– Иначе наши доблестные вояки по ним сапогами пройдутся, – кисло подумал Эйтингон, – или привезут, как трофеи, в родную деревню, над печкой повесить. Но ученые, это хорошо. Найдется компания для Вороны... – мальчик сообщил, что доктор Кроу спокойно занимается своей работой, в Лос-Аламосе. Благодаря Пауку и Стэнли, в Лондоне, НКВД получало полную информацию об интересующих их лицах. Наум Исаакович знал, что герцог Экзетер, неожиданным образом, выжил:

– Жаль, что он в Лондон решил не возвращаться. Впрочем, нарезки его голоса нам надолго хватит... – англичане, либералы, даже не разжаловали полковника Кроу, за драку в ресторане:

– У нас бы его быстро Звезды Героя лишили, за такие дела, из партии бы выгнали. Впрочем, он у них герой. Но ничего, эта парочка, он и Князева, никуда от нас не денется... – героем стал и кавалер Медали Почета, полковник Горовиц:

– Одна такая семья в Америке, – вспомнил Эйтингон, – но это ничему не мешает. Кто угодно может стать предателем. Меир и стал, еще до войны. Мы позаботимся о том, чтобы его посчитали Пауком, несмотря на заслуги и ордена... – в остальном новости тоже были неутешительными. Мишель де Лу пропал за линией фронта, в Италии, и, что особенно волновало Эйтингона, было непонятно, где сейчас отряд пани Штерны, и она сама.

– Она звонила с горной базы вермахта... – вздохнул Наум Исаакович, – еще найди ее, базу. Это в декабре случилось, а горы здесь огромные... – Требниц, где, скорее всего, находились сыновья Звезды, располагался под укрепленным Бреслау, в неприступной крепости арийской силы, как выражался Геббельс:

– Неясно, знает пани Звезда, где дети, или нет, – размышлял он, – и вообще, где ее искать. В Бреслау власовцы сидят. Там, кстати и Воронов может отираться, но до Бреслау нам еще далеко... – Воронов мог подождать, пани Штерна была важнее. При докторе Горовиц имелся новый муж, Рыжий, и Саломея, которую кто-то вывез из Будапешта:

– Мужчина, – решил Эйтингон, – любовник, скорее всего. Кто еще станет так рисковать, ради незнакомой девчонки. Знать бы еще, кто это... – отряд Штерны мог прятаться где угодно.

Здесьние горы простирались от украинской до чешской границы. Бойцы Армии Крайовой бежали на юг, соединяясь в неприступных районах с украинскими националистами:

– Забыли довоенные распри, – зло буркнул Эйтингон, – хохлы не то, что под поляков, под Гитлера лягут, если им независимость пообещают. И легли... Западную Украину, как и Прибалтику, мы всю в лагеря отправим, до последнего ребенка. Пусть подышают, потеря невелика... – Эйтингон не хотел, чтобы пани Звезда первой добралась до своего бывшего мужа, профессора Кардозо.

– Она его пристрелит, и глазом не моргнет... – рука Эйтингона заколебалась над потайным карманом блокнота, – а профессор нам нужен... – Серебрянский пошел разговаривать с доставленными в лагерь ночью и рано утром новыми заключенными.

Аушвиц освободили на прошлой неделе. Ворота лагеря, очень удачно, открыл некий майор Шапиро, командир штурмового отряда сто шестого стрелкового корпуса:

– Мы это используем, – сказал Эйтингон Серебрянскому, – для будущей работы в Палестине. Вообще давай готовить списки тех, с кем мы будем говорить, после войны. Если они выживут, конечно... – людей предполагалось отправлять в Палестину под видом бойцов еврейских партизанских отрядов. В стране они должны были внедриться в круги радикального подполья, борющегося с британцами. В Европе, после войны, должна была царить неразбериха. Никто бы не стал интересоваться документами, а вернее, их отсутствием, у людей, переживших заключение в гетто и лагерях:

– Легенды мы подготовим хорошие, – добавил Эйтингон, – никто не подкопается... – товарищ Яша предложил выбрать среди офицеров будущего куратора Саломеи. Наум Исаакович помотал головой:

– Нет. Она не станет прозябать в Израиле. У меня на Саломею другие планы... – он указал пальцем на потолок.

Героизм майора Шапиро не означал хорошей организации работы НКВД в освобожденном лагере. СМЕРШ появился в Аушвице только через двое суток после того, как отряд Шапиро занял территорию. За сорок восемь часов, как сочно заметил Наум Исаакович, из лагеря не ушли только те, кто вообще не мог ходить. Бывшие узники разбежались по округе, где их можно было искать бесконечно. Больных и умирающих оставили в лагере, впрочем, постоянно допрашивая. За остальными отправили военные патрули.

Наум Исаакович лично навестил бараки Аушвица, вглядываясь в истощенные лица. Профессора Кардозо он не нашел, а прямо спрашивать о судьбе ученого Эйтингон не хотел:

– Не стоит. Пусть все считают, что он погиб, что его немцы убили. Так удобнее... – Кардозо мог и уйти с немцами, при отступлении. По распоряжению Эйтингона, в лагерь для перемещенных лиц свозили всех арестованных в округе людей, с выколотыми на руке номерами:

– Потом разберемся, чьи они граждане, – заметил он Серебрянскому, – впрочем, они и соврут, недорого возьмут. Выдадут себя за евреев из Германии, или Франции. Достаточно просто знать язык. Навешают лапшу на уши дуболомам из СМЕРШа. Те по-русски с трудом разговаривают... – за последние два дня, на допросах, Эйтингон успел разоблачить троих граждан СССР, пытавшихся выдать себя за уроженцев запада. Пока о Кардозо никто не упоминал.

Наум Исаакович заставил себя не открывать потайной карман блокнота. В Москве он сам сделал копию снимка мадемуазель Левиной:

– Оставь, – говорил себе Эйтингон, – это бессмысленно. Не похищать же ее из Бельгии. Оставь, ты ее больше не увидишь. То есть ты и не видел, только на фото... – сердце, тоскливо, заныло. Дверь стукнула, он едва успел спрятать блокнот в карман твидового пиджака. Товарищ Яша, в штатском пальто, смахнул снег с неприметного, кроличьего треуха. Серебрянский широко улыбался: «Хорошие новости, Наум».

Заброшенный амбар стоял на опушке леса, где-то между Бельско и Освенцимом. К большой дороге вела едва видная в снегу тропинка. На туманном горизонте виднелись черепичные крыши деревни и шпиль очередного костела. Сквозь промерзлые доски мерцало угасающее пламя костерка. Внутри, в стылой, затхлой тьме пахло гнилыми овощами.

Оказавшись здесь, они внимательно обследовали все углы, но еды не нашли. Даже в ледяной корке, на земляном полу, не валялось ни одной картофелины или моркови. У них был с собой узелок с русской тушенкой и сухарями. Бойцы Красной Армии, после освобождения лагеря, устроили выдачу сухого пайка, ожидая, пока их повара разберутся с лагерной кухней. К солдатам стояли злые, длинные очереди. Бывшие узники, ругаясь на всех европейских языках, отпихивали друг друга локтями, стараясь пробраться вперед. Несколько раз люди дрались. Кто-то из поляков, присланных в Аушвиц после подавления восстания в столице, ткнул стоящего впереди него еврея заточкой в печень. Поляка русские скрутили, прибежал врач, в форме Красной Армии. Еврей хрипел, скорчившись на мерзлой земле, сквозь худые пальцы сочилась темная кровь. Очередь не двигалась, только переминаясь с ноги на ногу.

Русские отключили ток, с колючей проволоки, отделявший женские бараки от мужских. Вечером заключенные ринулись туда, с припрятанными сухарями и банками тушенки. Кое-какие солдаты русских тоже отправились к девушкам. Полек, из варшавских отрядов Армии Крайовой, привезли в Аушвиц осенью. Они не успели окончательно исхудать и истаскаться, как остальные женщины. Медицинский блок работал почти до самого отступления немцев. Всех, кто лежал в так называемом госпитале, отправили в печи, с документами из лагерных архивов. Оставались те, кого после экспериментов послали обратно в бараки, неизлечимые инвалиды. Многие женщины и дети едва могли стоять на ногах. Детский барак заключенные тоже навестили. В неразберихе, никто не стал обращать на такое внимания:

– Он не пошел... – длинные, тощие пальцы немного тряслись, – он говорил, что не любит детей. От них одна морока, как он выражался... – тушенка и сухари закончились вчера. Из лагеря, в первые два дня, выпускали всех, не спрашивая, куда направляются люди:

– Собирайся, – велели ему, – нечего здесь сидеть. Не сегодня-завтра появится НКВД... – в лагере было много русских заключенных, они пускали в ход свои словечки, – и тогда будет не сбежать... – поковыряв щепочкой в зубах, он повторил:

– Собирайся, Шмата... – так его называли еще в зондеркоманде. Никто не знал его настоящего имени, никто не интересовался шрамами на его руках. Каждый, кто работал в помещении, рядом с газовыми камерами, загоняя туда толпы евреев, мог предъявить собственные шрамы. Русские надзиратели, выбирали себе женщин из очереди. Им тоже разрешали, раз в неделю, увести кого-нибудь в пустующую комнату с нарами. Над ним шутили:

– Шмата хочет доказать, что он мужчина. Только каждую ночь мы слышим обратное... – в зондеркоманде собрались уголовники, до войны, сидевшие в закрытых лечебницах для душевнобольных. Больше сюда, по собственной воле никто не шел:

– И я бы не пошел... – живот сводило резкой, голодной болью, – меня отправили, все было против моей воли. Мне не дали выбора, немцы меня заставили на них работать. И в Амстердаме, и потом... – он не беспокоился, что встретит знакомых. Старые обитатели детского барака, при медицинской части, давно сгорели в печах. Его бывшие коллеги по лагерному госпиталю были мертвы:

– Если они выжили, то тоже не хотят, чтобы их узнали... – он облизал пересохшие губы. В банке от тушенки, над костром, они кипятили воду, растапливая снег:

– Может быть, он не вернется... – промелькнуло в голове, – он сказал, что добудет еды, в деревне, и придет. Убьет кого-нибудь. Он хвалился, что убивал, до войны... – работники зондеркоманды жили в хороших условиях. Барак отапливали, у них даже был душ и выложенный кафелем туалет. Их кормили по норме русских надзирателей, но держали отдельно от остального лагеря. Все понимали, что стоит им ступить в обыкновенный барак, как через пять минут от них и следа не останется:

– Если бы заключенные поняли, кто мы такие, нас бы на куски разорвали, голыми руками... – он задрожал, – но нас никто не видел, никогда. То есть видели, но мертвые не говорят. Списки немцы уничтожили, сожгли... – капо в зондеркоманде сразу определил его на ближнюю к туалету койку. Уголовник, он разбирался в людях. Его называли Шматой:

– Тряпка, на идиш, а поляки так проституток зовут... – его навещали почти каждую ночь. В бараке было несколько таких коек. Заключенные, за вечерней пайкой, громко обсуждали очередь, на услуги, как их называл капо:

– В карты на нас тоже играли... – чихнув, он вытер замерзший нос, – или просто за сахар и папиросы покупали... – в конце лета в зондеркоманде появился польский уголовник, сидевший до войны в закрытом доме для умалишенных. Он забрал Шмату себе, но иногда сдавал его в аренду, как весело говорил хозяин:

– Потом один из барачников восстание устроил. Немцы всех выживших расстреляли, поменяли состав команды... – ему очень хотелось есть, – а потом о нас просто забыли, с наступлением русских... – всю осень они раскапывали рвы, и жгли трупы, сброшенные туда, во времена, когда в лагере еще не стояли мощные крематории:

– Немцы жгли папки, сотни, тысячи... Гнали в рейх золото, со складов... – когда газовая камера заканчивала работу, члены зондеркоманды заходили туда, и выламывали клещами золотые зубы, у трупов.

Он оглянулся:

– Золото он унес. Если он не вернется, мне будет нечего есть. Но если вернется, он меня не отпустит... – поляк хотел податься на юг, в тепло:

– В Италию, например, – благодушно сказал он, лежа на нарах, еще в лагере, – мы с тобой в Италии не пропадем, Шмата. Я тебя при себе оставлю, я к тебе привык... – он мелко рассмеялся:

– Держись за меня... – в ловких пальцах блеснула заточка, – кому ты еще нужен, Шмата... – он побаивался поляка, любившего ножи и бритвенные лезвия, но больше ему опереться было не на кого:

– Я должен ее найти... – вдруг промелькнуло в голове, – она во всем виновата. Она меня лишила детей, она меня ненавидела, из-за нее все произошло. Я хороший отец, я спас мальчиков от смерти. Если бы ни я, они бы сгорели в крематории. Я хороший отец, а она плохая мать. Я должен ее отыскать, забрать у нее малышкой. Детям надо расти с отцом. Мальчикам... – он забыл имена сыновей, – и девочке. Как ее звали, девочку? Не помню. Она была на меня похожа, а близнецы нет. Но все равно, они мои дети. Пусть отдаст мне их, волчица, пусть сдохнет... – он застучал зубами. Вода в банке закипела. На руках у него были грязные, с отрезанными пальцами, шерстяные перчатки. Он схватил банку, шипя, обжигаясь. Горячая жесть коснулась губ, вода, отдаленно, пахла мясом:

– Даже крыс вокруг нет, зима... – он пил кипяток, чувствуя, как исчезает боль в животе:

– Но все равно, мы со вчерашнего дня не ели. Он мне дал вылизать банку от тушенки, дал сухарей... – он шумно хлебал воду, и не услышал звука автомобильного мотора, на большой дороге.

Черная, низкая, закрытая машина остановилась на обочине. Товарищ Яша, с заднего сиденья, кивнул:

– Все правильно, Наум. Все, как поляк описал... – поляка пока отвели в наскоро оборудованные камеры, в подвале бывшей школы. В сером свете февральского полдня Эйтингон хорошо видел стены амбара. Кто-то разжег внутри костер:

– Если там действительно Кардозо... – он проверил пистолет, в кармане пальто, – то его, так сказать покровителя, мы расстреляем... – Эйтингон похвалил себя за то, что допрашивал уголовного один, без товарища Яши:

– Яше я доверяю, но мало ли что. Не стоит ему слышать, как польский сумасшедший бандит называет профессора Кардозо... – по описанию уголовного его приятель, Шмата, как раз и был Давидом Кардозо:

– И даже если это не так, от поляка мы все равно избавимся. Он не знает, с кем имеет дело, и не надо чтобы знал. Понятно, что у них за отношения, если можно так сказать... – Яша, было, подался вперед. Наум Исаакович покачал головой:

– Я сам. Он не опасен. Он истощен, может быть, болен... – уголовник, посмеиваясь, утверждал, что просто сидел в лагерном бараке, с такими же преступниками, как он сам. Эйтингон в правдивости рассказа сильно сомневался:

– Ладно, разберемся. Сначала надо Кардозо в Москву доставить... – он тихо пошел по тропинке. Приоткрытая дверь амбара моталась под ветром, он заметил над костром сгорбленную спину:

– Бедняга. Ничего, он оправится, мы его приведем в порядок... – человек, в засаленной, рваной куртке, с наголо бритой головой, склонился над огнем. Эйтингон коснулся его плеча. Он вскинулся, уронив банку на обледеневший пол, закрываясь руками:

– Не бейте... – всхлипнул он, на ломаном польском языке, – проше пана, не бейте... – Наум Исаакович, преодолевая брезгливость, отвел его руку. Он посмотрел в истощенное лицо, заросшее темной, с проседью, щетиной. Голубые глаза запали, взгляд Кардозо бегал из стороны в сторону.

– Не бойтесь, – ласково сказал Наум Исаакович, по-английски, – меня зовут мистер Наум. Я пришел вам помочь.

Грязные, грубые крестьянские сапоги, прошагав по обледенелому полу, остановились у черного кострища. В амбаре было сумрачно, с улицы задувал резкий, холодный ветер. Пометавшись по углам, луч трофейного, немецкого фонарика остановился на металличе-

ском блеске пустой консервной банки. Нажав кнопку, выключив свет, Блау повернулся к Аврааму:

– Русская тушенка. И здесь костер жгли... – доктор Судаков, в зимней, потрепанной рясе брата доминиканца, в подбитой мехом суконной куртке, хмыкнул:

– Русскую тушенку сейчас вся Польша ест, спасибо оккупантам... – Авраам Красную Армию иначе не называл, – а что костер жгли, то на дворе зима. Мы тоже разожем, пан Копыто... – в заплочном мешке Блау лежал свежий хлеб, с кухни дома священника, в ближайшем селе. Их снабдили куском соленого сыра, и салом. На прощанье ксендз заметил:

– Вы осторожней. Под Бельско русские лагерь устроили, по всей округе их патрули рыщут. Монахов они пока не трогают... – Конрад тоже носил рясу. Авраам, хмуро, закончил: «Но это пока, святой отец». Под рясами они спрятали трофейные, немецкие пистолеты. Документы у них имелись надежные, с печатью архиепископа краковского, но рисковать, все равно, не стоило. Им оставалось миновать Бельско и подняться в горы, перейдя словацкую границу.

Когда наверх, как выражалась Эстер, пришли вести о взятии Кракова, Звезда собрала отряд. У них воевали поляки, евреи, и словаки, но Эстер сразу сказала:

– Те, кто хочет вернуться домой, пусть идет... – Авраам помнил горькое выражение, в голубых глазах жены, – у нас нет рации, но я больше, чем уверена, что лондонское правительство в изгнании отдаст приказ полякам прекратить сопротивление... – люди зашумели. Эстер подняла руку:

– Тише! Все мы... – она оглядела заснеженную, лесную поляну, – стоит нам попасться русским, закончим расстрелом... – все знали, о чем говорит командир. С осени прошлого года отряд не один раз участвовал в акциях против Красной Армии:

– Я лично русских убивал, – угрюмо вспомнил Авраам, – и Блау тоже. СМЕРШ не дураки, у них есть сведения об отряде Штерны. В горы они не суются, здесь можно еще десять лет просидеть, но все равно... – судя по известиям, доходившим с востока, с украинской границы, тамошние националисты не собирались складывать оружие. Кое-кто из поляков и словаков, в отряде, хотел податься в украинские силы сопротивления.

Ночью Авраам прислушивался к храпу людей, из-за трофейной плащ-палатки, отделивший их с Эстер угол пещеры. У потрескивающего костра, в большом зале, сидели дежурные. Партизаны спали вповалку, в полушубках и шинелях, на самодельных нарах. Евреи, потерявшие семьи в лагерях и гетто, быстро находили себе пары. В пещере устроили несколько семейных уголков:

– Но хупы ни у кого не было... – отчего-то подумал Авраам, – хотя, в общем, для хупы и раввин не требуется. Все до Израиля ждут, а мы не стали... – ктубу Эстер зашила в подкладку шинели. Устроив голову на теплом плече жены, Авраам затягивался трофейной, русской папиросой:

– Раввины разрешили ставить хупу женщинам, мужья которых попали в лагеря. Но люди выживают, даже в Аушвице и Треблинке. Я сам таких евреев встречал. Если он... – Авраам не хотел называть его по имени, – если он спасся, если попадет в Израиль, после войны, он может пойти в раввинский суд... – он покосился на спокойное лицо жены. Трепетал огонек свечи, Эстер дремала, прижавшись к нему, под крестьянским одеялом, толстой, колючей шерсти. Подушка, которую жена носила под одеждой, валялась на лавке. Командира все поздравляли:

– Очень хорошо, дело к победе над немцами идет. Сейчас всем надо детей рожать... – никто не продолжал дальше, никто не упоминал о детях и взрослых, отравленных газом и сожженных в крематориях:

– И продолжать не надо... – мрачно сказал себе Авраам, – все понимают, что от евреев Европы никого не осталось. Десять миллионов здесь жило, до войны. А сколько сейчас?

Разрозненные остатки, как в Танахе сказано. Полмиллиона, или даже меньше... – о Ционе в отряде никто не знал. Пан Конрад, навещая ее, делал вид, что отправляется в разведку. Для всех Циона вернулась на юг, в Венгрию. Эстер объяснила, что ее племянница будет работать в подполье:

– Вот и все, и больше говорить о ней не стоит... – шепнула она Аврааму. Циону поселили в безопасном доме, в горной деревне, в тридцати километрах от пещеры. Старуха, сестра местного ксендза, до смерти брата вела его хозяйство. Женщина была почти слепой, и о состоянии Ционы не догадывалась. Блау приходил к ней, как муж.

– Муж... – перегнувшись через Эстер, Авраам потушил папиросу в пепельнице, из стреляной гильзы, – Кардозо ей тоже муж, по закону... – если бы Кардозо явился в раввинский суд, Авраама и Эстер обязали бы развестись:

– Они объявят малышку мамзером, незаконнорожденной... – Авраам поежился, – нельзя дитя обречь на такую судьбу... – Эстер считала, что у них родится дочка. Они призывали относиться к будущему ребенку, как к своему. Циона о нем упоминать избегала, а Блау называл малыша оно:

– У Конрада даже лицо меняется, когда он о ребенке слышит... – вспомнил Авраам, – он не может безразличности сдерживать. Но девочка никогда не узнает, кто ее родители, на самом деле. Нельзя такое ребенку говорить... – Эстер приоткрыла глаза:

– Мы обещали, Ционе... – спокойно сказала жена, – мы должны держать свое слово, Авраам. Ребенок ни в чем не виноват... – Эстер всегда понимала, о чем он думает. Доктор Судаков вздохнул, привлекая ее к себе:

– Я знаю, милая. Никто не собирается идти в раввинский суд и позорить Циону. Девочка наша дочь, так будет всегда. Но... – он замялся, жена кивнула на подушку:

– Я бы сама в Краков поехала, узнала бы, что происходит. Может быть, русские взяли Аушвиц... – в горах они были отрезаны от новостей, – и тогда... – рядом с подушкой лежал пистолет жены:

– Но я не могу... – Эстер помолчала, – в моем, как это выразиться, состоянии. И надо позаботиться об отряде, хотя ты говоришь, что борьба бессмысленна... – Авраам считал, что СССР, рано или поздно, подавит любое сопротивление, в Прибалтике или на Украине:

– Они отправят всех в лагерь, как до войны еще делали... – заметил доктор Судаков:

– Но ты не волнуйся... – он прикоснулся губами к светлым волосам, на ее виске, – я все сделаю пани Штерна. Возьму Копыто и спустимся с гор. Если что-то... – не закончив, он указал глазами на офицерский вальтер. Жена кивнула:

– Так будет лучше, для всех. Маргарита вряд ли выжила, а мальчики пусть считают, что его в Аушвице убили. Может быть, и действительно убили... – кроме Кракова и Аушвица Авраам хотел добраться до Треблинки. После единственного, прервавшегося разговора с отцом Эстер, они долго рассматривали карту:

– Вокруг Треблинки тоже есть монастыри, – задумчиво сказала жена, – хотя до Треблинки от Кракова ближе. Но ты не помнишь, откуда их привезли, и куда они уехали... – Авраам, невольно, коснулся шрама, над ухом, скрытого отросшими волосами:

– Не помню. Но я проверю округу рядом с Треблинкой, и, наконец, доберусь до архиепископского дворца... – в самом лагере, в Треблинке, искать детей было бесполезно.

– Потому что лагеря больше не существует, еще с лета... – они с Блау развели костер и достали фляги с крепким кофе и русской водкой. И то, и другое они получили в Кракове, у Шиндлера. Авраам не ожидал, что приятель останется в городе. Доктор Судаков просто на удачу повел Блау к той квартире, откуда он, три года назад, выпрыгнул в заметный снегом двор, с пулей Гёта в голове. Пан Конрад присвистнул:

– Крепкий ты мужик. У тебя пуля в мозгу застряла, а ты на ноги встал, дошел куда-то... – Авраам буркнул:

– Если бы я еще помнил, куда... – не желая привлекать внимания военных патрулей русских, они провели день в пивной, на окраине города, отправившись к Шиндлеру после темноты. Краков кишел солдатами и офицерами Красной Армии, и польскими добровольными соединениями:

– Они сейчас срочно везде свои правительства насадят, – заметил Авраам, за стопками водки и бутербродами с заветренной колбасой, – вся Восточная Европа станет социалистической. Надеюсь, что Оскар вовремя ушел, с вермахтом... – доктор Судаков усмехнулся:

– Мы с тобой, Конрад, Краков от взрыва спасали, только русских, в случае нашего ареста, это нисколько не заинтересует... – в начале января, когда вермахт катился на запад, партизаны Армии Крайовой заблаговременно перерезали немецкие коммуникации, лишив нацистов возможности отдать приказ о разрушении города.

– И Краков остался нетронутым... – они поднимались по гулкой, холодной лестнице. Авраам долго нажимал на звонок:

– Не работает, кажется... – он постучал кулаком в дверь, больше для очистки совести. В передней кто-то зашаркал, лязгнули засовы, на них пахло табачным дымом и перегаром. Шиндлер, с мятым, небритым лицом, в потрепанном халате, даже не удивился:

– Ты обещал, что вернешься, а ты свои обещания выполняешь... – он раскрыл объятия:

– Водка, пан Вольский. Нас ждет русская водка... – за русской водкой и салом выяснилось, что герр Оскар зарабатывает деньги на Красной Армии:

– Презервативов у них нет, – Шиндлер загибал пальцы, – хороших сигарет нет, кофе тоже нет... Не говоря о подарках, для местных девушек, и вообще знакомствах с девушками. У меня кадры надежные, ненужного гостинца, как принято говорить, они не подкинут... – Оскар немедленно предложил пригласить кадры на вечеринку. Доктор Судаков отказался:

– Последний раз я с твоей вечеринки с пулей в виске ушел. Тем более, мы оба женаты... – Шиндлер пошатываясь, поднялся:

– За такие новости надо пить французское шампанское, пока его не вылакали русские... – Авраам долго убеждал Шиндлера, что ему надо бежать на запад:

– Не след здесь оставаться, Оскар, – доктор Судаков затягивался немецкой сигаретой, – НКВД наплевать, что ты спас десятки тысяч евреев от смерти. Они тебя к стенке поставят, за торговлю на черном рынке... – Шиндлер, залпом, опрокинул половину стакана водки:

– Не поверишь, я еще в конце декабря евреев выкупал, отправлял к вам, на юг, в горы... – он икнул:

– Вермахт на колесах был, а я бегал со взятками... – Авраам смотрел на испитое лицо:

– Мудрецы говорили. Среди всех народов есть праведники. Оскар, Рауль, о котором Блау рассказывал, в Будапеште... – забулькала водка. Оскар, бодро, сказал:

– Я уйду. Еще немного денег заработаю, и уйду. После войны навещу вас, в Израиле... – он пьяно покачнулся:

– Посидим, как в Праге сидели, как здесь, в Кракове... – они с Блау пристроили над костром жестяную кружку, из вещевого мешка.

Конрад грел руки над дымком, кофе закипал. Авраам курил, глядя на огонь:

– Вокруг Треблинки мы никого не нашли. И о Кардозо никто не слышал... – в самом Аушвице им появляться было опасно, лагерем управляли русские:

– Но, хотя бы, мы теперь знаем, где мальчишки... – едва ступив в переднюю архиепископского дворца, Авраам увидел знакомое лицо. После ранения, его память стала еще лучше, но какие-то вещи, все равно, упорно не возвращались:

– Я совершенно не помню, что мне комендант Аушвица говорил, на исповеди. Хотя понятно, что... – молодой послушник, Кароль Войтыла, его не узнал. Представившись своим настоящим именем, Авраам попросил аудиенции у архиепископа:

– Там все и выяснилось... – они с Блау передавали друг другу кружку, – мальчишки в Требнице. То есть были там, три года назад... – в Требниц пока пробраться было невозможно. Городок находился рядом с Бреслау, за линией фронта:

– Эстер все равно никуда не поедет, пока мальчишки при ней не окажутся, – понял Авраам, – и новый малыш должен окрепнуть. Подождем конца войны, уже скоро. Нам еще две сотни людей из отряда в Израиль надо вывезти... – впереди их ждала дорога на юг, хорошо знакомая Аврааму, через Будапешт и Салоники:

– Или на Стамбул пойдем, – он пока не решил, – тамошних евреев никто не трогал. Знакомства в общине у меня есть, нам помогут... – Конрад, будто очнувшись, провел рукой по гладко выбритым щекам. Прежде чем спуститься с гор, они избавились от бород.

– Авраам... – Копыто пошевелил доски в костре, – в Треблинке, ничего нет... – летом, после уничтожения лагеря, немцы распахали поля, засеяв их травой:

– Только снег, Авраам... – темные глаза Блау взглянули на него, – это не как в Аушвице. В Треблинке ничего не осталось, от людей... – доктор Судаков, насадив хлеб на нож, обжаривал куски над костром:

– Осталось, – тихо отозвался Авраам, – кости и пепел, во рвах. И дым... – он указал на костер, – дым в небе. Но поэтому мы и воюем, Конрад, поэтому спасаем евреев. Чтобы возродить наш народ... – Блау прикурил от головни:

– Когда мы вернемся в горы, Циона, должно быть... – он не хотел, даже про себя, произносить это слово, – в общем, она станет такая, как была раньше. И очень хорошо. Я не хочу видеть, это. Потом, конечно, придется, и мне, и Ционе, но мы в кибуце не станем селиться. Обоснуемся в Тель-Авиве, город мне по душе. И вообще, у нее в следующем году мой ребенок появится, потом еще один, и еще... Она забудет об этом... – Блау поднял голову:

– После войны у нас будет много детей, Авраам... – он, неожиданно, нежно улыбнулся.

Доктор Судаков пристроил на кусок хлеба ломоть заледеленного сала:

– До конца войны еще дожить надо, Копыто, – он посмотрел на темнеющее, вечернее небо, – и неизвестно, что потом случится... – на востоке поднималась далекая, льдистая луна. Ветер швырнул в амбар мелкий, колючий снег. Авраам, поднявшись, захлопнул дверь.

Деревня Барвинек, граница Польши и Словакии

Приоткрыв заслонку белой печи, Эстер, ловко вытащила глиняный горшок. В комнате уютно запахло кашей, щеки женщины покраснелись от огня. На стенах висели местные тканые ковры, кровать покрыли вышитым одеялом. За маленьким окном, с кружевными занавесками, утреннее солнце освещало заснеженный садик, с покосившейся, деревянной оградой. К калитке вела протоптанная тропинка, на кольях забора устроился серый, с красной грудкой снегирь:

– Сейчас мы тебе масла в кашу положим... – Эстер потянулась за трофейной, жестяной бутылкой, с рисунком оливы и надписью на испанском языке, – сахаром посыплем... – на пакете сахара стояла печать вермахта:

– Хлеб свежий, сыр здесь свой, и видишь... – она отрезала Ционе хороший ломоть хлеба, – пригодился джем, что мы варили... – осенью Эстер оставила у хозяйки Ционы ворованные с немецких складов продукты. В саду созрели яблоки, Эстер и Циона закатали несколько банок варенья:

– Вкусное получилось... – облизав ложку, Эстер мимолетно вспомнила свою диету, в Амстердаме

– Развод, лучшая диета, – она усмехнулась, – а самая лучшая диета, партизанская война, одновременно с немцами и русскими... – Эстер забыла, когда взвешивалась, но думала, что сейчас в ней вряд ли больше пятидесяти килограмм:

– Мы с Ционой одного роста, за метр семьдесят, – девушка склонилась над раскрытой распашонкой, – она немного прибавила, не больше шести-семи килограмм. Девочка изящная родится. Хотя Циона высокая, и он тоже... – Эстер напомнила себе:

– И мы с Авраамом высокие. Малышка получится либо рыжая, либо светленькая. В меня или Авраама. Никто, ничего не узнает... – она подсунула Ционе чашку чая, из малиновых листьев, и тарелку каши:

– Поешь, пожалуйста. И бутерброд бери... – она не хотела курить при беременной женщине. Поднявшись, Эстер поцеловала племянницу в теплый подбор. Циона, по-деревенски, заплетала косы, и носила просторное платье, с меховой безрукавкой:

– Я уверена, что будет девочка, – хмыкнула Эстер, – живот у нее такой. Но вообще это бабьи сказки. В любом случае ребенок небольшой, лежит правильно, девушка она молодая и здоровая. Волноваться не о чем... – она обняла стройные плечи:

– Пей чай, он в родах помогает. Ешь кашу, и не хлюпай носом. Я покурю... – Эстер накинула крестьянский, подбитый мехом полушубок. В село она приходила в штатской одежде, как смешливо называла ее Эстер, но с пистолетом. Она проделывала тридцать километров по обледеневшей, занесенной снегом горной тропе, за три дня, ночуя в расселинах, укрываясь плащ-палаткой. В вещевом мешке она несла сахар, муку, и немецкие, трофейные, концентраты и консервы. Разведя маленький костерок, затягиваясь сигаретой, она думала о мальчиках и отце:

– Что у папы случилось? Связь прервалась, он только успел сказать: «Тре...». Эстер вздыхала:

– Треблинка или Требниц? Треблинка освобождена, Требниц на территории рейха. Или не у папы что-то произошло, а просто связь выключили... – Эстер не могла спуститься в Краков и потребовать у русской военной администрации звонка в Лондон:

– Меня сразу арестуют... – она устало закрывала глаза, – никто не посмотрит на мои заслуги. Тем более, я воевала против русских. Они ищут Штерну, наверняка. Я больше не увижу мальчиков и Авраама. Я обещала Иосифу и Шмуэлю, что мы встретимся, после войны. Так оно и будет... – сейчас Эстер принесла в деревню почти неподъемный мешок с провизией. У нее все еще побаливали плечи. Роды, по расчетам доктора Горовиц ожидалась со дня на день.

Эстер вышла в холодную переднюю, где пахло куриным пометом, и дымом. Курицы, в накрытой шерстяным платком клетке, встрепенулись. Чиркнув немецкой зажигалкой, она прислонилась к бревенчатой стене:

– Циона волнуется, по лицу видно. Она девочка, семнадцати не исполнилось. Если бы Конрад ни был таким упрямым, ей бы легче стало... – Блау не захотел ничего слушать:

– Это не мужское дело, – отрезал Копыто, – а ваши, женские вещи... – Авраам поднял голову от трофейного пистолета. Доктор Судаков протирал тряпкой детали оружия:

– Дурак, – беззлобно сказал Авраам, – вроде ты, Копыто, мой ровесник, взрослый мужчина, а дурак. Хотя, конечно... – он оборвал себя. Блау отвернулся:

– Вот именно. Если бы она моего ребенка рожала, я бы, может быть, и пришел, а это... – Конрад скривился, – это я даже видеть не хочу... – больше они ничего не обсуждали. Эстер принимала роды, Авраам собирался быть рядом. Доктор Горовиц взяла провизии с расчетом на неделю:

– Если все хорошо пройдет, Циона на следующий день на ноги поднимется. Или в тот же день. Неделю здесь побудем, с мужчинами, и пойдем обратно в отряд... – ей предстояло нести новорожденного младенца, по горной тропе:

– Ночью еще ниже минус двадцати, – озабоченно подумала Эстер – но ничего, надену шинель и полушубок, устрой малышку в перевязи. Когда она родится, унесу, дам ей грудь. Ционе надо грудь перевязать, шалфей я успела собрать, засушила. Попьет отвар и молоко

исчезнет... – кроме продуктов и шалфея, в мешке у Эстер лежали хорошие, ворованные у немцев лекарства и хирургический набор. Она, впрочем, надеялась, что дело до операции не дойдет:

– Швы я наложу, если что-то мелкое потребуется. Отдохнем, и вернемся в отряд. Надо думать, как дальше на юг идти. Если мальчик родится, то с обрезанием я сама справлюсь. Близнецов не обрезали, из-за него. Кто знал, что так лучше выйдет... – Эстер беспокоилась за сыновей и отца, но повторяла себе, что все живы:

– Мальчика можно было бы Хаимом назвать, но с папой все в порядке... – приоткрыв дверь, она выкинула окурок в сугроб. Село было тихим, немцы или русские сюда не заглядывали:

– Или Бенционом... – она прислушалась к дальнему лаю собак, – а девочку, Мирьям, как мы хотели. Но еще хочется жизни, время такое на дворе... – Эстер решила остаться в горах до освобождения Требница:

– Ребенок окрепнет к тому времени. Если мальчики в тамошней обители, мы поедем, их заберем и отправимся на юг. С Ционой, Конрадом и всеми остальными. А если нет... – холодок пробежал по спине:

– Где их искать? Их могли отдать в рейх, на усыновление, в католические семьи. Могли насильно крестить, поменять имена... – лай собак приближался, Эстер насторожилась:

– Неужели русские сюда явились? У них может быть мое описание... – рука потянулась за пистолетом, в кармане полушубка:

– Вряд ли... – Эстер оглянулась на дверь, – а если что, старуха скажет, что мы родственницы. Циона на сносях, никто ничего не заподозрит. Хотя русские с немцами и женщин на сносях... – она поморщилась. Эстер вспомнила погибшую в варшавском гетто Рахельку:

– Девочку ее и не найти теперь, в католическом приюте. Но это дитя мы сохраним, обещаю. Она ничего об отце своем не узнает. И мальчиков мы найдем... – Циона, отложив распашонку, тоже смотрела на дверь:

– Хоть бы все быстрее закончилось, – попросила девушка, – я отдам его... малыша, тете Эстер, и все будет по-прежнему. Может быть, – подумала Циона, – может быть, Блау от меня уйдет, бросит меня... – девушка шмыгнула носом:

– Никогда такого не случится. Он меня любит, а я его нет... – она сплела длинные пальцы на чашке с травяным чаем:

– Я не могу с ним жить, рожать его детей... – ночами Блау говорил ей о их будущем доме, в Тель-Авиве:

– Я все для тебя сделаю... – Циона слышала его ласковый шепот, – буду сутками работать, только бы ты ни в чем не знала нужды. Ты играй на пианино, милая, преподавай, занимайся с нашими детьми. Я тебя люблю, так люблю... – Циона чувствовала его крепкие, надежные руки. Блау не хотел возвращаться к воровству:

– Хоть Авраам мне и говорил, что без воров еврейского государства не построить... – он подмигнул Ционе, – я так сказать, на другую сторону перейду. Ребятам нужен человек, в полиции, а у меня большой опыт... – Копыто усмехнулся, – буду сидеть кротом, передавать сведения подпольщикам... – Циона тогда обрадовалась:

– Может быть, его британцы казнят. Хотя нет, Блау из тех, кого не убьешь. Как Волк... – она, иногда, думала о Будапеште и Рауле:

– Я бы могла принять его предложение, спокойно жить в Швеции. Но я его не любила. Я любила... – Циона замирала:

– Забудь его имя, навсегда. Он мертв, его больше нет... – каждую ночь, с Блау, она все равно вспоминала о Максимилиане, представляя его рядом:

– Он так хотел девочку, Фредерику. Я бы дитя Фридой назвала, но кто меня спрашивает. Максимилиан бы сейчас был рядом, носил бы меня на руках, баловал бы... – Конрад всегда брал в деревню сахар, сам делал Ционе чай, и подавал ей завтрак в постель:

– Все равно, видно, что он мной сейчас брезгует... – девушка опустила глаза к животу, под платьем, – даже прекратил то, что обычно... Говорит, что пока и так может справиться, а меня надо поберечь... – она скрыла вздох:

– Оставь, надо спасибо сказать, что тебя на весь мир не ославили, как подстилку нациста. Поляки таких девушек шматами называют, плюют им вслед. Они просто от солдат родили, а я от эсэсовца, палача, убийцы евреев... – крупные слезы закапали на холст распахнутой:

– Цила осенью должна была родить. Они с Итамаром девочку хотели. Цила счастлива, она с любимым человеком, а мне надо будет до конца жизни Блау терпеть... – Циона предполагала, что после создания государства, Блау останется в полиции:

– Еще министром станет, – мрачно подумала она, – уголовник, не доучившийся в школе. Он от меня никогда не уйдет, можно не надеяться... – в животе заныло, она подышала. Дверь стукнула, тетя Эстер всунула светловолосую голову в комнату:

– Пришли, – женщина широко улыбалась, – и теперь мы знаем, где Иосиф со Шмуэлем. Поднимайся... – распорядилась она, – мужчины голодные, сейчас мы мяса сварим, к каше... – Циона уцепилась за край стола: «У меня, кажется, схватки, тетя...»

Печь жарко натопили, Эстер попросила мужа повесить окна полушубками. К ночи поднялся ветер, завывала метель. Из-за стены она слышала скрип шагов Блау, по старым, разошедшимся половицам. Эстер успела кинуть в горшок копченой свинины, для мужчин. Авраам уверил ее:

– Мы сами разберемся. Ты иди, не стоит Циону сейчас одну оставлять... – муж, со значением, посмотрел на пана Конрада. Копыто резал замерзшее сало, на столе лежала фляга с водкой:

– Надо дров нарубить, – хмуро отозвался Блау, – воды согреть. Вода понадобится, вы говорили... – он поднялся: «Я лучше делом займусь, вот что». Каша была пшеничная. У Эстер, в горшке, еще томился гороховый суп, приготовленный вечером:

– Голодными не останемся, – подытожил доктор Судаков, – я тебе потом воды принесу... – Эстер провела почти весь день в маленькой комнатке, с Ционой. Подложив под одежду подушку, она сходила в хозяйскую половину. Эстер громко крикнула пожилой женщине:

– У меня роды начались! Но племянница мне поможет, не волнуйтесь... – хозяйка обещала, что присмотрит за мужчинами. Циона бродила по комнате, испуганно постанывая, кусая губы. Девушка держалась за живот:

– Очень больно, тетя... – серые глаза наполнились слезами:

– Тетя, а если я умру... – Эстер вытерла бледные щеки своим платком:

– Никто не умрет. Я опытный врач, сотни родов приняла... – от печи веяло домашним теплом. Ребенок, у груди Эстер, мирно посапывал.

Авраам, открыв заслонку, грел у огня холщовые пеленки:

– Все, как в учебнике прошло, – смешливо сказала доктор Горовиц, глядя на длинные, темные реснички младенца, – первые роды, семь часов, ребенок лежал правильно. Весов у меня нет... – она, осторожно, покачала дитя, – но думаю, немногим больше трех килограмм... – приняв ребенка, аккуратно завернув ее в пеленку, Эстер подумала:

– На него похожа. Только волосы от Ционы, рыжие. Хотя, может быть, глаза еще серыми станут... – глазки у девочки были голубые, младенческие туманные. Эстер видела, как она сложена:

– В него. Изящная, кость тонкая. Высокой вырастет. Если бы я тогда убила его, в Венло, ничего бы этого не случилось... – над нежными ушками девочки завивались рыжие, еще влажные волоски. Быстро вытерев ее, Эстер устроила младенца под своей крестьянской, теплой блузой, в перевязи. Ребенок сразу нашел грудь, Эстер, мимолетно, подумала:

– Теперь сутки надо ее не отнимать. Я кормила, молоко появится... – молоко появилось даже быстрее, к вечеру. Она не хотела показывать ребенка племяннице, но Циона и не просила увидеть дочь. Во время родов, она почти не открывала глаз. Услышав крик ребенка, племянница отвернулась к стене, Эстер шепнула ей на ухо: «Девочка». Циона только кивнула.

– И с Ционкой все хорошо... – девочка зашевелилась, Эстер велела мужу: «Давай тазик и пеленки».

– Все хорошо, – повторила она, вынимая дочку из перевязи, – даже швов накладывать не пришлось. Она на ноги встала, я слышу... – из-за стены доносился стук посуды. Циона, видимо, накрывала на стол:

– Пусть поужинают и спать лягут... – Эстер широко зевнула, – и мы здесь, на кровати устроимся, все вместе... – девочка оказалась тихой и почти не плакала.

Авраам этому удивился, Эстер весело отозвалась:

– А зачем ей плакать? Она в тепле, в покое, ее кормят, родители рядом... – Эстер ласково погладила маленькую голову, в холщовом чепчике, – зачем нашей малышке расстраиваться... – она была рада, что Циона не слышит голоса дочери. Авраам присел рядом, на лавку:

– Думаешь... – муж помолчал, – Ционе не тяжело будет ее видеть... – они понимали, что без этого никак не обойтись. Циона и Блау собирались обосноваться в городе, но, конечно, навещали бы кибуц. Эстер вздохнула:

– Блау хочет осенью хупу поставить, после праздников. К следующему лету Циона родит, ей не до такого будет. Да и потом... – она положила голову на плечо мужу, – нам с тобой еще надо малышку и остальные двести человек, до Израиля довести... – Авраам обнял их обеих:

– Надо. И мальчишек надо из Требница забрать... – Эстер обрадовалась, услышав новости из Кракова, но Авраам заметил озабоченную складку между ее бровями. Он знал, о чем думает жена. Близнецов могли давно увезти из Требница:

– Куда угодно, – горько сказал себе доктор Судаков, – в рейх, в какой-нибудь итальянский монастырь, в Испанию, в Южную Америку... – Авраам знал, что у католической церкви есть свои каналы:

– Некоторые прелаты будут и нацистам помогать, – понял доктор Судаков, – за деньги... – посоветовавшись, они с женой решили пока подождать:

– Не надо рисковать жизнью, – заметил Авраам, – ни мне, ни тебе, ни Конраду. Русские освободят Бреслау, мы поедem на запад, заберем детей и уйдем отсюда, вместе с нашими евреями... – вернувшись на базу отряда, Эстер собиралась отдать распоряжение о прекращении военных действий.

– Кто хочет к украинцам идти, пусть идет... – над жестяным тазом, над теплой водой, поднимался пар, – а мы с евреями будем сидеть тихо, и воровать провизию с армейских складов... – жена улыбнулась:

– Летом легче на юг пробираться, и к лету война закончится... – Эстер добавила:

– Надеюсь, хотя бы из Стамбула мы сможем с Лондоном связаться, узнать, как у семьи дела... – посылать сейчас две сотни человек в Израиль было преждевременно. В Венгрии и Румынии еще шли бои. Авраам бы не оставил жену одну, с новорожденным ребенком, а Блау никогда не ходил тайными тропами, которые хорошо знал доктор Судаков. Авраам, с опаской, покосился на завернутую в пеленки девочку:

– А ей можно купаться... – Эстер, держа ребенка на одной руке, попробовала локтем воду:

– Можно, можно... – запах молока, младенца, напомнил ей о детской, в доме Кардозо, в Амстердаме:

– Я мальчишек сама купала, Давид мне не помогал. Говорил, что за младенцем должна ухаживать женщина, это ее естественное предназначение. Но он всегда у меня детей забирал, чистых, сытых. Объяснял, что они с младенчества должны быть с отцом, каждый день. Он хорошим отцом был... – Эстер разозлилась:

– Не думай о нем, он мертв. Авраам с Блау его не нашли. И Максимилиан погибнет, а если не погибнет, то его найдут и казнят. Он не уйдет от правосудия... – Авраам протянул руки: «Давай мне малышку».

Доктор Судаков еще никогда не видел новорожденных детей так близко. Он мог уместить ее в сомкнутых, больших, грубых ладонях. Поерзав в пеленках, зевнув, девочка почмокала ротиком. Глазки открылись, она смотрела вверх, на Авраама. Она была такая маленькая и хрупкая, что Аврааму, немедленно, захотелось прижать ее к себе, защитить, укрыть от всех невзгод и несчастий:

– Дочка, – ласково подумал он, – доченька. Она в кибуце вырастет, на земле, с братьями и сестрами. Нам с Эстер едва за тридцать, после войны у нас много детей появится. И близнецы обрадуются новой сестричке... – Аврааму показалось, что за окном не февральская, бесконечная метель, а солнце Израиля. Медный диск спускался за холмы, пахло горячей землей, спелым виноградом, дети визжали у колодца. Мычали коровы, они с Эстер сидели на скамейке, которую поставил еще покойный отец Авраама. Он держал малышку на коленях, девочка размахивала погремушкой:

– Даже зубки появились... – дочь потащила его палец в рот. Авраам очнулся от прикосновения к плечу:

– Вода остынет, милый... – шепнула Эстер, – давай сюда нашу красавицу... – она и вправду, была красавицей. Она не капризничала, крохотные пальчики обхватили палец Авраама. Эстер, осторожно поливала девочку из кружки. Авраам любовался спокойным личиком, легким румянцем на щеках, тонкими, рыжими волосами:

– Мы ее хорошей еврейкой вырастим, хорошей дочерью Израиля. Она никогда, ничего не узнает, наша радость... – доктор Судаков, внезапно, сказал: «Радость».

Эстер подвела под девочку пеленку:

– Да... – заворковала жена, – она наша радость... – Авраам улыбался:

– Я насчет имени. Пурим этим месяцем. Сказано, что с приходом месяца адар умножают в радости. Ты девочку Мирьям хотела назвать... – он усадил Эстер, с ребенком в руках, себе на колени. У жены была теплая щека, дочка задремала, у груди Эстер:

– Но можно и по-другому... – задумчиво сказал доктор Судаков, – можно Фридой, радостью. Если ты согласна, конечно... – Эстер усмехнулась:

– Имя хорошее. Фрида Судакова. Я ей кинжал отдам, как подрастет... – она кивнула на свой вещевой мешок:

– И у нее большая семья будет, – пообещала Эстер, – обязательно... – Авраам обнимал жену, слушая вой метели:

– Циона с Блау спят... – из-за стены не доносилось ни звука, – пора и нам... – Циона, действительно, лежала у стены, слушая размеренное дыхание Конрада:

– Он меня не стал трогать. Сказал, что подождет, пока все закончится... – грудь девушки стягивала повязка, – только, как обычно... – от десерта, как весело называл это Блау, он никогда не отказывался. Циона сглотнула. Ей показалось, что вкус до сих пор остался на губах:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.